



РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 3 · № 2 · МАРТ – АПРЕЛЬ · 2005

Содержание

Демократия, данная нам в представлении *Фёдор Лукьянов* 5

In memoriam

Память и идентичность *Иоанн Павел II* 7

Комментарии

Демократизации недостаточно *Амитаи Этциони* 12

После падения полицейского режима в любой стране наблюдается взрыв антиобщественного поведения, сопровождающийся насилием. И одним только введением института свободных выборов проблему незрелости общества решить невозможно.

Бунт с оранжевым оттенком *Алексей Макаркин* 16

События в Киргизии стали звеном в цепи событий, произошедших за последнее время на территории бывшего Советского Союза. Они, однако, свидетельствуют о том, что в упаковке «цветной» революции может скрываться очень разное содержание.

Новая биполярность и дефицит адекватности
Александр Коновалов 23

Среди различных угроз национальной безопасности, с которыми мы сталкиваемся в современном мире, одной из ключевых следует признать проблему адекватности при принятии политических решений.

Куда ведут российские дороги?
Михаил Блинкин, Александр Сарычев 29

Свобода перемещения в пространстве – неотъемлемый атрибут свободы личности. Поэтому состояние транспортной системы – это и фактор реализации, и в то же время показатель уровня развития одной из фундаментальных свобод человека.

Эпоха перемен

- Перестройка сквозь призму двух десятилетий** *Владимир Мау* 40
 Дискуссии о перестройке обречены на то, чтобы иметь налет сослагательности. Явно или неявно всегда возникает вопрос: а могло ли все пойти иначе? В какой мере тот вектор развития страны был предопределен объективными факторами, а в какой стал результатом стечения обстоятельств, ошибок или прозрений отдельных лидеров?
- Реформы нельзя закончить** *Лешек Бальцеревич* 65
 Нет ни одного примера страны, которая находилось бы в лучшем положении только потому, что ей удалось осуществить меньше рыночных реформ. Более того, залог успешного развития не только переходных, но и весьма продвинутых государств заключается как раз в том, что реформы никогда не заканчиваются.
- Рыночная экономика, а не общество** *Антониу Гутерриш* 71
 Все мы до сих пор расплачиваемся за отсутствие солидарности с российским народом, за отсутствие понимания и мудрой поддержки извне в период переходного процесса. Запад навязывал якобы универсальную либеральную модель, да еще в такой экстремальной форме, которой ни в одном из самих западных государств просто быть не может.
- Как увядали сто цветов** *Александр Ломанов* 76
 Сегодня уже мало кто сомневается в том, что реформы в России не могли пойти китайским путем. Однако сравнение дискуссий, которые на протяжении последних десятилетий ведутся в обеих странах, показывает, что у нас немало общего. И с течением времени сходство не только не исчезает, но и становится все более разительным.
- Реформа: слово и дело** *Алексей Любжин* 95
 История человечества перенасыщена реформами, однако большинство истинных реформаторов никогда не подозревали, какую роль они играют на самом деле; те же, кто причислял себя к таковым, в основном занимались чем угодно, но только не реформированием.

Вокруг Ирана

- Новый Ближний Восток** *Евгений Сатановский* 102
 Ближний и Средний Восток ждут в скором будущем углубление старых и возникновение новых очагов конфликтов, доминирование США в соперничестве с Европейским союзом и во все возрастающей степени с Китаем, а также распад существующей системы границ и рост нестабильности, в том числе за пределами региона, по модели 11 сентября.
- Принимая вызов Тегерана** *Кеннет Поллак, Рэй Тейкей* 112
 Если Вашингтон хочет пресечь разработку Ираном ядерной программы, он должен воспользоваться разногласиями в Тегеране между сторонниками жесткого курса, в основном заботящимися о безопасности, и прагматиками, которые стремятся наладить разваливающуюся экономику. Обещая щедрое вознаграждение за уступчивость и жесткие санкции за неповиновение, США способны усилить позиции прагматиков, настаивающих на том, чтобы Тегеран предпочел масло пушкам.

Между Бушем и Бушером <i>Александр Винников, Владимир Орлов</i>	128
--	-----

Теряясь в догадках по поводу истинных ядерных намерений Тегерана, Москва пытается балансировать между очевидными стратегическими соблазнами и «нераспространенческой» осторожностью в отношении своего «трудного» соседа и партнера. При всем при том, однако, она явно склоняется к стимулированию сотрудничества и политике «оправданного риска».

Ядерный подход к сегодняшней реальности <i>Джон Дейч</i>	143
---	-----

После окончания холодной войны характер ядерной угрозы изменился, однако ядерный подход Вашингтона не претерпел необходимой трансформации. Соединенным Штатам следует сократить свой арсенал, но при этом дать согласие на ограниченные ядерные испытания и перестроить свои ядерные силы так, чтобы стимулировать нераспространение и не подрывать сдерживание.

Зигзаги интеграции

Постсоветское пространство в эпоху прагматизма <i>Татьяна Валова</i>	158
---	-----

Чтобы сохранить и укрепить свои позиции на постсоветском пространстве, России нужно сосредоточиться не столько на защите этого пространства от «посягательств извне», сколько на укреплении рыночных и демократических преобразований внутри страны, модернизации экономической системы, ее встраивании в мировую экономику.

Европейская стратегия России: новый старт <i>Ситуационный анализ под руководством Сергея Караганова</i>	172
--	-----

Ключевой проблемой российской политики в отношении Европейского союза является отсутствие стратегического видения места России в общеевропейском контексте. Если Москва будет выстраивать тот или иной формат отношений с ЕС, не имея четкой цели, она обречет себя на односторонние уступки и создаст ситуацию, при которой роль России сведется к необходимости реагировать на предложения Евросоюза.

Циклы нефтяной зависимости <i>Александр Арбатов, Виктор Смирнов, Владимир Фейгин</i>	185
---	-----

И Россия, и Европейский союз сталкиваются, по сути, с одной проблемой, хотя и на качественно различном уровне, — необходимостью серьезной модернизации. Взаимодополняемость экономик позволяет ставить вопрос об их масштабном симбиозе во имя реализации стратегии прорыва.

Рецензии

Какое из двух зол предпочтительнее? <i>Владислав Иноземцев</i>	200
Срочно нужна идея <i>Александр Кузяков</i>	204
Европарламент: власть или мираж? <i>Владимир Швейцер</i>	209
Послесловие к двум революциям <i>Марк Шкундин</i>	212

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.

«Интеррос»

ВАЙНШТОК С.М.
ОАО «АК «Транснефть»»

ВАРДАНЯН Р.К.
«Тройка-Диалог»

ВЕКСЕЛЬБЕРГ В.Ф.
ОАО «СУАЛ-Холдинг»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
*председатель совета директоров
Ассоциации по защите прав
инвесторов*

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

КУЗЫК Б.Н.
«Новые программы и концепции»
КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Азрофлот»

ЦВЕТКОВ Н.А.
ФК «Уралсиб»

УЧРЕДИТЕЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
(РАБОТОДАТЕЛЕЙ)

ОАО «РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«ИЗВЕСТИЯ»»

Издается АНО РИД «Глобус»

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (095) 980-7353
Факс: (095) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 179.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Маргги
(Финляндия)
БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя
БЕРГСТЕН Фред (США)
БИЛЬДТ Карл (Швеция)
ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)
ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)
ЗВЕРЕВ С.А.
ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)
ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.
*председатель
научно-консультативного
совета*
КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.
КОКОШИН А.А.
КОЛЬ Гельмут
(Германия)
КОМИССАР М.В.
КОПЬЕВ В.В.
КУЗЬМИНОВ Я.И.
ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)
ЛИВШИЦ А.Я.
ЛУКИН В.П.
ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор
МАУ В.А.
МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)
НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.
ПОЗNER В.В.
ПРИМАКОВ Е.М.
ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)
РЫЖКОВ В.А.
ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)
ТОРКУНОВ А.В.
УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)
ХАКАМАДА И.М.
ХОУГ Джеймс (США)
ШМЕЛЁВ Н.П.
ЭЛЛИСОН Грэм (США)
(Франция)
ЮРГЕНС И.Ю.
ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.
председатель
АДАМИШИН А.Л.
БУТОРИНА О.В.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.
ЛОМАНОВ А.В.
МИРСКИЙ Г.И.

ШКУНДИН М.З.
ЭНТИН В.Л.
ЮРЬЕВ А.И.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Известия», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно», «Труд»
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Автор макета
Константин Радченко

Англоязычное издание
Russia in Global Affairs

Ответственный редактор
Александр Кузяков

Верстка
Наталья Заблочките

Редактор
Ринат Якубов

*Заведомо
переводной литературы*
Любовь Рыклина

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Стилист
Роберт Бридж

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блинникова

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Корректор
Людмила Купченко

Ответственный секретарь
Ксения Михайлова

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
subscribe@globalaffairs.ru

Иллюстрации
Александр Бобосов

Демократия, данная нам в представлении

Фёдор Лукьянов, главный редактор

В предыдущем номере журнала по вине вашего покорного слуги была допущена досадная ошибка. В статье Юрия Рубинского «*представительная демократия*» (то есть форма осуществления народом власти через избранные им государственные органы) названа «*представительской*» (как лимузин класса «люкс»). Я хотел было просто извиниться перед уважаемым автором, но, задумавшись, понял, что случайно родившийся термин на самом деле достоин того, чтобы ввести его в оборот. Ибо «*представительская демократия*» есть ключевое понятие сегодняшней мировой политики.

В результате бурных событий последних двух десятилетий демократия превратилась в необходимый атрибут любого хоть мало-мальски заботящегося о собственном имидже государства. Откровенно диктаторские режимы не в моде. «Третья волна» демократизации (по определению Самьюэла Хантингтона) накрыла к концу минувшего столетия всю Европу и немалую часть остального мира. Политические штормы смели не только биполярную систему, благодаря которой тот или иной авторитарный правитель мог, сделав

правильный геополитический выбор, воспользоваться покровительством могущественного патрона, но и принцип незыблемости суверенитета. Зато права человека превратились из внутренней проблемы каждого конкретного тирана в грозное оружие международного сообщества (или того, кто его в данный момент олицетворяет).

Соблюдения приличий требуют сегодня от всех, и демократия больше не роскошь, а средство сохранения власти. Но поскольку демократия представительная — с прямыми и прозрачными выборами, разделением властей и пр. — гарантий такого сохранения как раз не дает, приходится сооружать «представительскую». Оснащенную необходимыми аксессуарами, которые можно предъявить наблюдателям, но безопасную в применении.

Однако и это уже вчерашний день. Потому что, как выясняется, на каждую «представительскую» демократию найдется если не «великий поход за свободу» (этого устаиваются лишь самые зловредные диктаторы), то своя «цветная» революция, которая разоблачит фальшь прогнившего режима — от Киева и Бишкека до

Хараре и Бейрута. В каждом случае, правда, со своими последствиями. И точно так же, как автократам пришлось взять на вооружение демократическую форму, их соперники вне зависимости от истинной мотивации облачаются в революционные одежды. А понятия «демократия» и «демократические преобразования» незаметно девальвируются, приобретая инструментальный характер.

О том, как трансформируется понятие «оранжевая революция», пишет в связи с киргизскими событиями **Алексей Макаркин**. На череду потрясений не мог не откликнуться и **Марк Шкундин**, который на страницах нашего журнала ранее рецензировал книги двух «пострадавших» от революций президентов — Леонида Кучмы и Аскара Акаева. Формальная демократизация — это лишь первый маленький шаг к построению полноценной демократии, напоминает **Амитаи Этциони**. Особняком стоит небольшой материал, посвященный памяти **Иоанна Павла II**, — отрывки из книги, вышедшей в свет незадолго до кончины понтифика и ставшей его нравственным завещанием. Вопросу о том, что такое демократия, Папа Римский в этой книге уделяет особое внимание.

А наша главная тема — двадцатилетие прихода к власти в Кремле Михаила Горбачёва. Именно с этого события начались все грандиозные перемены конца минувшего столетия. О том, существовали ли альтернати-

вы перестройке, размышляет **Владимир Мау**. Реформы в России и КНР сравнивает **Александр Ломанов**, находя неожиданные параллели. Любопытна заочная полемика архитектора польской «шоковой терапии» **Лешека Бальцеровича** и председателя Социалистического интернационала **Антониу Гутерриша**, резко критикующего неолиберальный подход.

Возможности демократизации Ближнего и Среднего Востока крайне скептически оценивает **Евгений Сатановский**, а поведение такой своеобразной демократии, как Исламская Республика Иран, анализируют **Кеннет Поллак**, **Рэй Тейкей**, **Владимир Орлов** и **Александр Винников**.

С темой итогов двадцатилетних преобразований связаны и материалы, посвященные тому, как новая Россия ищет свое место в крупных интеграционных проектах. Пересмотреть стратегию отношений с Европейским союзом призывают участники ситуационного анализа, прошедшего под руководством **Сергея Караганова**. Энергетическую составляющую российско-европейских связей анализируют **Александр Арбатов**, **Виктор Смирнов**, **Владимир Фейгин**. О будущем СНГ и Единого экономического пространства пишет **Татьяна Валовая**.

В следующем номере мы посвятим ряд материалов 60-летию Великой Победы, а также вернемся к некоторым темам, которые были затронуты в предыдущих номерах.

In memoriam

Иоанн Павел II



Фотографии агентства РАР

14 марта 2005 года в Кракове, на родине Папы Римского Иоанна Павла II, была представлена его книга «Память и идентичность» (Jan Paweł II. «Pamięć i tożsamość». Kraków: wydawnictwo «Znak», 2005). В ней понтифик размышляет о демократии, морали и вере, о правах человека и о судьбах Европы – сегодняшней и будущей. «Память и идентичность» стала, по сути, нравственным завещанием Иоанна Павла II, окончившего свой земной путь спустя две с небольшим недели после польской «премьеры» своего труда. В память об одном из величайших деятелей современности мы публикуем отрывки из этой книги.

Вспоминается разговор, который состоялся у меня во время учебы в Риме с одним из моих однокашников... Беседуя, мы затронули вопрос о положении в мире, которое сложилось после окончания Второй мировой войны. Мой коллега выразился примерно так: «Господь Бог попустил, чтобы эксперимент зла, каким является коммунизм, пал на вас... А почему он это попустил?» И сам дал ответ, который я считаю знаменательным: «Нас на Западе пощадили, возможно, потому, что мы, на западе Европы, не выдержали бы подобного испытания, а вы – выдержите». Это мнение молодого клирика оставило след в моей памяти. В какой-то мере оно имело пророческий смысл. <...>

Конечно, нельзя слишком упрощать проблему, преувеличенно подчеркивая духовное видение Европы, разделенной на Запад и Восток. Страны Западной Европы имеют долгую христианскую традицию. Христианская культура достигла здесь своих вершин. Народы этих стран обогатили храм Божий множеством святых. В Западной Европе были созданы великие произведения искусства... и сформировались наиважнейшие традиции христианской духовности... Большая миссионерская эпопея питалась соками прежде всего европейского Запада, а сегодня там возникают прекрасные и динамичные апостольские движения... В этом смысле можно сказать, что Христос по-прежнему является краеугольным камнем строительства и возрождения обществ христианского Запада. <...>

Однако в то же время трудно не заметить, что отвержение Христа, принимая новые формы, все еще дает себя знать. По-прежнему проявляются признаки иной цивилизации, чем та, краеугольным камнем которой является Христос, – цивилизации, которая если и не провозглашает официально атеизма, то наверняка руководствуется принципами позитивизма и агностицизма, призывая думать и действовать так, «как если бы Бог не существовал». Такое представление легко прочитывается в современной так называемой научной ментальности, в литературе и особенно в средствах массовой информации. Жить так, «как если бы Бог не существовал», – значит ставить себя вне системы координат добра и зла, за пределами кон-

текста ценностей, которых Он сам, Бог, является источником. Человеку предлагают притязать на то, чтобы самостоятельно решать, что хорошо, а что плохо. И подобный подход популяризируется с разных сторон. <...>

С одной стороны, Запад постоянно демонстрирует действие евангелической закваски, но в то же время, с другой стороны, не меньшую силу проявляют течения, противоречащие евангелизации. Метят они в самые основы человеческой нравственности, направлены на семью и пропагандируют моральную вседозволенность, разводы, свободную любовь, прерывание беременности, контрацепцию, борьбу с жизнью на этапе зачатия, а также манипулирование с ее течением на закате дней. Данная программа располагает огромными финансовыми средствами не только в отдельных обществах, но и в мировом масштабе, поскольку может рассчитывать на поддержку мощных центров экономического влияния, посредством которых навязываются условия странам, находящимся на пути развития... Не является ли это также новым образом тоталитаризма, прикрываемого видимостью демократии? <...>

Вероятно, все это имел в виду мой коллега, когда говорил: «Быть может, мы, на западе Европы, не выдержали бы подобного испытания. А вы – выдержите». Примечательно, что это самое мнение я услышал, уже будучи Папой, из уст одного известного европейского политика. Он сказал: «Если советский коммунизм двинется на Запад, мы будем не в состоянии защитить себя. Нет силы, способной мобилизовать нас для такой обороны...» Мы знаем, что коммунизм окончательно пал по причине общественно-экономической недостаточности этой системы. Но это не значит, что он действительно отброшен как идеология и как философия. В определенных кругах на Западе его закат по-прежнему воспринимается как утрата. <...>

Какие уроки мы можем извлечь, оглядываясь на время доминирования «идеологий зла» и борьбы с ними? Думаю, что прежде всего мы должны научиться доходить до корней. Только тогда зло, причиненное фашизмом или коммунизмом, сможет в каком-то смысле обогащать нас, вести к добру, а это, несомненно, христианская программа. <...>

После краха идеологий XX века, а особенно после падения коммунизма, многие народы связали свои надежды с демократией. Именно в этом контексте стоит спросить: чем должна быть демократия? Часто можно услышать утверждение, что благодаря демократии создается подлинное правовое государство. Потому что в этой системе общественная жизнь регулируется правом, которое устанавливается законодательной властью парламентов. В этих собраниях вырабатываются нормы, регулирующие поступки граждан в различных сферах общественной жизни. Конечно, каждая сфера жизни требует специального законодательства, которое позволит ей развиваться в правильном направлении. Правовое государство выполняет

таким образом постулат любой демократии – создание общества свободных граждан, которые вместе настойчиво стремятся к общему благу. <...>

В годы существования «железного занавеса» о Центральной Европе забыли. Применялся механический подход к разделу на Запад и Восток, а Берлин, расчлененную столицу Германии, воспринимали как город-символ. В действительности этот раздел был совершенно искусственным... обозначал границу двух блоков, но не считался с историей народов. Полякам трудно было смириться с тем, что они принадлежат к Востоку, особенно принимая во внимание тот факт, что именно в эти годы границы Польши были передвинуты на Запад. Допускаю, что это так же нелегко было принять чехам, словакам или венграм, равно как и литовцам, латышам или эстонцам.

В этом смысле избрание Папы, поляка по происхождению, выходца из Кракова, приобретало в известной степени символическое значение. Это не было призванием только одного конкретного человека, но всего Римско-католического костела Польши, с которым он был связан с момента рождения; косвенно это было также призванием народа, к которому он принадлежал... За выбором поляка не могли не последовать серьезные сдвиги. Они свидетельствовали о том, что конклав, верный указаниям Собора (имеется в виду Второй Ватиканский собор. – Ред.), стремился распознать «знаки времени» и в их свете выносить свои решения.

В этом контексте можно было бы также заняться осмыслением того вклада, который способна внести Центральная и Восточная Европа в дело созидания сегодняшней объединенной Европы. ...Наиболее значительным содействием, которое могли бы оказать народы этого региона, является защита собственной идентичности. Народы Центральной и Восточной Европы, несмотря на все изменения, навязанные коммунистической диктатурой, сохранили свою идентичность, а отчасти даже способствовали ее укреплению. Отстаивание своей национальной идентичности стало для них борьбой за выживание. Сегодня обе части Европы – западная и восточная – снова сближаются. Это явление, позитивное само по себе, не лишено риска... В период самообороны перед лицом натиска со стороны марксистского тоталитаризма эта часть Европы прошла путь духовного созревания, благодаря чему определенные существенные для человеческой жизни ценности оказались менее девальвированы, чем на Западе. Например, там еще живо убеждение, что Бог является верховным гарантом достоинства человека и его прав. В чем же риск? В некритичной уступчивости негативным влияниям культурных образцов, распространяемых на Западе. Для Центральной и Восточной Европы, где эти тенденции могут стать своего рода «культурной экспансией», такое положение представляет собой сегодня один из серьезнейших вызовов. Думаю, что именно в этой сфере здесь ведется серьезная духовная борьба, от исхода которой будет зависеть облик той Европы, основы которой закладываются в начале этого тысячелетия.

Комментарии



Княгиня Ольга – автор первой дорожной реформы на Руси

“ Дорожное хозяйство России остро нуждается в столь же фундаментальных и глубоко продуманных реформах, как и прочие ключевые сферы социально-экономической жизни. От степени успешности такой реформы зависят и развитие страны в целом, и качество жизни каждого из ее граждан ”

Демократизации недостаточно *Амитаи Этциони*

12

Бунт с оранжевым оттенком *Алексей Макаркин*

16

Новая биполярность и дефицит адекватности

Александр Коновалов

23

Куда ведут российские дороги?

Михаил Блинкин, Александр Сарычев

29

Демократизации недостаточно

Амитаи Этциони

Должен предостеречь тех, кто легко соглашается с оценками плана демократизации мира, провозглашенного президентом Джорджем Бушем-младшим, как излишне амбициозного. Социологи склоняются как раз к тому, что он недостаточно амбициозен. Уровень демократии в стране определяется наличием не только свободы, но и системы моральных ценностей. Именно последние сдерживают произвол, предлагая набор предписаний и запретов и заменяя собой общественный порядок, ранее обеспечивавшийся уже несуществующим полицейским государством — светским (как коммунистические режимы) или религиозным (наподобие режима талибов).

Поборники глобальной кампании за освобождение игнорируют тот факт, что нормальное общество зиждется не только на свободах (в своей речи по случаю инаугурации президент Буш употребил слово «свобода» 27 раз), но

и на совокупности обязанностей граждан перед своими детьми, ближними, своей страной в целом и пр. В авторитарных государствах соблюдение прав и обязанностей обеспечивается блюстителями порядка, системой «гулагов», а также полицией нравов. Часто игнорируется тот факт, что после распада (как в случае с коммунистическим миром) либо низложения (как в Ираке и Афганистане) полицейских режимов в любой стране наблюдается взрыв антиобщественного поведения, сопровождающийся насилием, расхищением имущества, вспышкой эпидемии СПИДа, злоупотреблением наркотиков, ростом числа беспризорных детей, межэтническими конфликтами и алкоголизмом. Не только президент Буш и госсекретарь Кондолиза Райс, но и многие ученые мужи или не обращают внимания на эти явления, или полагают, что они исчезнут сами собой по окончании переходного периода. Однако пример таких

Амитаи Этциони — профессор социологии и международных отношений в Университете им. Джорджа Вашингтона, автор книги «От империи к обществу: новый подход к международным отношениям». На русском языке она вышла в 2004 году в издательстве «Логос».

стран, как Россия, которая обрела свободу более десяти лет тому назад, показывает, что эти надежды необоснованны. На самом деле разброд и анархия порождают в обществе тягу к лидерам сильной руки наподобие Владимира Путина.

Ставка делается ни больше ни меньше как на базовые представления о человеческой природе и устоях социального порядка. Президент Буш и компания исповедуют либертарианскую философию, согласно которой стоит только помочь людям сбросить ярмо государства, как их собственные интересы сделают их поведение социальным. В результате свободного выбора естественным образом возникнет новый социальный порядок. Однако факты свидетельствуют о том, что у человеческой природы есть более темная сторона, которую необходимо держать под контролем. Следовательно, после ликвидации авторитарных устоев социального порядка необходимо стимулировать появление новых.

В свободных обществах порядок опирается в основном на неформальные нравственные нормы, соблюдение которых обеспечивается неформальным общественным контролем. Это побуждает большинство людей по преимуществу «вести себя хорошо», поскольку ими усваивается определенная система нравственных ценностей и они сообща создают благоприятные условия для их соблюдения. В свободных обществах

люди, как правило, не превращают тротуары в отхожее место, не бросают своих детей на произвол судьбы и не вышвыривают мусор из окон автомобилей. Они не поступают так прежде всего по той причине, что считают это неприличным, а также потому, что люди, мнением которых они дорожат, были бы возмущены подобным поведением. Когда такие неформальные нормы и средства принуждения рушатся, мы получаем «разбитые окна» и испытываем срочную потребность в восстановлении уважения к общественной морали и в воспитании нравов.

Отсюда следует, что если США и их союзники действительно хотят помочь сторонникам свободы одержать верх, то необходимо сделать гораздо больше, чем только обеспечить проведение справедливых и открытых выборов и способствовать формированию необходимых демократических институтов, таких, как независимые суды, чиновники и политики, не берущие взяток, и т. д. Нравственный порядок требует даже большего, чем создание сложной структуры добровольных ассоциаций и гражданского общества.

Учебные заведения играют ключевую роль в укреплении социального порядка, который основывается преимущественно на увещании; они предоставляют наиболее благоприятные возможности для того, чтобы начать утверждение новых ценностей. Вот почему глубоко ошибочно

просто изъять коммунистическую или фундаменталистско-исламскую литературу из ставших свободными школ и заменить их на учебники нейтрального содержания — например, по математике и естественным наукам, как это делают американцы в Ираке и Афганистане. Принципиально важно включать в учебные планы предметы, направленные на воспитание личности (*character education*), и проводить соответствующую переподготовку учителей.

Что касается взрослых людей, то собеседования на моральные темы должны способствовать новому, заинтересованному постижению ценностей. Предметом собеседований такого рода зачастую становятся конкретные политические события, а также статьи, которые необходимо включить в Конституции. Например, должен ли президент обязательно быть мусульманином, следует ли разрешить продажу алкогольных напитков, можно ли по телевидению показывать артистов в тех или иных позах и т. п. Однако затрагиваются и более глубокие вопросы: если прежний режим больше не будет диктовать, что правильно, а что нет, как тогда нам уяснить для себя лично, что хорошо, а что плохо?

Одним из источников ответов на такие вопросы является нерелигиозная этика. При этом необязательно быть сведущим в философии и находиться под влиянием произведений Локка или Канта, подобно от-

цам-основателям США и их приверженцам из числа простых граждан. Необязательно, например, знакомиться с идеями того же Ролса о социальной справедливости путем бледных над его насыщенными текстами. Нет недостатка в соответствующих популярных изложениях, но они требуют перевода на понятный и доступный язык, а также широкого распространения среди местного населения. Другим источником новой нравственности могут служить умеренные версии религий. В сущности, лучший способ содействовать обновлению, заинтересованному постижению моральных ценностей в местах компактного проживания религиозного населения (вроде Южного Ирака) заключается не в том, чтобы пытаться заняться секуляризацией, а в распространении умеренного ислама, исповедуемого миллионами людей, в частности, в Индонезии, Бангладеш и Киргизии. В этих целях было бы полезно, например, пригласить оттуда нескольких мулл.

При этом надо учитывать, что установление нового нравственного порядка — медленный и трудоемкий процесс, который добавляет целый комплекс новых требований к уже существующему длинному перечню нововведений, необходимых для демократизации страны. Однако эти два процесса тесно взаимосвязаны: процветание свободы невозможно без новых источников предписаний и запретов, новых прав и обязанностей.

Свобода приходит нагая



«Мародерство в Багдаде приобрело неконтролируемый размах. "Они растаскивают всё, как безумные, – заявил AP офицер морской пехоты, – у нас не хватает людей, чтобы остановить это". Глава Минобороны США Доналд Рамсфелд отметил, выступая на брифинге в Пентагоне, что "мародерство в Ираке – это понятная реакция на многолетнее угнетение"».

Associated Press, 10–11 апреля 2003 г.



«Упаси бог кому-нибудь иметь такую революцию, – цитирует газета *The Washington Post* одного из лидеров киргизской оппозиции Феликса Кулова. – Это были погромы и грабежи, прямо как в Ираке». Уходя, мародеры забрасывают камнями витрины магазинов, машины, окна жилых домов. Магазины, рынки, автозаправки и обменные пункты закрылись в городе еще в четверг, когда были разграблены десятки супермаркетов».

РИА «Новости», 25–26 марта 2005 г.



Бунт с оранжевым оттенком

Алексей Макаркин

События в Киргизии, начавшиеся как очередная «цветная» революция по сербо-грузино-украинским лекалам, но превратившиеся затем в нечто совершенно иное, служат богатым материалом для размышлений. Что происходит на постсоветском пространстве? Видим ли мы проявление какого-то общего для всех стран процесса, или все-таки за внешним сходством скрываются серьезные различия в причинах и содержании? Чтобы ответить на эти вопросы, надо понять не только особенности киргизской ситуации, но и то, что же такое на самом деле «оранжевая революция».

«Оранжевые революции» и киргизские реалии

«Оранжевая революция» — это мирные выступления средних слоев (интеллигенция, средний и малый бизнес, учащаяся молодежь), направленные на достижение одной глобальной цели — вестернизации

страны. Участники этого движения не только стремятся жить в Европе, но и имеют основания полагать, что в случае политических изменений в их стране спустя 10–15 лет эта мечта может осуществиться. Именно поэтому они идут на свой майдан, где готовы мерзнуть несколько дней или даже недель. Соответственно все, что противоречит европейскому выбору, будь то коррумпированный режим Эдуарда Шеварднадзе, автаркия Слободана Милошевича или пророссийский кандидат Виктор Янукович, оказывается по другую сторону баррикад.

Еще один важный признак «оранжевой революции» — ее подчеркнута «законный» характер, чем она принципиально отличается от многочисленных бунтов, стремящихся разрушить до основания старый мир и явочным порядком воздвигнуть на его руинах новую систему власти. «Оранжевые» не только заявляют, что привержены закону (в

А.В. Макаркин — заместитель генерального директора Центра политических технологий.

роли нарушителя которого выступает старая власть), но и стараются соблюдать его, не допуская открыто нелегитимных действий. Даже надевшая много шуму присяга, принятая Виктором Ющенко в разгар революции в Украине, носила символический характер и имела своей задачей подбодрить его сторонников, не дать им раскиснуть в условиях, когда противостояние стало затягиваться. Законным президентом после этого действия никто Ющенко не считал, включая и его самого: речь шла не о президентской присяге, а о «клятве верности» народу Украины. Решающим моментом революции стал вполне юридический акт — вердикт Верховного суда о проведении третьего тура выборов.

Что же мы видели в Киргизии? «Пути в Европу» для этой страны нет в силу ее географического положения (даже Турция, многолетний член НАТО, «внедряется» в Евросоюз с большим скрипом), менталитета населения и уровня экономического развития. Даже самые последовательные киргизские «западники» не могут не признать этот факт. Что касается интеллигенции, то значительная ее часть явно симпатизирует России хотя бы потому, что группируется вокруг Киргизско-славянского университета. Придание официального статуса русскому языку прошла в Киргизии без особых проблем — сравним ситуацию в

Украине и Молдавии. Поддержка киргизской оппозиции со стороны Запада носила весьма ограниченный характер и ставила своей целью не победу противников Аскара Акаева, а лишь «плюрализацию» режима с целью усиления своего влияния на политические процессы в стране. Судя по всему, несмотря на некоторые американские заявления о новом успехе объявленного президентом Джорджем Бушем «похода за свободу», бишкекская революция стала в значительной степени неожиданной и для Запада.

Киргизским же предпринимателям нужны прежде всего стабильность и нормальные условия для работы, так что они восприняли эту революцию, как шоковое явление, которое нанесло серьезный ущерб бизнесу, а в ряде случаев и уничтожило его. Первые сообщения с юга страны об ограблении банков в Джалал-Абаде можно было еще воспринимать как «акаевскую пропаганду», но разгром делового центра Бишкека потряс даже тех, кто в принципе симпатизировал переменам. Растерянная оппозиция пыталась найти приемлемые для нее объяснения случившемуся. Например, утверждалось, что восставший народ расправляется с имуществом бизнесменов, близких к прежнему режиму. Когда же стало ясно, что толпа громит все без разбора, включая и представительства иностранных компаний, появилась новая

версия: погромщики являются агентами этого самого режима.

Можно провести аналогию с событиями февраля 1917 года в Петербурге, где все кровопролитие списывали на неких полицейских, засевших с пулеметами на чердаках домов... Наконец, всеми было признано, что бишкекские погромщики были сугубо аполитичны и лишь воспользовались безвластием. Результат драматичен: колоссальные убытки, несколько самоубийств разоренных бизнесменов и резкое падение (на неопределенный срок) инвестиционной привлекательности страны. Напрашивается еще одна параллель с февралем 1917-го в России, когда антиправительственная оппозиция выпустила из рук контроль над улицей, в результате чего некоторым лидерам бунтовщиков самим очень скоро захотелось заполучить пулеметы. Впрочем, в Киргизии все же удалось навести порядок, хотя роль в этом тех сил, которые, собственно, начали бунт против Акаева, была минимальна.

А что же до легитимности действий самой антиакаевской оппозиции, то напомним основные этапы ее действий. Во-первых, назначения «народных губернаторов» еще до похода на Бишкек. Во-вторых, захват правительственных зданий и избивание ряда представителей законной власти (эти акции на аполитичных погромщиков уже не списать). В-третьих, неоднократные по-

пытки давления на представительные органы власти уже после свержения Акаева — достаточно вспомнить, что первый временный президент Ишенбай Кадырбеков продержался на своем посту считанные часы и был заменен на Курманбека Бакиева (и это при том, что оба они были соратниками по оппозиции).

Что же до апелляции к старому составу парламента, избранному в 2000 году (который оппозиционеры долгое время противопоставляли новому), то она напоминает, конечно, грузинский сценарий, но выглядит скорее имитацией последнего. Ведь прошедшие в нынешнем году выборы были признаны международными организациями (включая и европейцев) технически более чистыми, чем предыдущие. Кроме того, в Грузии ключевую роль для легитимации революции сыграло все же решение Верховного суда об отмене результатов выборов, и только после этого можно было говорить о продлении полномочий старого парламента. В Киргизии «судебный фактор» оппозиция первоначально фактически отбросила, а затем использовала его в своих интересах уже после захвата власти.

Север против юга

Таким образом, говорить об «оранжевой революции» в современной Киргизии неправомерно. Речь шла об имитации, о разыгрывании модной революционной темы, заимст-

вовании отдельных внешних приемов и атрибутики, будь то массовые акции с цветными ленточками (кстати, доминирующего «цвета», да и название событий так и не определили) или апелляция к старому парламенту. Все это, однако, представляло собой лишь упаковку для реального содержания событий — традиционной борьбы между севером страны и югом, стремления южных кланов взять реванш за отеснение их от власти. При этом если в Украине противоречия между восточными и западными областями были лишь одной из составляющих масштабного цивилизационного выбора, в котором решающую роль сыграла позиция населения центральных регионов страны, то здесь речь шла о типичном «передельческом» процессе, инициированном обиженными политиками. Не случайно оппозиция объединила уволенных администраторов и коммунистов, сторонников сближения с Западом и членов наиболее архаичных южных группировок.

Напомним, что в 1985 году к власти в Киргизии пришел представитель южной элиты Абсамат Масалиев, сменивший «северянина» Турдакуна Усубалиева, который управлял республикой еще с хрущёвских времен. В Москве тогда плохо разбирались в вопросах противоречий севера и юга страны, а если и знали о них, то рассматривали как феодальные пережитки, которые можно не

учитывать при принятии ключевых решений. Значение имело то, что Масалиев принадлежал к горбачёвскому поколению партаппаратчиков, а Усубалиев был более чем на десяток лет старше «отца перестройки».

В 1990-м север взял реванш, используя новые перестроечные веяния и выдвинув в качестве своего лидера академика Аскара Акаева, имевшего имидж либерала и реформатора. «Южане» же продолжали ставить на ортодоксальную коммунистическую риторику, не успев вовремя сориентироваться и понять, что защищают идеологию вчерашнего дня. С тех пор южные кланы по большей части находились в оппозиции, но не утратили надежду на возвращение к власти. Недолго (в 2000–2002 годах) их представитель Курманбек Бакиев занимал второй по значению в стране пост премьера, однако реальными властными полномочиями он не владел (а после отставки перешел в ряды оппозиции).

Впрочем, надо отметить, что за полтора десятилетия своего правления Акаев вступил в конфликт и с частью «северян» — например, с генералом Феликсом Куловым, занимавшим в разное время посты вице-президента, министра внутренних дел и безопасности, мэра Бишкека. Результатом конфликта между академиком и генералом стало осуждение последнего по обвинению в экономических преступлениях. Еще одним

северным политиком, отношения которого с Акаевым безнадежно испортились, стала экс-министр иностранных дел Роза Отунбаева (после революции она вновь заняла этот пост). Именно Отунбаева была наиболее известным на Западе оппозиционным лидером.

Таким образом, на первом этапе событий (до того момента, как Аскар Акаев покинул страну) основной водораздел проходил между бишкекской властью и южными (ошскими и джалал-абадскими, частично узбекскими) кланами, поднявшими антипрезидентский бунт. Последние использовали некоторые «оранжевые» технологии для придания своей позиции большей respeitability в глазах не столько самих киргизов, сколько зарубежных наблюдателей и международных организаций. Что же касается акаевского режима, то его главными проблемами стали отсутствие решительности президента и низкая степень консолидации властей. Все это неудивительно, если учесть, что полномочия Акаева заканчивались осенью нынешнего года, не предвещая каких-либо революций. Избираться на следующий срок ему запрещала Конституция.

В сложившейся ситуации сторонники Акаева прорабатывали разные варианты дальнейших действий: референдум по пересмотру Конституции (против был Запад, мнение которого президент-академик учиты-

вал до конца), определение преемника (приемлемой для всех фигуры не находилось), переход к парламентской республике (политические риски такого варианта просчитывались с трудом)... Никакого решения так и не было принято, что роковым образом ослабило режим, дезориентировало его сторонников, придало новые силы противникам. Поэтому, кстати, события, подобные киргизским, не столь уж вероятны для других стран Центральной Азии и для Казахстана, перед лидерами которых проблема передачи власти не стоит.

На втором этапе ситуация изменилась. Вначале «южане», не удовлетворившись свержением Аскара Акаева, настояли на том, чтобы их наиболее известный лидер Бакиев не только вернул себе премьерство, но и стал временным президентом. Представители юга страны возглавили в новой администрации Министерство обороны и Генеральную прокуратуру. Назначение прежним (слабым и зависимым от «революционеров») составом парламента президентских выборов на июнь также было выгодно югу, так как создавало преимущество действующей власти в лице Бакиева, который, кстати, первым объявил о своем желании баллотироваться на высший государственный пост.

Однако затем начались события, которые не вписывались в сценарий южных кланов. Северная элита, от-

казавшись от идентификации с Акаевым, настояла, однако, на легитимации нового парламента, в который вошли многие влиятельные «северяне», вовсе не собиравшиеся уступать добытые в напряженной избирательной кампании мандаты. Новым фактическим лидером севера стал Феликс Кулов, освобожденный из тюрьмы и руководивший борьбой с мародерами в Бишкеке. Затем он подал в отставку (подчеркивая отсутствие властных амбиций), а новый парламент обратился в Верховный суд с просьбой о пересмотре его дела. По европейским меркам, разумеется, такой шаг законодателей является нарушением принципа разделения властей и давлением на суд, однако для «революционной» Киргизии он не выглядит необычным.

Более того, юг не проявил себя консолидированной силой. Председателем нового парламента стал один из наиболее известных оппонентов Акаева — Омурбек Текебаев, «южанин», отношения которого с Бакиевым носят конфликтный характер. Зато еще во время президентских выборов-2000 он сотрудничал с Куловым: тогда Текебаев баллотировался на пост президента в неформальной связке с генералом как кандидатом в премьеры. Кроме того, еще один видный южный политик, Адахам Мадумаров, не только отказался от поста вице-преьера в кабинете Бакиева, но и объя-

вил о том, что сам намерен баллотироваться в президенты.

Далеко не ясно, как разрешатся противоречия между севером страны и югом. Если юг выступает как «партия реванша», то север — в качестве «партии порядка». Сейчас многое зависит от того, удастся ли обеим сторонам договориться и определить формат власти, основанный на учете всех ключевых интересов. В этом случае безусловным фаворитом президентских выборов может оказаться общий кандидат большей части севера и юга, а его конкуренты фактически станут спарринг-партнерами. Если же договориться не удастся, то предвыборная кампания в Киргизии может превратиться в арену жесткого межкланового противостояния с трудно предсказуемыми последствиями — от нового обострения напряженности до угрозы единству страны.


Что касается продолжения волны «цветных» революций на постсоветском пространстве, то в зоне риска, как представляется, находятся Белоруссия и Армения. В первой оппозиция вдохновляется украинским примером, а мотивация Запада для ее поддержки весьма высока: в конце концов, режим Александра Лукашенко остается последним «изгоем» в современной Европе. Социологические опросы показывают рост проевропейских настроений среди населения страны. Дело за лидером оппозиции, который смог бы проти-

востоять Лукашенко, но пока такого не видно; однако это не означает, что он не появится к президентским выборам 2006 года. Отметим в связи с этим, что профессора Воислава Коштуницу мало кто знал за пределами экс-Югославии еще за год до его прихода к власти в 2000-м.

Что касается Армении, то выборы-2003 были оспорены оппозицией, которая, однако, достаточно разнородна и тоже не может выдвинуть единого лидера. Вспомним все же, что в этой стране уже есть опыт отстранения от власти президента — в 1998 году, когда этот пост был вынужден покинуть Левон Тер-Пет-

росян. Только если после тех событий российское влияние в стране возросло, то сейчас возможен обратный процесс.

Такие разные страны, как Белоруссию и Армению, объединяет то, что их элиты могут в той или иной степени рассчитывать хотя бы на постепенную интеграцию в Европу, — этот фактор способен усилить мотивацию сторонников перемен. Их активность, вероятно, стимулирует «раскрутку» революционных сценариев, которые, впрочем, вряд ли будут похожи по своей форме на киргизский клановый бунт, стоивший президентства Аскарму Акаеву.

	<p>Овчинский В.С. Криминология и биотехнологии. — М.: Норма, 2005. — 192 с. ISBN 5-89123-907-8.</p>
	<p>Новая книга доктора юридических наук Владимира Овчинского, члена редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике», посвящена главной проблеме криминологии — соотношению социального и биологического в преступном поведении. Подробно анализируются криминальные последствия биотехнологической революции.</p>
	<p>В приложениях публикуются международные и российские правовые документы, представлены позиции различных конфессий по вопросам, связанным с биотехнологическими исследованиями и разработками.</p>

Новая биполярность и дефицит адекватности

Александр Коновалов

Когда сегодня говорят о новых рисках и вызовах, связанных с национальной и международной безопасностью, имеют в виду, как правило, международный терроризм, угрозу распространения оружия массового уничтожения (ОМУ), национальные и этнические конфликты, нелегальный оборот наркотиков, организованную преступность и т. п. Как представляется, к этому перечню стоит добавить еще один существенный элемент — проблему политической адекватности.

Принципиально важно понимать, насколько соответствуют реальности оценки, на основе которых руководители крупнейших мировых держав принимают ключевые решения в области внутренней и внешней политики. Когда эти решения строятся на ложных представлениях, неправильной интерпретации, непонимании истинных намерений и мотивов действий других игроков, угрозы безопасности многократно возрастают.

И не реальность, и не благо

За последнее время Россию постигла серия внешнеполитических неудач, а отношение к ней со стороны ведущих стран Запада изменилось в негативную сторону. А ведь всего полтора года назад международные позиции Москвы выглядели очень прочными. Российское руководство успешно вышло из острой коллизии, связанной с американской кампанией в Ираке, упрочив конструктивные связи и с Вашингтоном, и с европейскими столицами. Вообще, отношения с наиболее влиятельными державами — Соединенными Штатами и странами Европейского союза — приобрели многообещающий характер как в экономическом, так и в политическом плане. Сегодня от этой благоприятной атмосферы не осталось и следа.

Одна из причин внешнеполитических промахов России коренится в ее неадекватном восприятии современного мира, непонимании проис-

А.А. Коновалов — президент Института стратегических оценок.

ходящих в нем процессов — сложных и во многом уникальных. Как пришлось убедиться, попытка трактовать происходящее вокруг России с точки зрения «игры с нулевой суммой», логики минувших эпох, будь то недавняя холодная война или же милый сердцу наших геополитиков период «больших игр» второй половины XIX века, приводит к неутешительным результатам. Более того, ошибочные представления об окружающей действительности способны нанести серьезный вред всему развитию России, а при углублении существующих тенденций — даже угрожать ее безопасности. Особенно с учетом того, что среди таких неадекватных элементов российской картины мира числится и концепция многополярности.

Как показывает опыт, к термину «полярность» российские руководители обращаются в ситуациях, когда Россия в силу разных причин оказывается не в состоянии добиться поставленных целей. Так, это слово прозвучало после поражения кремлевских политтехнологов в избирательной кампании в Украине, воспринятого Москвой как результат заговора антироссийских сил на Западе. Сначала президент Путин реанимировал уже подзабытую идею треугольника Россия — Индия — Китай, который мог бы стать противовесом американскому доминированию, а затем подверг критике западного «дядю в пробковом шлеме»,

пытающегося все многообразие мира втиснуть в прокрустово ложе «жандармской однополярности».

Оставим в стороне вопрос о том, адекватна ли сама идея вышеупомянутого треугольника, в котором ни один из «углов» на самом деле не заинтересован в построении каких-либо антиамериканских альянсов. Проблема намного глубже. Само понятие «полярность» подразумевает противопоставление, противостояние, причем жесткое и непримиримое. В разделенном мире идеологизированной блоковой конфронтации «биполярность» являлась вполне уместным и адекватным термином. Действительно, друг другу противостояли два непримиримых полюса. При этом они с большим или меньшим успехом поддерживали между собой динамическое равновесие, формируя неотъемлемые элементы тогдашней системы мироустройства — так называемые «баланс сил», «стратегическую стабильность». Ни одно из этих понятий, однако, неприменимо к нынешним взаимоотношениям Америки и Евросоюза, Китая и стран Юго-Восточной Азии, Индии и России. Хотя между данными странами или группами государств вполне могут возникать очень серьезные противоречия, это не разводит их по противоположным полюсам.

О стратегической стабильности и балансе сил еще иногда вспоминают при анализе российско-американ-

ских отношений. Но это скорее рудимент, оставшийся от времен блоковой конфронтации. Пережиток, который трудно преодолеть, с одной стороны, в силу инерции ментальных стереотипов, с другой — вследствие определенного «технического детерминизма», обуславливающего положение, когда унаследованные от прошлого ядерные потенциалы отчасти определяют военную политику самим фактом своего существования.

Наличие своего рода «узлов роста» в сети глоболизирующейся экономики, то есть стран и регионов с высоким уровнем экономического развития, вышедших или выходящих на постиндустриальную, информационную стадию, не стоит толковать как признак многополярного мироустройства, такого же, как в XIX веке, когда каждое государство выступало за себя и против всех.

Предположим, что страны и регионы, о которых говорилось выше, все же формируют полюса будущего многополярного мира. Чем это может обернуться для России? Напомним, что подавляющее большинство потенциальных полюсов — узловых точек многополярного мира — расположены на границах России или в непосредственной близости от них. Практически каждый из этих полюсов существенно опережает Россию либо по уровню экономического развития, либо по темпам роста, либо, как на Ближнем Востоке, по

уровню политической пассионарности. Каждый геополитический полюс, в свою очередь, обладает своим полем политического и экономического притяжения.

Россия с ее экономическими проблемами, еще не сформировавшей идентичностью и слабой государственностью впервые в новой и новейшей истории рискует очутиться в окружении полюсов с более сильным гравитационным влиянием, чем связи, скрепляющие Россию в единое государство. И тогда, в строгом соответствии с законами механики и политической логики, Россия может оказаться просто разорванной более динамичными и активными полюсами, расположенными по ее периметру. Важно также, что многополярную систему очень трудно, если вообще возможно, стабилизировать. Ведь внешняя политика, вынужденная реагировать на изменения в многополюсной системе, просто не может быть постоянной в условиях, когда на каждом из полюсов происходит серьезная трансформация. Так что многополярный мир вовсе не так уж и безобиден для России в ее нынешнем положении.

Новая биполярность

Итак, было бы ошибкой воспринимать мир как многополярный или считать, что в нем утвердилась однополярная американоцентристская модель. Сегодня мы являемся свидетелями формирования биполярности

нового типа — такой, в которой каждый из полюсов имеет сложную композитную структуру.

На одном полюсе группируются государства, готовые следовать во внутренней и внешней политике согласованным правилам и нормам, придерживающиеся ряда общих базовых ценностей и признающие цивилизационное многообразие мира. Другой полюс представлен как государствами, так и негосударственными террористическими и криминальными транснациональными сетями, которые исповедуют радикальные идеологии, отвергают общепризнанные нормы права и морально-этические ограничения и ставят задачу глобальной экспансии этих идеологий.

С позиций традиционной геополитики странно говорить о Соединенных Штатах, Евросоюзе и даже Китае как об одном полюсе. Тем не менее процесс формирования такого полюса уже идет, и совместные действия Китая, США, Южной Кореи и Японии по урегулированию проблемы вокруг северокорейской ядерной программы — наглядное тому подтверждение. Как отмечают некоторые аналитики, контуры новой биполярности уже отчетливо просматриваются. Так, Вячеслав Никонов в статье «Назад, к Концерту» («Россия в глобальной политике», № 1 (ноябрь/декабрь) за 2002 г.) предсказывает, что «сейчас, в условиях глобализации, Концерт будет исполняться

на глобальной сцене с участием, как минимум, США, Европы, России, Японии, Индии, скорее всего, Китая и кого-то еще». Это, по сути, и есть ядро первого из упомянутых нами полюсов.

По мнению бывшего премьер-министра Люксембурга и одного из отцов-основателей Европейского союза Жака Сантера, «безопасность невозможно обеспечить порознь, каждому для себя. Нереалистична и точка зрения, что всеобщую безопасность в состоянии обеспечить Соединенные Штаты, как самая могущественная держава мира. Нужен альянс государств, противостоящих угрозам, — альянс с участием США, Европы, России, Китая и под эгидой ООН».

Своеобразную версию современной биполярности предложил Алексей Богатуров в статье «Самооборона транснациональных сетей» («Независимая газета». 2003. 2 июля). Описывая главный конфликт современности, автор хотя и не пользуется термином «биполярность», но говорит прежде всего о противостоянии «мирового государства» и «транснациональных сетей». Как, правда, полагает Богатуров, транснациональные сети, представляющие мировую угрозу, — это не только сети по производству наркотиков и глобальные террористические организации, но и мировая финансовая система, которая отмывает деньги, добытые наркодельцами, и мгновенно перебрасыва-

ет их в любую точку планеты, обеспечивая нужды террористов. Правомерность включения в полюс «сетевого зла» финансовых сетей, являющихся безусловным достижением современной цивилизации, вызывает большие сомнения. Тот факт, что эти системы используются террористами, не означает их порочности. Ведь мы же не обвиняем мировые самолетостроительные фирмы в том, что террористы осуществили атаки на Вашингтон и Нью-Йорк на борту широкофюзеляжных гражданских лайнеров этих фирм...

Найти свой полюс

Признание Россией новой, формирующейся bipolarности, безусловно, принесет свои плоды. Во-первых, отпадут, как лишённые смысла, вопросы, стоит ли нам объединяться со «Старой Европой», чтобы противостоять «диктату США», или же лучше заключить союз с Китаем и бросить вызов «коварному Западу». Ведь все это — противоречия внутри одного полюса, лишь ослабляющие его, в чем Россия совершенно не заинтересована. Соответственно одной из главных целей военной реформы станет создание современных Вооруженных сил, способных воевать не против армии США, а совместно с ней.

Необходимо понять, что создание альянсов внутри нашего полюса чревато тяжелейшими последствиями. Точно так же в период противостоя-

ния НАТО и Организации Варшавского договора внутренние противоречия между участниками альянсов уходили на второй план. Россия во внутренней и внешней политике должна действовать так, чтобы прежде всего четко обозначить свою принадлежность к полюсу, борющемуся с мировой террористической угрозой. Альтернативой этому может стать только присоединение к противоположному полюсу террора и несправедливости. Поэтому антиамериканизм и антизападничество категорически противопоказаны российскому внешнеполитическому курсу.

Все это вовсе не означает, что надо соглашаться с любыми шагами Соединенных Штатов. Но в нынешней ситуации влиять на американскую позицию можно, только находясь внутри одного общего полюса. Пытаться делать это извне, с враждебных позиций бесполезно, контрпродуктивно и даже опасно. Следует спокойно признать, что в настоящий момент и на ближайшую историческую перспективу США останутся единственной сверхдержавой и в силу этих обстоятельств должны взять на себя роль лидера на том самом полюсе, к которому принадлежит и Россия. Просто пока никто другой в этом качестве выступить не способен.

Бесспорно, Соединенные Штаты страдают многими недостатками, не всегда следуют тем нормам, которые сами провозглашают, и, кажется, начинают верить в собственное месси-

анство. Вашингтон зачастую действует заносчиво и высокомерно, причем такое поведение усугубляется с ростом военно-политической и экономической мощи США. Все эти негативные проявления реально корректировать только общими усилиями государств, принадлежащих к одному полюсу. Как отмечал председатель Комитета Госдумы РФ по международным делам Константин Косачёв, «мировое лидерство Соединенных Штатов может быть вполне приемлемым для решения собственных проблем России, как оно было и в целом остается приемлемым для основных партнеров США – ЕС, Японии, Канады, Турции».

Наконец, понимание характера формирующейся биполярности позволяет сделать вывод о том, что государства Запада, и прежде всего Соединенные Штаты, жизненно заинтересованы в стабильной России, способной контролировать собственную территорию. Нам следует научиться всячески использовать эту заинтересованность.

Минувший 2004 год принес события, из которых Москва должна извлечь серьезные уроки. Неадекватность в оценках приводила к принятию неверных решений, цели политики не соответствовали средствам

их достижения. Нежелание или неспособность увидеть и понять эту неадекватность оборачивались политическими провалами. Их следствие – раздражительность, импульсивность и непоследовательность во внешней политике и политике безопасности. А ведь ядерная держава, претендующая на весомую роль в международной сфере и желающая, чтобы ее интересы были поняты и приняты во внимание, не имеет права на такое поведение.

Даже в нынешней ситуации некоторые западные эксперты говорят и пишут о возможности трансформации «Большой России» в «Третий Запад». Причем в третий не по весу и значимости, а в дополнение к уже существующим двум – США и Евросоюзу. Реализация такого сценария станет возможной при выполнении ряда условий с обеих сторон, и одно из них – это принципиально более высокий уровень адекватности в политике.

Сегодня речь идет о формировании нового мира, в котором Россия может занять достойное место, а может и упустить свой шанс. Все зависит от того, насколько наши действия будут соответствовать складывающейся ситуации, – от адекватности наших оценок, решений и политики в целом.

Куда ведут российские дороги?

Михаил Блинкин, Александр Сарычев

Езда по встречной полосе, по обочинам и тротуарам, лихие развороты через «двойную сплошную», парковка чуть ли не посреди проезжей части... Любой россиянин, имеющий опыт вождения автомобиля, согласится с тем, что таковы характерные черты и следствия современного транспортного поведения, результатом которого становятся стремительное увеличение числа дорожно-транспортных происшествий и многочасовые системные заторы в крупных городах. Это оборотная сторона той свободы передвижения, которую жители нашей страны обрели с приходом рыночной экономики и взрывным ростом количества частных автомобилей. Дорожное хозяйство остро нуждается в столь же фундаментальных и глубоко продуманных реформах, как и прочие ключевые сферы социально-экономической жизни. От степени успешности такой реформы, без сомнения, зависят и развитие страны в целом,

и качество жизни каждого из ее граждан.

Свобода перемещения в пространстве — неотъемлемый атрибут свободы личности. Так что состояние транспортной системы — это и фактор реализации, и в то же время показатель уровня развития одной из фундаментальных свобод человека.

На Западе это давно поняли. Там выработана система, включающая в себя соответствующие органы, механизмы, налоги, строительные и правовые нормы, отношения собственности и пр., вплоть до правил поведения и принятия решений. И самое главное — отношения в транспортной сфере между бизнесом, обществом и государством детально прописаны и закреплены целой системой институтов.

В развитых странах среднестатистическая подвижность (километры поездок на душу населения) составляет порядка 8–12 тыс. пассажирокилометров в год; показатель гуманитарности (со-

М.Я. Блинкин — к. т. н., научный руководитель НИИ транспорта и дорожного хозяйства. **А.В. Сарычев** — к. т. н., директор НИИ транспорта и дорожного хозяйства.

отношение суммарных грузовых и пассажирских перевозок) — порядка 1 : 3. А что же в России? В конце советской эпохи показатель подвижности в 3–4 раза уступал общемировым, а уровень гуманитарности составлял 3 : 1, то есть находился в обратной пропорции к мировым стандартам. Разница легко объяснима: в свободных странах люди перемещаются больше, дороги становятся средой обитания «автомобилизованных» граждан. Одновременно либеральная экономика заставляет добиваться эффективного снижения транспортных издержек, то есть уменьшения объема грузовых перевозок на единицу ВВП или на душу населения.

За последние годы данное различие между Россией и развитыми странами, видимо, сгладилось. (Точных данных нет: масштабные регулярные обследования транспортного поведения российских домохозяйств не проводятся, а транспортная статистика и по сей день базируется на объемах перевозок грузов и пассажиров, выполняемых статусными перевозчиками.) Уверенно можно говорить лишь о том, что уровень автомобилизации домохозяйств вырос в 1991–2004 годах примерно в три раза. Но суть проблемы остается прежней. Лица, принимающие решения, равно как и общественность, по-прежнему рассматривают дороги преимущественно в качестве инфраструктуры «для перевозок народно-

хозяйственных грузов и обеспечения межрегионального и международного транзита».

Роскошь или необходимость?

Несмотря на издержки, исключительно высокие мировые стандарты подвижности и гуманитарности весьма выгодны для граждан, так как способствуют маятниковой трудовой миграции и эффективной рекреации, облегчают транспортное самообеспечение домохозяйств и малого бизнеса и т. д.

Массовые виды транспорта (авиация, железная дорога, метрополитен), при всей их функциональной значимости в современном мире, не предоставляют потребителю сколько-нибудь значительной доли той транспортной свободы, что дает им автомобиль. Высокие стандарты подвижности и гуманитарности достигаются только за счет сплошной автомобилизации домохозяйств (больше одного автомобиля на одно домохозяйство, или более 350 автомобилей на 1 000 жителей), а также формирования системы улично-дорожных сетей, достаточной для пропуска имеющегося трафика.

Потребность в создании дорожной сети нового типа возникла в связи с началом массовой автомобилизации (в США — с первого десятилетия XX века, в Европе — после Второй мировой войны). Дело в том, что на протяжении тысячелетий дороги с твердым покрытием рассматривались

как «чистое общественное благо», поскольку предназначались в первую очередь для перемещения войск и государственной почты, и только «по совместительству» — для перевозки торговых грузов. Однако массовая автомобилизация, выраженная в сотнях экипажей на 1 000 жителей (количество транспортных средств, выходящих на сеть дорог общего пользования, от древнеримских времен и до конца XIX столетия определялось в единицах экипажей на 1 000 жителей), изменила этот взгляд на дороги. Отныне дороги суть смешанные общественные блага. В таких условиях дорожная сеть обязана была стать многополосной. В течение XX века эту задачу удалось успешно решить. Так, в 15 странах — «старых» членах Европейского союза на 1 000 кв. км территории сегодня приходится в среднем более 1 200 км дорог круглогодичной эксплуатации, в том числе 17 км многополосных скоростных магистралей. (В России первый из этих показателей составляет 32 км на 1 000 кв. км территории, второй же близок к нулю.) При этом дорожная сеть в Европе и США продолжает развиваться.

«Предъявите проездные билеты!»

Нигде в мире нет — и никогда не было — бесплатных дорог. За дороги платят либо центральная казна, либо непосредственно местные жители или пользователи — владельцы про-

езжающих экипажей. Можно выделить несколько типологически различных механизмов платы за пользование дорогами, так или иначе связанных с их ролью в государстве и обществе.

В древности (например, в Римской империи), в средневековой Европе, на Руси (примерно с X столетия) и вплоть до новейшего времени действовали такие механизмы, как дорожные повинности или подати для местных жителей, устанавливаемые в натуральной или денежной форме, а также дорожные пошлины для проезжающих («плата у шлагбаума»).

В некоторых случаях на нужды развития дорожной сети использовались доходы центральной казны. Это случалось либо при недостатке средств, либо для реализации крупных дорожных проектов, необходимых для осуществления регулярной почтовой связи, а также в целях укрепления политического и фискального контроля центральной власти над провинциями и/или решения военно-стратегических задач.

Но массовая автомобилизация привела в действие новый механизм финансирования дорожного хозяйства (плата за дороги), что было обусловлено двумя важными обстоятельствами:

- значительное число регулярных пользователей дает возможность возложить на них бремя финансирования дорожной сети в более-менее равных долях;

● автомобиль потребляет моторное топливо, то есть энергетический ресурс, который (в отличие от овса и сена) заведомо не производится в домохозяйствах, и, следовательно, объем потребления топлива может быть использован как косвенный измеритель фактического объема пользования сетью.

Этот механизм, сложившийся в 1910-х в США, основан на принципе «пользователь платит». Так обеспечивается справедливый с социально-экономической точки зрения характер распределения расходов на дорожное хозяйство и достигается соответствие между спросом на пропускную способность дорожной сети и ее предложением.

Принцип «пользователь платит» реализуется путем взимания целевых дорожных налогов – платежей, сборов, тарифов. Будучи, по сути, превращенной формой платы за пользование автомобильными дорогами, такие налоги представляют собой абсолютно рыночный механизм, а установление номенклатуры и величины ставок дорожных налогов трактуется как процедура рыночного ценообразования на услуги автомобильных дорог (*road pricing*).

Поступления от целевых дорожных налогов аккумулируются в системе дорожных фондов, которые построены по иерархическому принципу (центр – регион – муниципальное образование) и являются

либо частью соответствующих бюджетов, либо обособленными государственными финансовыми институтами. Дорожные фонды предоставляют средства на реализацию программ по эксплуатации, ремонту и строительству дорог. А когда дело доходит до масштабных проектов, эти фонды, как и в старину, дотируются из бюджета.

При этом действуют механизмы, обеспечивающие открытость и прозрачность при использовании бюджетных средств. Их дополняют как процедуры общественного контроля, так и учет мнения автовладельцев относительно того, в каком направлении должна развиваться и совершенствоваться сеть дорог.

Целевые дорожные налоги (платежи, сборы, тарифы) отражают:

- платный характер доступа к пользованию сетью дорог и улиц. Это предполагает наличие условно-постоянной части платежей, которые взимаются с автовладельцев или эксплуатантов по факту владения/пользования транспортным средством либо его приобретения;
- платный характер фактического использования сети дорог и улиц. Реализуется в виде сбора с автовладельцев или эксплуатантов переменной (покилометровой) части платежей, включенной в цену моторных топлив, то есть в зависимости от фактического пробега транспортного средства. Во всем мире дорожные налоги являются сегодня основной

фискальной составляющей цены на моторное топливо и достигают 60 и более процентов ее значения.

Таким образом, целевые дорожные налоги включают в себя два вида платежей, взимаемых двумя различными способами. Во всем мире порядок установления и сбора с автовладельцев (эксплуатантов) условно-постоянной части платежей всегда является налоговым. Администрирование таких платежей производится в увязке с государственной регистрацией транспортных средств и/или прохождением регулярных технических осмотров. Необходимо отметить, что налоговый порядок напрямую связан с универсальным правом всех налогоплательщиков на равный доступ к автомобильным дорогам и улицам. (Во Франции, например, предоставляемые по статусному признаку преимущества на дорогах были отменены в ряду прочих феодальных привилегий в 1789 году.)

В настоящее время за рубежом широко обсуждается возможный переход с налогового на гражданско-правовой порядок взимания переменной части дорожных налогов, основанный на использовании систем спутникового слежения за движением транспортных средств. Даже если не ставить под сомнение реальность технической реализации такого проекта, все равно остается множество вопросов — в частности, в том, что касается его экономической целесообразности или правовых и инфор-

мационно-технологических аспектов, имеющих отношение к защите конфиденциальной информации о транспортном поведении граждан.

Во всех развитых демократиях автомобильные дороги остаются и впредь останутся в государственной собственности. Это обусловлено прежде всего тем, что автомобильные дороги, как уже отмечалось, являются средой обитания «автомобилизированных» граждан. Оснований для передачи в частную собственность автомобильных дорог не больше, чем причин для приватизации городских территорий в целом.

Механизмы сбора платежей с автовладельцев (эксплуатантов) непосредственно на дороге («плата у шлагбаума») рассматриваются как дополнительные, вспомогательные, специальные; за рубежом они покрывают ничтожную долю всех расходов на дорожное хозяйство. «Плата у шлагбаума» взимается, например, за проезд тяжеловесных и крупногабаритных транспортных средств по магистральным дорогам общего пользования. Так, введенная в 1994-м в странах Центральной Европы система *Eurovignet* позволила собрать до 3 % консолидированных расходов на дорожное хозяйство стран-участниц.

Другой сферой применения «платы у шлагбаума» являются платные дороги (*toll roads*). Во Франции, где сеть платных дорог считается самой мощной в мире (8 000 км), доля

платных участков автомобильных дорог в суммарной протяженности национальной сети составляет 0,84 %. В США этот показатель составляет 0,11 % (около 3 600 км). В Великобритании единственная платная дорога протяженностью примерно 43,5 км была введена в эксплуатацию в 2003 году после 20-летних дискуссий.

Платность, как правило, не приводит к существенному снижению суммарных расходов бюджета (или дорожных фондов) на содержание и развитие национального дорожного хозяйства. Так что введение механизма «платы у шлагбаума» вызвано либо стремлением устроить на дорожной сети что-то вроде сегмента услуг бизнес-класса, либо усовершенствовать организацию дорожного движения (речь идет о распределении трафика по параллельным маршрутам, регулировании проезда в туннелях и по мостам и т. п.).

Вечный вопрос

На протяжении своей тысячелетней истории Россия потратила на развитие дорог средств и сил не меньше, чем наши европейские соседи, однако ей не удалось достичь столь значительных результатов. Основной причиной этого, скорее всего, стал дефицит каменных материалов на Русской равнине. Деревянные мостовые в русских поселениях сгнивали за 20–30 лет (в то время как, например, Аппиева дорога, построен-

ная еще в Древнем Риме, и в наши дни пригодна для проезда). Негативную роль сыграли, возможно, специфические отношения между центром и регионами (почтовый тракт — аргумент и инструмент центральной власти), особенности нашего менталитета и пр.

Как и на Западе, формирование дорожной сети в России шло за счет податей, повинностей, иногда — общих доходов царской казны плюс дорожных пошлин для проезжающих. Уже в конце X столетия княгиня Ольга провела первую в России налоговую и одновременно дорожную реформу. Узловые точки на дорогах были объявлены «погостами», то есть местами сбора налогов. На население возложили обязанность поддерживать главные дороги в проезжем состоянии и содержать погосты. В то же время существовал и развивался институт дифференцированной поперстовой проездной платы. Две из 18 статей «Русской правды» Ярослава Мудрого (XI век) касались содержания дорог и сбора дорожных повинностей.

В 1834-м был установлен «особый земский вспомогательный сбор» для нужд развития дорожного хозяйства, при этом оговаривалось, что «устройство шоссе между губерниями» относится к числу «общегосударственных земских повинностей», а «устройство и содержание шоссе внутри губерний» — к числу «губернских земских повинностей».

В советские времена дорожное хозяйство развивалось только благодаря натуральным повинностям и частичному бюджетному финансированию. В соответствии с указами Президиума Верховного Совета РСФСР от 1958, 1959 и 1968 годов все хозяйствующие субъекты независимо от их подчиненности участвовали в дорожных работах, которые выполнялись либо «хозяйственным» способом (натуральная повинность), либо подрядным (денежная повинность в форме оплаты работ, выполненных специализированной дорожной организацией).

Базовая (первичная) сеть дорог с твердым покрытием появилась в России лишь к концу 1980-х, то есть на 100 лет позже, чем в развитых странах Запада. К началу 1991 года общая протяженность сети автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием достигла примерно 500 тыс. км, в том числе протяженность федеральной сети — около 45 тыс. км.

Сформированная дорожная сеть полностью соответствовала конкретному целевому назначению — представлению чистых общественных благ, что проявлялось в нижеследующих особенностях.

- Совокупность дорог представляла собой систему трасс, расходящихся лучами от центра, то есть, строго говоря, ее даже нельзя было назвать сетью. Такая конфигурация обуславливалась существующими социаль-

но-политическими установками: главное — не связанность территории в целом, а обеспечение сообщения между стратегическими объектами, с одной стороны, и центром — с другой.

- В основном дороги имели не более двух полос. Многополосные участки не превышали нескольких сотен километров, составляя десятые доли процента. При этом расширение до четырех полос участков дорог на подступах к городам осуществлялось исключительно в целях пропуска автобусов и грузовых автомобилей в часы пик.

- Прочность дорожной одежды (совокупность конструктивных слоев дорожного покрытия, выполненных из различных материалов. — **Ред.**) задавалась, как правило, исходя из осевой нагрузки в 6 тонн и была, таким образом, рассчитана на пропуск одиночного грузового автомобиля. Считалось, что основные народнохозяйственные грузы и тяжелая военная техника должны перевозиться по железной дороге.

- Проезд легковых автомобилей по этим дорогам рассматривался до последнего времени как эпизодический трафик. Частный извоз, то есть выполнение коммерческих перевозок личным транспортом, считался до 1989-го административным правонарушением.

- При формировании дорожной сети за скобками всегда оставались транспортные потребности террито-

рий с низкой плотностью населения. В конечном итоге создалась ситуация, при которой примерно 20 % населения страны и по сей день живет в условиях бездорожья.

Тот же подход применялся при проектировании и строительстве улично-дорожной сети российских городов: ее плотность и пропускная способность были рассчитаны на обеспечение движения городского пассажирского транспорта, перевозок народно-хозяйственных грузов для городской промышленности, торговых грузов (в основном крупными партиями), проезда специального и служебного транспорта. Селитебные (то есть предназначенные для жилищного строительства. — Ред.) зоны городов, исходя из действовавших в то время строительных норм и правил, были спроектированы в расчете на то, что на 1 000 городских жителей придется 60 легковых автомобилей (уровень в 180 легковых автомобилей на 1 000 жителей планировался на отдаленную перспективу, на период «после построения коммунизма»). Это же обстоятельство объясняет и тот факт, что дворовые проезды в застройке 1970–1980 годов не рассчитаны на движение двух встречных автомобилей, поскольку вероятность таких встреч представлялась ничтожной.

В 1990-е одновременно с началом экономических реформ на эту сеть дорог и улиц вышел принципиально

другой и по структуре, и по размерам трафик. Либерализация внешней торговли немедленно привела к тому, что частные импортеры и экспедиторы предпочли грузовые фуры железнодорожным вагонам. Развитие малого частного бизнеса, в первую очередь сервисного и торгового, породило потребность в обширном парке малотоннажных грузовиков, минивэнов, легковых автомобилей типа *space wagon* или «универсал».

Но одним из основных результатов предоставления населению экономических свобод стал немедленный ускоренный рост автомобилизации домохозяйств. Этот процесс был связан прежде всего с развитием дачного и коттеджного строительства.

Парк автомобилей, принадлежащих домохозяйствам, вырос за 90-е годы прошлого века, как минимум, в 2,5 раза, а в наиболее развитых городах и регионах эта цифра еще выше.

Улично-дорожные сети крупнейших городов и федеральные трассы на подступах к городам тут же столкнулись с проблемой дефицита пропускной способности. Таким образом, либерализация торговли и ускоренное развитие автомобилизации привели в 1990-е к «проеданию» резервов пропускной способности улично-дорожной сети (и по движению, и по парковке), предназначенной для предоставления чистых общественных благ. Началась стихийная и, разумеется, бесплатная приватизация ресурсов улично-дорожной

сети, или, если угодно, масштабное государственное субсидирование автовладельцев.

Тогда же все ветви государственной власти, и в первую очередь региональные, принялись говорить о необходимости сохранения существующей дорожной сети и ускорения темпов строительства и реконструкции дорог и мостов. Но главным оставался вопрос об источниках дорожного развития.

В 1992 году с учетом рекомендаций Международного банка реконструкции и развития был принят Закон «О дорожных фондах в Российской Федерации». Доходную базу фонда составили в основном поступления от «налога на пользователей автомобильных дорог». В названии этого налога — прямого аналога архаичных дорожных податей и повинностей — было заложено известное лукавство. По своей сути, он не являлся пользовательским налогом, так как взимался с выручки хозяйствующих субъектов вне зависимости от фактических объемов пользования дорогами и транспортными средствами; его платили даже паромногодства и авиакомпании.

Достигнутый к 2000 году уровень автомобилизации населения и бизнеса (а также уровень доходов автомобилизированных домохозяйств) позволял рассчитывать на поэтапный (через 3–5 лет) переход на общепринятую в мире систему *целевых дорожных налогов пользовательского типа*.

К сожалению, вместо этого логичного эволюционного шага вновь были приняты революционные меры: с 1 января 2001-го Федеральный дорожный фонд ликвидирован, а ликвидация территориальных дорожных фондов «поставлена на лист ожидания».

Таким образом, в начале XXI века в одной отдельно взятой отрасли в очередной раз победила «социалистическая идея»: улично-дорожная сеть, предназначенная в основном для предоставления смешанных (но вовсе не чистых!) общественных благ, якобы должна развиваться за счет общих (обезличенных) доходов бюджета. К тому же это происходило на фоне все более широкого распространения такой феодальной практики, как доступ к сети по статусному признаку (организация спецпоездов и предоставление преимуществ в движении пассажирским автомобилям, оборудованным спецсигналами и спецномераами, для широкого круга должностных лиц).

В результате ответственной за среднюю обитания автомобилизированных домохозяйств вновь стала государственная казна. Автомобилизированная, то есть наиболее продвинутая, часть общества, лишилась как возможности влиять на программы развития сети, так и равноправного доступа к ней, была поставлена в общую очередь пассивных бюджетополучателей и утратила элементарные стимулы к самоорганизации. Ответ-

ственность за развитие сети была снята заодно и с продавцов (производителей) моторных топлив, поскольку весьма высокая фискальная составляющая в цене нефтепродуктов уже не имела никакого отношения к затратам на финансирование дорожного хозяйства.

Во всех случаях ни правительство, ни законодатель, ни политические партии даже не пытались вести диалог с автомобилизированной частью общества по поводу его прав, ответственности или финансовых обязательств. Инициаторы налоговой реформы не сумели или не захотели осознать различия между целевыми пользовательскими дорожными налогами, общепринятыми в мире, и разного рода маргинальными конструкциями, основанными на целевых платежах с выручки («в фонд развития ведомства», «на содержание жилищного фонда», «на содержание футбольной команды», «на рытье колодцев»...).

С другой стороны, сообщество автовладельцев, разобщенное и крайне разнородное в социально-экономи-

ческом плане, не горело желанием взять на себя бремя ответственности за развитие дорожной сети и соблюдение адекватных стандартов ее использования.

В результате всего этого в сфере социально-экономических отношений, связанных с использованием автомобилей и улично-дорожной сети, сложился полный институциональный хаос: никаких гражданских институтов, никакого «общественного договора» как внутри автомобилизированного сообщества, так и между этим сообществом и властью по поводу правил поведения, ответственности прав и обязательств.

Между тем институциональный хаос порождает все больший «беспредел» в дорожном движении. Дефицит пропускной способности наряду с отсутствием упомянутого «общественного договора» приводят «автомобилизированных» граждан к убеждению: дороги и улицы — ничьи, я за них не плачú, и моего мнения никто не спрашивает. Отсюда и все более дикое транспортное поведение участников дорожного движения.

Эпоха перемен



Новое поколение уже не поймет, что означает этот лозунг 1990 года.
Фото из журнала «Огонек»

“ Советская экономика отличалась крайней невосприимчивостью к нововведениям. Предприятия и работники были ориентированы на выполнение и перевыполнение плановых заданий, а обновление производства и научно-технические новшества могли этому только помешать ”

Перестройка сквозь призму двух десятилетий *Владимир Мау*

40

Реформы нельзя закончить *Лешек Бальцеревич*

65

Рыночная экономика, а не общество *Антониу Гутерриш*

71

Как увядали сто цветов *Александр Ломанов*

76

Реформа: слово и дело *Алексей Любжин*

95

Перестройка сквозь призму двух десятилетий

Владимир Мау

Двадцать лет, прошедшие со времени избрания Михаила Горбачёва на высший пост в советской партийной иерархии, стали временем не только глубочайших перемен в России и в мире, но и острейших дискуссий научного и политического характера. Эти дискуссии обречены на то, чтобы всегда иметь налет сослагательности. Что бы ни обсуждали исследователи, явно или скрытно прозвучит вопрос: а могло ли произойти иначе? В какой мере тот вектор развития страны был предопределен объективными факторами, а в какой стал результатом случайного стечения обстоятельств, ошибок или прозрений отдельных лидеров?

Подобные вопросы возникают при анализе великих событий прошлого, будь то войны или революции. Не составляет исключения и перестройка вместе с последовавшим за ней крахом коммунизма. Ведь по всемирно-историческому значению перестройка не уступает Октябрьской революции и созданию мировой коммунистической системы после Второй мировой войны.

ОТВЕТ НА КРИЗИС ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Экономическая политика советской власти изначально была подвержена циклическим колебаниям, получившим название «социалистический инвестиционный цикл». Для данных циклов характерны следующие фазы: реализация инвестиционной программы — замедление темпов роста — либерализационные меры — ускорение

В.А. Мау — д. э. н., ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

темпов роста — усиление макроэкономической несбалансированности — отказ от либеральных реформ и новая инвестиционная программа. Именно так события развивались начиная с 1920-х годов и вплоть до середины 1980-х. В этой логике либерализационные мероприятия перестройки не представляли собой чего-то необычного. Новым оказалось то, что не произошло ужесточения режима, а либерализация стала развиваться вширь и вглубь.

Существует **два** основных фактора, определивших характер перестроечных процессов и особенности дальнейшего развития в направлении краха коммунистической системы. **Во-первых**, СССР столкнулся с кризисом индустриального общества, что потребовало включить в повестку дня задачи, связанные с системными изменениями, и тем самым предредило содержание и направленность преобразований. **Во-вторых**, трансформация приняла форму полномасштабной революции, сопоставимой по своему характеру и глубине перемен с великими революциями прошлого.

Советскую социально-экономическую модель породила индустриальная эпоха. Эта система, в основном сформировавшаяся на рубеже XIX—XX веков, характеризовалась доминированием крупных промышленных форм, проникавших во все сферы общественной и личной жизни; преобладанием технологий массового производства, обеспечивавших свою эффективность за счет стандартизации и масштабности; усилением монополистических тенденций на всех уровнях. Присущая данной системе экономическая политика предполагала государственное господство в хозяйственных процес-



Когда на телевидении еще не было рекламодателя...
Из журнала «Огонек», 1990 год

сах, расширение роли (и доли) госсобственности, ослабление конкурентных начал в экономике вообще и стремление к ограничению (преодолению) внешней конкуренции в частности. Индустриальная эпоха позволила решить ряд важных производственных и социальных задач, обеспечила заметное повышение производительности труда, урбанизацию и удовлетворение базовых потребностей всего населения соответствующих стран. Советский Союз, продолжив движение дореволюционной России по пути к созданию индустриального общества, достиг своей цели на рубеже 1950–60-х годов.

Примерно тогда же в развитых индустриальных странах обозначился поворот к экономике, основанной на информационных технологиях и всем том, что позже стали называть высокими технологиями. Формирование новой экономики сопровождалось ослаблением монополистических тенденций, активизацией конкуренции, снижением роли крупных хозяйственных форм, повышением гибкости производственных процессов и индивидуализацией производственно-технологических решений. Глобализация — один из важнейших компонентов новой экономики. Соответствующая экономическая политика характеризовалась снижением роли государства в хозяйственной жизни, либерализацией хозяйственной и внешнеэкономической деятельности.

Запад столкнулся с кризисом индустриального общества в начале 1970-х, и на протяжении всего этого десятилетия большинство наиболее развитых стран переживали глубокий экономический кризис — так называемую стагфляцию. И лишь позднее выяснилось, что на самом деле имел место не очередной этап «общего кризиса капитализма», а адаптация социально-экономических систем к новому этапу технологического развития (или, если использовать марксистскую терминологию, к новому уровню развития производительных сил).

Перед СССР встали аналогичные, по своей сути, проблемы. Однако жесткость политической и экономической системы не позволила ей перестроиться, с тем чтобы своевременно ответить на новые вызовы. Советская экономика отличалась крайней невосприимчивостью к нововведениям. Действовавшие стимулы ориентировали предприятия и работников на выполнение и перевыполнение плановых заданий, а обновление производства и научно-технические новшества могли этому только помешать.

В результате в то время, когда Запад через кризис приспособился к новым реалиям, Советский Союз шел к тяжелому систем-

ному кризису, демонстрируя устойчивые, хотя и невысокие, темпы роста. Традиционные отрасли продолжали доминировать в ущерб развитию передовых направлений научно-технического прогресса, связанных с компьютеризацией, усовершенствованием средств связи и т. п. (По некоторым оценкам, отставание СССР в области телекоммуникаций составляло 25–30 лет.) Оборонный сектор по-прежнему играл в экономике центральную роль. Темпы роста неуклонно снижались, и в 1980-е годы усугублявшееся отставание от Запада стало уже очевидным для всех. «...Коммунизм оказался не способным... [на] состязание с капитализмом, с рыночной системой, когда эта система стала уходить от рудников и угольных шахт и двинулась в постмодернизационную эру... Постмодернизационный вызов стал чрезвычайно эффективным в ускорении разрушения коммунизма и триумфа антикоммунистической революции...» – писал известный британский социолог Зигмунт Бауман.

Характер кризиса обусловил и общий принцип мероприятий по реформированию, а именно либерализацию всех сторон общественной жизни. Если индустриальная эпоха (в том числе политика догоняющей индустриализации) предполагала активизацию мобилизационных усилий, концентрацию ресурсов в секторах – «точках роста», то постиндустриальная эпоха требует наращивания творческого, адаптационного потенциала людей и фирм, всемерного развития человеческого капитала.

Особенности постиндустриальной эпохи обуславливают, в частности, нынешний, длящийся уже примерно четверть века расцвет либерализма, который Фрэнсис Фукуяма романтически провозгласил «концом истории». Дело здесь, разумеется, не в абсолютном и окончательном торжестве либерализма. Просто сегодняшний уровень развития производительных сил и соответствующие ему модели успешных модернизаций или опираются в основном на либеральную экономическую политику (как в развитых странах Запада), или развиваются в сторону либерализации (как в быстро растущих странах Юго-Восточной Азии). Они же объясняют, почему все правительства позднего СССР и России, безотносительно к их партийной принадлежности, проводили более или менее последовательный курс на либерализацию. Особенно показательным в этом отношении было правительство Евгения Примакова (сентябрь 1998 г. – май 1999 г.), которое, несмотря на жесткую антилиберальную риторику, выполняло рекомендации либеральных экономистов, причем

Противники не ожидали краха

В преддверии двадцатилетия прихода к власти в СССР Михаила Горбачёва агентство *Washington ProFile* подготовило подборку материалов, отражающих представления ведущих американских экспертов начала 1980-х годов о перспективах развития Советского Союза. Хотя большинство аналитиков скептически оценивали состояние главного соперника США, никто не предполагал, что он так скоро прекратит свое существование.

Профессор Гарвардского университета **Марк Бэйсингер** утверждал в 1983 году, что правящая советская элита не представляет ни свое общество, ни партию, которая ее выдвинула. Если считать, что советская верхушка действительно отражает структуру общества, то население СССР должно состоять исключительно из образованных русских мужчин, «белых воротничков» и членов партии. Ни одна группа в советской элите не обладает всей полнотой власти. «Нового класса», который составляет высшая советская бюрократия, не существует, поскольку члены элиты слишком разобщены и являются конгломератом различных сил (здесь Бэйсингер полемизирует с югославским философом **Милованом Джи-ласом**, автором теории, согласно которой в социалистических странах образовался новый правящий класс, состоящий из высшей номенклатуры). Советолог **Северин Бейлер** указывал, что Советским Союзом управляют геронтократы – крайне пожилые и неэффективно работающие лидеры. Например, в 1980-м средний возраст члена Политбюро ЦК КПСС составлял 70,1 года (в 1952-м – 55,4 года).

Александр Даллин, профессор Станфордского университета, отмечал в 1984 году, что, «хотим мы этого или нет, даже подозреваем мы это или нет, но США вносят свой вклад в диалог с советской элитой. А советская элита – вольно или невольно – влияет на американских аналитиков». По мнению Даллина, некоторые аспекты двусторонних отношений между СССР и США можно назвать «альянсом» между соперниками. Умеренные с обеих сторон заинтересованы в компромиссах, а военно-промышленный комплекс – в поддержании статус-кво, необходимого для получения военных заказов и сохранения влияния. То есть советские и американские «ястребы» де-факто тоже сотрудничают друг с другом.

В 1982 году **Министерство обороны США** пришло к выводу, что Соединенные Штаты превосходят СССР по технологическому уровню вооруженных сил. Пентагон утверждал, что США имеют превосходство по 15 компонентам (в том числе в баллистических ракетах подводного базирования, истребителях, высокоточном оружии, средствах коммуникации, системах раннего оповещения). По 11 компонентам США и

СССР имели равенство – межконтинентальные баллистические ракеты, боевые машины пехоты, крылатые ракеты, системы управления и контроля и пр. Советский Союз превосходил Соединенные Штаты по семи показателям: ракеты «земля–воздух», противоракетная оборона, антиспутниковые системы, химическое оружие и пр.

Военный аналитик **Дэвид Джонс**, опубликовавший в 1983 году статью о состоянии советских Вооруженных сил в сборнике «Советский Союз сегодня» (*The Soviet Union Today*), полагал, что советская боевая техника уступает западным аналогам и гораздо медленнее осваивается советскими военными. Большой проблемой он считал недостаток хорошо подготовленных офицеров и сержантов. Кроме того, он отмечал постепенное увеличение в составе армии количества солдат неславянских национальностей, которые, как правило, менее образованны и не способны быстро освоить сложную боевую технику.

В 1982 году **Atlantic Institute** пришел к выводу, что по мере роста военных возможностей СССР значительно снижались его политический и экономический потенциал, а следовательно, способность влиять на положение дел в мире. В том году, по данным службы **Gallup**, две трети американцев не обращали внимания на наращивание советских военных мускулов. Ряд американских военных аналитиков считали, что советские Вооруженные силы хорошо подготовлены к ведению наступательной войны, но советская экономика будет не в состоянии выдержать полномасштабный военный конфликт с Западом.

Эксперты отмечали, что после окончания Второй мировой войны Советский Союз демонстрировал стабильные, а в ряде случаев и весьма впечатляющие темпы экономического роста. Однако с 1960-х годов экономика начала пробуксовывать. К примеру, в 1956–1960 годах рост составил 5,9 %. Следующая пятилетка (1961–1965) дала 5 %, далее темпы роста последовательно снижались, достигнув в 1976–1980 годах 2,7 %. В начале 1980-х восторжествовала точка зрения, согласно которой экономика СССР была близка к кризису, который, однако, серьезно не угрожал социалистической системе.

Известный экономист **Янош Корнай** характеризовал советскую модель экономики как инвестиционно-ориентированную, а следовательно, создающую постоянный дефицит товаров. Последнее не означало, что советская экономика была не способна функционировать и даже превосходить капиталистические экономики по определенным показателям.

В 1980 году у 85 % советских семей были телевизоры, у 84 % – холодильники. Среднестатистический советский человек проживал на площади 13,2 кв. м, его рацион составляли 57 кг мяса, 93 кг овощей, 120 кг картофеля и 139 кг зерновых изделий в год. За предыдущие десятилетия рост



Президент США Джеральд Форд и советский лидер Леонид Брежнев. 1974 год

потребления в СССР превышал уровень потребления в США и ряде иных ведущих государств Запада (данные профессора **Джеймса Миллара** из Иллинойского университета).

Намного более резкие оценки давал профессор Гарвардского университета **Маршалл Goldman** в книге «СССР в кризисе: крах экономической системы» (*USSR in Crisis: The Failure of an Economic System*), вышедшей в 1982 году. Он утверждал, что советский экономический рост минимален, если не отрицателен. Проблемы отмечаются во всех отраслях, в том числе в тяжелой индустрии, на которую СССР традиционно делал ставку. Масштабные инвестиции в сельское хозяйство не привели к увеличению выпуска продукции. Советские политические институты выглядят безжизненными и неспособными реагировать на нужды общества. Ежегодно Москва тратит колоссальные суммы на оборону, а кроме того, около 20 млрд долларов расходуются на оказание помощи Кубе, Камбодже, Вьетнаму, Афганистану и странам Восточной Европы.

Джон Крамер, профессор *Mary Washington College*, утверждал в 1981 году, что на значительной части территории СССР сложилась тяжелая экологическая ситуация. По его оценкам, ежегодно загрязнение окружающей среды приносит советской экономике убытки, оцениваемые в 30 млрд долларов (в ценах 20-летней давности). Законодательная база не дает возможности эффективно бороться с загрязнителями, поскольку «враги»



Президент США Джимми Картер и генсек Леонид Брежнев подписывают Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Вена, 18 июня 1979 года

окружающей среды и ее «друзья» являются лишь разными элементами одной и той же бюрократической машины.

В 1982 году столпы американской внешней политики **Генри Киссинджер** и **Збигнев Бжезинский** предполагали, что самые печальные последствия могут возникнуть после ухода престарелого советского лидера Леонида Брежнева. В их понимании он был «умеренным», а после его смерти власть могла перейти к более молодым и намного более агрессивным кругам, которые будут активнее применять военную силу повсюду в мире и поставят человечество на грань ядерной войны.

Джонатан Стил, автор исследования «Советская мощь» (*Soviet Power*, 1983 г.), – один из немногих авторов, который рискнул сделать краткосрочный прогноз. По его мнению, в 1980-е годы советская внешняя политика потерпела фиаско, поскольку содержание многочисленных стран-клиентов в государствах Третьего мира стало слишком тяжелым бременем для советской экономики. Кроме того, советское вторжение в Афганистан сделало Третий мир намного более настороженным по отношению к СССР. Исходя из этого, Стил предполагал, что Советский Союз сделает ставку на мирное сосуществование с Западом и не будет стремиться к дальнейшей конфронтации.

По материалам агентства *Washington ProFile*

в некоторых случаях, например в области бюджетной и денежной политики, даже более решительно, чем находившиеся ранее у власти правые либералы.

«МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ» РЕВОЛЮЦИИ

Другая важная особенность российской трансформации состоит в том, что она приняла форму полномасштабной революции. Тезис о революции (точнее, о ее завершении) прозвучал даже в Послании президента страны Федеральному собранию РФ в 2001 году.

Между тем многие специалисты отказываются признавать революционный характер посткоммунистической трансформации. Они указывают на невовлеченность в преобразования широких народных масс, на отсутствие масштабного насилия, а также на то, что не произошло значительного обновления элиты. На самом деле значение всех названных «признаков» не следует преувеличивать. Представление о революции как о движении широких народных масс формируется лишь спустя некоторое время после имевших место событий (и под воздействием постреволюционных произведений искусства). Насилие также не является универсальной характеристикой революции. Да и коренное обновление элиты происходит, как правило, не сразу.

В любом случае смену элиты (что, несомненно, характеризует ход революции) не следует смешивать с немедленным удалением (на эшафот, в эмиграцию или в отставку) деятелей старого режима. Даже после такого радикального потрясения, как Великая французская революция, многие представители прежней верхушки еще оставались на своих постах, и понадобилось время, чтобы к власти пришли совсем другие люди. Кроме того, новая элита — это те, кто готов действовать в новых обстоятельствах и играть по новым правилам, а среди таковых вполне могут оказаться и выходцы из старой элиты. Разве принадлежность Виктора Черномырдина к высшему слою советской номенклатуры (министр и член ЦК КПСС) способна приуменьшить его роль в становлении новейшего российского капитализма? Так что поступки важнее происхождения...

То же самое относится и к трансформации собственности. Смена собственника, безусловно, важна, но ее не следует абсолютизировать. Гораздо существеннее не физическая смена собственника, а изменение формы собственности. Так, в ходе Английской буржуазной революции середины XVII столетия не отмечалось радикальных перемен в сфере собственности, а большая часть аристократии со-

хранилась (поэтому в марксистской историографии эта революция считалась «непоследовательной»). Лидеры революции имели обыкновение перепродавать конфискованные земельные владения тем же роялистам, у которых они были изъяты. После перепродажи это была уже другая собственность — частная, освобожденная от старинных феодальных обязательств, фундамент будущего капиталистического общества и фактор формирования необходимой социальной базы для грядущего экономического роста. Аналогичные процессы происходили и в современной России.

В наиболее общем виде революция — это *системные преобразования, которые радикально изменяют общественное устройство страны и осуществляются в условиях слабого государства*. Последнее является важнейшим конституирующим элементом революции, предопределяющим многие ее характерные черты, коренным образом отличающим ее от других преобразований и приводящим к системным сдвигам. Слабость государства проявляется в кризисе государственной власти, когда налицо острое противостояние элит (и вообще основных групп интересов), отсутствие между ними консенсуса по базовым ценностям и ключевым вопросам дальнейшего развития страны. В экономическом плане слабость власти — это прежде всего финансовый кризис, неспособность государства собирать налоги и поддерживать баланс между расходами и доходами.

Именно слабость государственной власти обуславливает стихийный характер протекания экономических и социальных процессов. Общественное развитие становится результатом действия различных сил, «тянущих» государство в самые разные стороны. Отсюда — стихийность, но отсюда же и закономерности, предопределяющие схожесть полномасштабных революций. (Можно выделить несколько этапов таких революций: (1) «Розовый период», или «медовый месяц», когда все силы объединяются во имя свержения старого строя, а у власти находится чрезвычайно популярное «правительство умеренных»; (2) поляризация, размежевание социально-политических сил, что приводит к краху «правительства умеренных»; (3) радикальный период — окончательный и бесповоротный слом старой системы; (4) «термидор», закладывающий основы укрепления государства и стабилизации системы; (5) посттермидорианская стабилизация и выход из революции.)

Если рассматривать российскую трансформацию как революцию, нетрудно увидеть: перестройка — это «розовый период» рево-

люции. Характерной чертой этой фазы становится вера революционных вождей, с одной стороны, в сплоченность не приемлющего старый режим общества, а с другой — в собственную широкую популярность. Эти представления, порой весьма иллюзорные, довольно-таки существенно и в течение длительного времени сказываются на экономической политике.

Во-первых, лидерам раннего революционного правительства, провозглашающего курс на преодоление «наследия прошлого», кажется, что единство нации и собственная популярность наделяют их особой силой, позволяющей принимать экзотические решения, не вписывающиеся в экономическую логику и невыполнимые в «нормальных» условиях. Во времена перестройки решениями такого рода стали:

- антиалкогольная кампания (отказ от значительной части бюджетных доходов в момент, когда советский бюджет понес серьезные потери из-за падения цен на нефть, привел к тяжелым последствиям);
- одновременное проведение политики ускорения и перестройки (ускорение означало повышение доли накопления в национальном доходе и сокращение расходов на потребление; перестройка же предполагала расширение экономической самостоятельности хозяйственных агентов, не имевших никаких стимулов к расширению инвестиционной активности);
- сочетание стимулирования предпринимательской активности (кооперативы, индивидуальная трудовая деятельность) и борьбы с нетрудовыми доходами.

Во-вторых, раннее революционное правительство не способно к выработке и принятию последовательной программы социально-экономических реформ. Оно еще тесно связано (идеологически и политически) со старой системой, и его деятельность ориентирована на реализацию выработанных в прошлом (в совершенно иных политических условиях), но, увы, отнюдь не осуществленных программ. Так, в период перестройки всерьез обсуждались возможности «второго издания» реформы 1965 года, а то и НЭПа. Речь шла о выборе между моделями социалистической рыночной экономики, хотя вызовы постиндустриальной эпохи уже требовали выйти далеко за рамки «научно обоснованных», но старомодных схем.

Претворяя в жизнь популярную в 1960-е годы идею о самостоятельности предприятий в условиях государственной собственности, советское правительство пошло на резкое расширение самостоятельности директоров. На деле эти решения дали двойной негатив-

ный эффект: с одной стороны, они способствовали углублению экономического кризиса, поскольку расширение самостоятельности предприятий не подкреплялось усилением их ответственности за результаты работы; с другой — укрепляли положение директора как фактического (но не формального) владельца предприятия, обостряя стандартную для всякой революции проблему приведения в соответствие формального и реального статуса собственника.

В-третьих, сознание собственной популярности фактически исключает принятие правительством назревших, но непопулярных решений. Потребность властей в популистских мерах постоянно возрастает — особенно по мере утраты ими доверия со стороны населения. В годы перестройки правительство Николая Рыжкова так и не отважилось пойти на балансирование (повышение) цен, и эта нерешительность вызвала быстрое усиление товарного дефицита и развал потребительского рынка. Однако «робость» по отношению к розничным ценам не мешала неуклонно повышать цены оптовые, что обеспечивало поддержку соответствующих групп интересов. К этому можно добавить налоговый и бюджетный популизм — готовность ради приобретения политической поддержки снижать налоги и увеличивать бюджетные расходы в условиях тяжелого бюджетного кризиса.

Эти три обстоятельства вкупе стали важнейшей причиной углубления экономического кризиса в годы перестройки. Приведенные здесь умозаключения не следует рассматривать как обвинения в адрес «раннего революционного правительства» Горбачёва — Рыжкова. Начавшаяся революционная трансформация имела свою внутреннюю логику. Действия «перестроечных» властей вполне соответствовали логике действий их великих предшественников, будь то во Франции 1789 года или в России в марте-сентябре 1917-го. Но факт остается фактом: экономическая политика во второй половине 1980-х годов привела к тяжелому финансовому кризису, из которого Россия выходила на протяжении всего следующего десятилетия.

Вернемся к вопросу: существовали ли реальные альтернативы политике перестройки, и если да, то какие?

СССР НАВСЕГДА?

В начале 1980-х никто не ожидал от советского руководства осуществления сколько-нибудь глубоких преобразований. Речь шла, как максимум, о продолжении попыток «совершенствования хозяйст-

венного механизма» в духе соответствующих «реформаторских» документов 1979 и 1983 годов. Первые шаги Горбачёва интерпретировались многими как либерализация на словах, причем временная. Ожидания связывались с проведением традиционных мероприятий мобилизационного характера: ужесточением дисциплины и административного контроля за качеством выпускаемой продукции (введение «госприемки»), увеличением доли накопления в национальном доходе, инвестиционным маневром в пользу машиностроения. Словом, серьезные рыночные реформы представлялись маловероятными, и, по мнению многих советологов, совершенствование экономических отношений должно было пойти по пути упорядочивания централизованного контроля, сокращения количества бюрократических звеньев и приближения к механизму централизованного управления, характерного для Германской Демократической Республики.

Вместе с тем советская система представлялась исключительно прочной. СССР (как, впрочем, и США) считался страной, где возможны только постепенные, эволюционные трансформации. Однако к середине 80-х годов прошлого века возникли два обстоятельства, не позволявшие режиму пребывать в застое: структурные изменения, произошедшие в советской экономике в результате нефтяного изобилия 1970-х, и вступление Запада в фазу постиндустриального роста.

Начало перестройки нередко связывают с падением цен на нефть в 1984 году и углублением бюджетных трудностей. Именно в 1985-м, впервые за несколько десятилетий, в СССР обозначился и стал нарастать бюджетный дефицит. Если в 1980 году бюджет имел профицит в 1,3 % ВВП, то в 1985-м — дефицит в 1,7 % (а в 1990-м дефицит составлял уже 10,3 % ВВП).

Истинная же причина кризиса состояла в резком скачке цен на нефть в 1973 году и последовавшем нефтяном буме. На протяжении примерно десятилетия цены на нефть оставались исключительно высокими, а в самом начале 1980-х достигли рекордного на сегодняшний день уровня (порядка 90 долларов за баррель по современному курсу). Сложившаяся на нефтяном рынке ситуация двояко повлияла на состояние советской экономики.

С одной стороны, руководство страны получило возможность отказаться от проведения экономических реформ, к которым их подталкивали кризисные явления 1960-х годов. Введение в строй западносибирских месторождений в совокупности с нефтяным

шоком 1973-го обеспечили СССР потоком «дешевых» нефтедолларов, что позволило снять с повестки дня проблему реформирования экономики.

С другой стороны, «позитивный шок» 1973 года привел к росту зависимости советской системы от экспорта энергоресурсов. Фактически советские руководители использовали нефтедоллары для своеобразного структурного маневра, в ходе которого нефть и газ обменивались на продовольствие и на оборудование для расширения добычи нефти и газа. В результате доля нефти и газа в экспорте стабильно росла, а доля машин и оборудования снижалась. Такие факторы, как эффективность производства, производительность труда, обновление и инновации, также отходили на задний план. Инновационная активность не выходила за рамки военно-промышленного комплекса, но усиление зависимости от внешнеэкономических условий сказывалось и на состоянии оборонного потенциала.

В структуре советской экономики произошла очень важная перемена. Став более открытой, экономика оказалась зависимой не только от наличия дешевых ресурсов, но и от внешнеэкономической конъюнктуры. К концу 1970-х выяснилось, что без масштабного импорта продовольствия СССР уже не способен обеспечивать стабильность своего существования. Изменились и психологические ориентиры советских людей: все больше граждан получали возможность выезжать за границу и знакомиться с образом жизни в западных демократиях. А обширный импорт предметов потребления способствовал дискредитации советской экономики в глазах широких слоев населения. Фактически через потребительский импорт люди осваивали элементы западного образа жизни.

Падение цен на энергоресурсы неизбежно вело к тяжелому кризису — не только экономическому, но и политическому, включая невозможность поддержания военно-стратегического паритета. А без этого коммунизм, существовавший в условиях противостояния двух систем, был обречен. Чтобы не допустить такого развития событий, власть теоретически могла бы пойти на «закручивание гаек» — решительное снижение уровня жизни и возврат к старой мобилизационной модели социально-экономического развития. Однако у этого варианта было два серьезных препятствия.

Во-первых, манипулировать общественным сознанием становилось все труднее. Ни элита, ни образованное, урбанизированное население не смирились бы с жесткими мерами: в отличие от ситуа-

ции в первой половине XX века, подавляющему большинству населения страны было что терять (как в материальном, так и в культурном отношении). Имея одного-двух детей в семье, городское население не пожелало бы поддерживать военно-политические авантюры, необходимые для сохранения статуса сверхдержавы.

Во-вторых, в силу закрытости советской экономики и игнорирования ею процессов глобализации мобилизационная модель не могла бы обеспечить развитие современных производительных сил на уровне, позволявшем поддерживать военно-стратегический потенциал и сохранять статус сверхдержавы.

Таким образом, к середине 1980-х годов уже не оставалось возможности сохранить советскую систему в неизменном виде.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПО-КИТАЙСКИ: ЗА И ПРОТИВ

Среди российских политиков и исследователей получил популярность тезис о том, что политические реформы в СССР явились ошибкой, а подходить к реформированию следовало бы с учетом китайского опыта.

Для китайской трансформации, начатой в 1978-м, характерно доминирование экономических реформ над политическими. Благодаря сохранению однопартийной системы и идеологической жесткости режима власть остается в руках старой номенклатуры. Экономические преобразования проводятся постепенно и под ее контролем, а любая политическая активность отдельных представителей гражданского общества подавляется.

Между тем *политическая* невозможность использования китайского опыта в посткоммунистической России очевидна. Если Китай опирался на тоталитарный режим, способный через партийную вертикаль и органы госбезопасности осуществлять всеобъемлющий контроль над ситуацией в стране, то в России либеральные реформы были начаты на рубеже 1991–92 годов в отсутствие не то что сильного государства, а государства, как такового (СССР уже ушел в историю).

Социально-экономическая структура китайского общества близка к советской, однако не 1980-х, а времен НЭПа. Китайская трансформация является не более чем свидетельством в пользу принципиальной возможности «мягкой» индустриализации нэповской России. Именно такой, «мягкий», подход лег в основу экономической программы, предложенной Николаем Бухариным и

Т а б л и ц а 1

Некоторые социально-экономические показатели развития
СССР и КНР

Показатели	СССР, 1930 г.	КНР, 1980 г.
Среднедушевой ВВП, в международных долларах, в ценах 1990 г.	1386	1462
Доля городского населения, %	20,0	19,6
Доля занятых в сельском хозяйстве от общего числа занятых, %	86,7	74,2
Доля грамотных от общего числа населения (для населения в возрасте от 15 лет и старше), %	61,8	67,1

Источники: Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris: OECD, 1995; Bairoch P. *Cities and Economic Development: From the Dawn of History to the Present*. Chicago, 1988; Mitchell B.R. *International Historical Statistics, Europe 1750–1993*. London: Macmillan, 1998; Гайдар Е. *Долгое время: Россия в мире*. М.: Дело, 2005. С. 306.

предполагавшей движение по пути постепенной индустриализации, через развитие крестьянских хозяйств, через предприятия легкой и пищевой промышленности. Эта модель индустриализации, а также выдвинутый Бухариным лозунг «Обогащайтесь!» были заклеены Сталиным как «правый уклон», а их приверженцы заплатились жизнью (см. табл. 1).

Иными словами, модель ускоренного экономического развития при сохранении политического авторитаризма может успешно работать только при определенных – и взаимосвязанных – условиях. Это, **во-первых**, невысокий уровень экономического развития и соответственно наличие значительного количества не вовлеченных в эффективное производство трудовых ресурсов (аграрное перенаселение). **Во-вторых**, низкий уровень социального развития, когда государство не берет на себя значительных социальных обязательств. (Так, если в КНР социальным страхованием и пенсионным обеспечением охвачено не более 20 % населения, то в СССР оно распространялось на всех граждан.) Наконец, **в-третьих**, низкий культурно-образовательный уровень, когда потребность в демократизации еще не является одной из ключевых для значительной массы населения.

Все эти факторы налицо в КНР, и все они отсутствовали в Советском Союзе 1980-х годов. Так что тем, кто рекомендует России учиться у Китая, надо стремиться к формированию у нас в стране

соответствующих условий, а именно: (1) правительству следует отказаться от социальных обязательств и перестать платить большую часть пенсий и социальных пособий, сократить предоставление бесплатных услуг в области здравоохранения и образования; (2) уровень бюджетной нагрузки в ВВП должен быть снижен с нынешних 36–40 % примерно до 20–25 %.

Хорошая историческая память и зависимость от социальных расходов государства также являются факторами, которые нельзя не принимать во внимание при выработке и реализации программы реформ.

Уже достаточно зрелое и образованное, советское общество 1980-х нуждалось в доказательствах того, что реформаторские намерения властей — не пустая риторика и не провокация спецслужб. Лишь готовность руководства к политическим изменениям могла подтолкнуть экономические реформы. Резкое снижение бюджетной нагрузки на экономику, аналогичное тому, что произошло в КНР, также было бы в России невозможным и нежелательным. (Автор этих строк как-то спросил у Михаила Горбачёва, почему он и его коллеги не пытались пойти по китайскому пути. Экс-президент Советского Союза ответил, что все они осознавали принципиальные различия ситуаций в СССР и КНР).

Наконец, важнейшую роль играет фактор стабильности. Китаю потребовалось тринадцать лет реформ и политической стабильности, чтобы вызвать доверие инвесторов и занять лидирующие позиции в мире по притоку иностранных инвестиций.

ОПЫТ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Трансформационные процессы в России и в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), включая бывшие республики советской Прибалтики, существенно отличаются друг от друга. Хотя сначала мы находились примерно в одном исходном пункте — в ситуации постсоветского кризиса и хотя в обоих случаях целью являлось построение современной рыночной демократии, в дальнейшем — на этапе посткоммунистических реформ — в характере, темпе и механизмах преобразований наметились серьезные различия.

И в России, и в странах ЦВЕ речь шла о либерализации (цен и внешнеэкономической деятельности) и макроэкономической стабилизации, о приватизации, о стимулировании нового бизне-

са. Но большинство государств ЦВЕ решили задачи выхода из коммунизма раньше и с меньшими издержками, чем Россия. Здесь, как правило, быстрее удавалось достичь стабилизации, упорядочить отношения собственности и прийти к экономическому росту (см. табл. 2).

По моему мнению, такое расхождение в динамике роста обусловлено прежде всего политической сферой. Для стран Центральной и Восточной Европы крах Советского Союза фактически означал освобождение от системы, навязанной извне с помощью военной силы. СССР, напротив, избавлялся от системы, возникшей в результате его собственного развития. Это предопределило революционный характер трансформации во втором случае и эволюционный — в первом.

Т а б л и ц а 2

Динамика среднедушевого ВВП (по ППС) в некоторых посткоммунистических странах, в % к 1990 году

Страны	1991 г.	1996 г.	2000 г.	2002 г.
Россия	95	61	70	77
Болгария	95	79	85	94
Венгрия	88	90	110	116
Польша	91	111	134	138
Словакия	86	90	103	112
Эстония	92	78	103	119
Латвия	90	55	72	84
Литва	94	63	76	87

Источник: Гайдар Е. *Долгое время: Россия в мире. М.: Дело, 2005. С. 381.*

В странах ЦВЕ изначально существовал базовый консенсус относительно характера и направления преобразований: возвращение в Европу, присоединение к современным европейским институтам, в первую очередь к ЕС и НАТО. Эти цели разделяла вся политическая элита за исключением мелких маргинальных группировок. То есть при всей глубине и сложности преобразований в странах ЦВЕ там не шла речь о революции в строгом смысле слова — о крахе государства и необходимости восстановления основных институтов государственной власти. Наличие четких ориентиров развития, устойчивое функционирование основных институтов власти (прежде всего су-

дебной и правоохранительной систем) ограничивают рост транзакционных издержек и тем самым стимулируют развитие частного бизнеса, а следовательно, восстановление экономического роста.

Важным дополнительным фактором предсказуемости курса стран Центральной и Восточной Европы явились их изначально продекларированное желание вступить в ЕС и НАТО, а также готовность обоих союзов к расширению. «Кандидатский стаж», необходимый для вхождения в эти организации, не только четко и недвусмысленно определял задачи в сфере институционального переустройства, но и обеспечивал реформы своеобразным внешним контролем со стороны более развитых стран-членов. (Признавая некоторую неполиткорректность сравнения, нельзя не заметить, что этот контроль по своей эффективности сопоставим с действиями оккупационных властей в Западной Германии и Японии по обеспечению там политической и экономической стабильности в период проведения послевоенных реформ. Результатом стал бурный рост побежденных стран, позволивший говорить об «экономических чудесах».) Это стало серьезным барьером на пути возможных популистских шагов и существенно поспособствовало преодолению посткоммунистического кризиса, хотя продвижение в направлении ЕС, принятие в странах ЦВЕ тяжеловесного, требующего больших бюджетных расходов европейского законодательства в дальнейшем затормозило там экономический рост.

Как было рассмотрено выше, в СССР/России, в отличие от стран ЦВЕ, произошла полномасштабная революция. Крах государственных институтов в совокупности с развалом империи и отсутствием внешних стимулов для стабилизации требовал более длительного периода для преодоления системного кризиса. В результате при схожих по форме преобразованиях (либерализация, стабилизация, приватизация и т. д.) процессы посткоммунистической трансформации имели здесь ряд специфических черт.

Во-первых, макроэкономическая стабилизация продолжалась в течение более длительного периода. Инфляция, будучи по природе своей перераспределительным процессом, становилась инструментом политической борьбы, а ее темп отражал соотношение между теми, кто мог или выиграть, или проиграть от стабилизации. В условиях крайней слабости власти, ее зависимости от различных групп интересов уровень инфляции постоянно колебался; возникали неустойчивые политические коалиции, во имя создания ко-

торых приходилось жертвовать в том числе и макроэкономической стабильностью.

Во-вторых, вопросы собственности также становились важнейшим фактором политической борьбы. В принципе перераспределение собственности (в данном случае приватизация) может осуществляться для того, чтобы (1) создать эффективного собственника, (2) пополнить казну (фискальная задача), а также (3) получить (купить) политическую поддержку. В условиях революционного кризиса последнее неизбежно выходит на передний план — ведь при отсутствии политической определенности серьезные инвесторы (кандидаты в «эффективные собственники») не вкладывают свои средства в экономику. Тем самым перераспределение собственности проходит в целях расширения социальной базы правительства. Естественно, такое положение серьезно тормозит завершение кризиса и выход страны на траекторию устойчивого экономического роста.

В-третьих, кризис политических институтов становится препятствием на пути расширения предпринимательской активности. Как ни велика роль хорошего экономического законодательства, для предпринимателя гораздо большее значение имеет правоприменительная практика, способность правительства обеспечить исполнение законов. Важнее всего при этом состояние судебной и правоохранительной систем. Их неэффективность резко повышает транзакционные издержки, заставляя бизнес закладывать в себестоимость продукции дополнительные затраты (на защиту собственности, на частную милицию и правосудие), что заметно снижает конкурентоспособность.

Указанные особенности российской трансформации не являются абсолютно уникальными: все они в той или иной степени характеризовали великие революции прошлого. Вместе с тем модель посткоммунистического развития стран Центральной и Восточной Европы вряд ли можно считать альтернативой нашего переустройства. Имея схожие цели, мы достигаем их в неодинаковых условиях — опираясь на различные политические институты, полученные в наследство от последних коммунистических правительств. В российском случае — в наследство от перестройки.

Сила и справедливость против демократии

Пожалуй, наиболее точно развитие событий в СССР и неизбежность его глубокого кризиса предсказал историк и диссидент **Андрей Амальрик** в статье «**Просуществует ли Советский Союз до 1984 года**», написанной летом 1969-го. Анализируя состояние советского общества, автор приходил к однозначному выводу о том, что «великая восточнославянская империя, созданная германцами, византийцами и монголами, вступила в последние десятилетия своего существования. Как принятие христианства отсрочило гибель Римской империи, но не спасло ее от неизбежного конца, так и марксистская доктрина задержала распад Российской империи — Третьего Рима, — но не в силах от- вратить его».

Амальрик полагал, что непосредственной причиной краха станет затяжная война с Китаем (статья написана по следам кровопролитных событий вокруг острова Даманский). Данный прогноз сбылся отчасти: вместо противостояния с КНР Кремль ввязался в многолетний конфликт на территории Афганистана.

Весьма точно Амальрик предсказывает развитие событий в Европе. «После Второй мировой войны у СССР была возможность создать на своей западной границе цепь нейтралистских государств, включая Германию, и тем самым обеспечить свою безопасность в Европе. Такие государства, со своего рода “промежуточными” режимами, какой, например, был в Чехословакии до 1948 года, явились бы своего рода прокладкой между Западом и СССР и обеспечили бы стабильное положение в Европе. Однако СССР, следуя сталинской политике территориальной экспансии и усиления напряжения, максимально расширил сферу своего влияния и тем самым создал для себя потенциальную угрозу. Поскольку существующее сейчас положение в Европе поддерживается только постоянным давлением Советского Союза, то можно полагать, что, как только это давление ослабеет <...>, в Центральной и Восточной Европе произойдут значительные изменения. <...> Как только станет ясно, что <...> СССР <...> не может отстаивать свои интересы в Европе, произойдет воссоединение Германии. <...> Германия с достаточно сильной антисоветской ориентацией создаст совершенно новую ситуацию.

По-видимому, воссоединение Германии совпадет с процессом “десоветизации” восточноевропейских стран и значительно ускорит этот процесс. <...> “Десоветизированные” восточноевропейские страны помчатся как конь без узда и, видя бессилие СССР в Европе, предъявят незабытые, хотя и долго замалчиваемые территориальные пре-

тензии: Польша — на Львов и Вильнюс, Германия — на Калининград, Венгрия — на Закарпатье, Румыния — на Бессарабию. Не исключена возможность, что также Финляндия предъявит претензии на Выборг и Печенгу. Очень вероятно, что <...> Япония предъявит территориальные претензии сначала на Курилы, затем на Сахалин, а потом, если успехи будут одерживать Китай, то и на часть советского Дальнего Востока. Короче говоря, СССР придется полностью расплачиваться за территориальные захваты Сталина и ту изоляцию, в которую поставили страну неосталинисты. Однако самые важные для будущего СССР события произойдут внутри страны.

<...> По мере роста затруднений режима средний класс будет занимать все более враждебную позицию, считая, что режим не в состоянии справиться со своими задачами. Измена союзников и территориальные претензии на западе и востоке будут усиливать ощущение одиночества и безнадежности. <...> Вместе с тем крайне усилятся националистические тенденции у нерусских народов Советского Союза, прежде всего в Прибалтике, на Кавказе и на Украине, затем в Средней Азии и в Поволжье. Между тем бюрократический режим, который привычными ему полумерами не в состоянии будет одновременно вести войну, разрешать экономические трудности и подавлять или удовлетворять народное недовольство, все больше будет замыкаться в себе, терять контроль над страной и даже связь с действительностью. Достаточно будет сильного поражения на фронте или какой-либо крупной вспышки недовольства в столице — забастовки или вооруженного столкновения, — чтобы режим пал.

По-видимому, демократическое движение, которому режим постоянными репрессиями не даст окрепнуть, будет не в состоянии взять контроль в свои руки, во всяком случае на столь долгий срок, чтобы решить стоящие перед страной проблемы. В таком случае неизбежная “дез’империзация” пойдет крайне болезненным путем. Власть перейдет к экстремистским группам и элементам, и страна начнет расползаться на части в обстановке анархии, насилия и крайней национальной вражды. Границы между молодыми национальными государствами, которые начнут возникать на территории бывшего Советского Союза, будут определяться крайне тяжело, с возможными военными столкновениями, чем воспользуются соседи СССР, и, конечно, в первую очередь Китай. Но возможно, что “средний класс” окажется все-таки достаточно силен, чтобы удержать контроль в своих руках. В таком случае предоставление независимости отдельным советским народам произойдет мирным путем и будет создано нечто вроде федерации, наподобие Британского Содружества (наций) или Европейского эконо-

мического сообщества. С Китаем, также обессиленным войной, будет заключен мир, а споры с европейскими соседями будут улажены на взаимоприемлемой основе. Возможно даже, что Украина, прибалтийские республики и Европейская Россия войдут как самостоятельные единицы во Всеевропейскую федерацию.»

Рассуждая о перспективах построения демократии в СССР, Амальрик пишет: «Никакая идея не может получить практическое осуществление, если она уже не была хотя бы понята большинством народа. Русскому народу, в силу ли его исторических традиций или еще чего-либо, почти совершенно непонятна идея самоуправления, равного для всех закона и личной свободы — и связанной с этим ответственности. Даже в идее прагматической свободы средний русский человек увидит не возможность для себя хорошо устроиться в жизни, а опасность, что какой-то ловкий человек хорошо устроится за его счет. Само слово “свобода” понимается большинством народа как синоним слова “беспорядок”, как возможность безнаказанного свершения каких-то антиобщественных и опасных поступков. Что касается уважения прав человеческой личности, как таковой, то это вызовет просто недоумение. Уважать можно силу, власть, наконец, даже ум или образование, но что человеческая личность сама по себе представляет какую-то ценность — это дико для народного сознания. Мы как народ не пережили европейского периода культа человеческой личности, личность в русской истории всегда была средством, но никак не целью. Парадоксально, что само понятие “период культа личности” стал у нас означать период такого унижения и подавления человеческой личности, которого даже наш народ не знал ранее. Вдобавок постоянно ведется пропаганда, которая всячески стремится противопоставить “личное” “общественному”, явно подчеркивая всю ничтожность первого и величие последнего. Отсюда всякий интерес к “личному” — естественный и неизбежный — приобрел уродливые эгоистические формы.

Значит ли это, что народ не имеет никаких позитивных идей, кроме идеи “сильной власти” — власти, которая права, потому что сильна, и которой, поэтому, не дай Бог ослабеть?! У русского народа, как это видно и из его истории, и из его настоящего, есть во всяком случае одна идея, кажущаяся позитивной: это идея справедливости. Власть, которая все думает и делает за нас, должна быть не только сильной, но и справедливой, все жить должны по справедливости, поступать по совести. <...> При всей кажущейся привлекательности этой идеи она, если внимательно посмотреть, что за ней стоит, представляет наиболее деструктивную сторону русской психологии. “Справедливость” на практике оборачивается желанием, “чтобы никому не было лучше, чем

мне”. Эта идея оборачивается ненавистью ко всему из ряда вон выходящему, чему стараются не подражать, а наоборот — заставить быть себе подобным, ко всякой инициативе, ко всякому более высокому и динамичному образу жизни, чем живем мы. <...>

Таким образом, обе понятные и близкие народу идеи — идея силы и идея справедливости — одинаково враждебны демократическим идеям, основанным на индивидуализме. К этому следует добавить еще три негативных взаимосвязанных фактора. Во-первых, все еще очень низкий культурный уровень большей части нашего народа, в частности в области бытовой культуры. Во-вторых, господство массовых мифов, усиленно распространяемых через средства массовой информации. В-третьих, сильную социальную дезориентацию большей части нашего народа. “Пролетаризация” деревни породила “странный класс” — не крестьян и не рабочих, а с двойной психологией собственников своих микрохозяйств и батраков гигантского анонимного предприятия. <...> Колоссальный отлив крестьянской массы из деревни в город породил и новый тип горожанина: человека, разорвавшего со своей старой средой, старым бытом и культурой и с большим трудом обретающего новые, чувствующего себя в них очень неуютно, одновременно запуганного и агрессивного.

Если старые формы уклада как в городе, так и в деревне окончательно разрушены, то новые только складываются. “Идеологическая основа”, на которой они складываются, весьма примитивна: это стремление к материальному благополучию (с западной точки зрения весьма относительному) и инстинкт самосохранения, т. е. понятию “выгодно” противостоит понятие “опасно”. Трудно понять, имеются ли у большинства нашего народа, помимо этих чисто материальных, какие-либо нравственные критерии — понятия “честно” и “нечестно”, “хорошо” и “плохо”, “добро” и “зло”, якобы извечно данные, которые являются сдерживающим и руководящим фактором, когда рушится механизм общественного принуждения и человек предоставлен самому себе. <...> Христианская мораль с ее понятиями добра и зла выбита и выветрена из народного сознания, делались попытки заменить ее “классовой” моралью, которую можно сформулировать примерно так: хорошо то, что в настоящий момент требуется власти. Естественно, что такая мораль, а также насаждение и разжигание классовой и национальной розни совершенно деморализовали общество и лишили его каких-либо несиюминутных нравственных критериев.

<...> Итак, во что же верит и чем руководствуется этот народ без религии и без морали? Он верит в собственную национальную силу, которую должны бояться другие народы, и руководствуется сознанием си-

лы своего режима, которую боится он сам. При таком взгляде нетрудно понять, какие формы будет принимать народное недовольство и во что оно выльется, если режим изживет сам себя. <...>

Конечно, есть и противовес этим разрушительным тенденциям. Сейчас советское общество можно сравнить со своего рода трехслойным пирогом: правящим бюрократическим верхним слоем; средним слоем, который мы назвали выше “средним классом”, или “классом специалистов”; наиболее многочисленным нижним слоем — рабочими, колхозниками, мелкими служащими, обслуживающим персоналом и т. д. От того, насколько быстро пойдут рост “среднего класса” и его самоорганизация — быстрее или медленнее, чем разложение системы, — от того, насколько быстро средняя часть пирога будет увеличиваться за счет остальных, зависит, сумеет ли советское общество перестроиться мирным и безболезненным путем и пережить предстоящие ему катаклизмы с наименьшими жертвами.

При этом следует заметить, что есть еще один мощный фактор, противоборствующий всякой мирной перестройке и одинаково негативный для всех слоев общества: это крайняя изоляция, в которую режим поставил общество и сам себя. <...> Она порождает у всех, — начиная от бюрократической элиты и кончая самыми низшими слоями — довольно сюрреальную картину мира и своего положения в нем. Но, однако, чем более такое состояние способствует тому, чтобы все оставалось неизменным, тем скорее и решительнее все начнет расползаться, когда столкновение с действительностью станет неизбежным.

<...> Теоретически возможны и какие-то мутации режима — например, военизация и переход к откровенно националистической политике (это могло бы произойти путем военного переворота или же постепенного перехода власти к армии) или же, наоборот, экономические реформы и связанная с этим относительная либерализация (это могло бы произойти путем усиления в руководстве роли прагматиков-экономистов, понимающих необходимость изменений). Оба эти варианта не кажутся поворотными, однако партаппарат, против которого, в сущности, были бы направлены оба переворота, настолько сращен как с армией, так и с экономическими кругами, что обе эти упряжки, даже рванув вперед, быстро бы увязли в том же самом болоте».

Реформы нельзя закончить

Лешек Бальцерович

12 декабря 1981 года я в должности вице-председателя Польского экономического общества приехал в Брюссель на международную конференцию. На следующее утро в теленовостях сообщили, что в Польше введено военное положение. Иностранцы коллеги в один голос призывали меня не возвращаться в Варшаву. Я не последовал этому совету, не питая, однако, в тот момент никаких надежд на лучшее.

Восьмидесятые обещали стать мрачным временем реакции и жестких мер по укреплению режима. Никто из моих друзей и единомышленников, в принципе достаточно хорошо информированных о ситуации в польской, да и в советской экономике, не мог тогда предположить, что через какие-нибудь четыре года в СССР начнутся радикальные перемены, которые еще в текущем десятилетии приведут к краху коммунизма в Центральной и Восточной Европе. Представить себе развитие событий по такому сценарию было невозможно, даже обладая самым изощренным воображением.

Скажу честно: несмотря на весь богатый опыт, приобретенный за истекший период, я до сих пор не могу однозначно сказать, почему «социалистический лагерь» рухнул так быстро. Конечно, уже в 1970-х годах стало понятно, что коммунистический строй тормозит любой прогресс и способен только на то, чтобы воспроизводить застой. С точки зрения экономической науки это было очевидно, как был очевиден и коренной порок того мессианского учения, которое Карл Маркс почему-то называл наукой. Маркс утверждал, что развития можно добиться, лишив людей экономической свободы. Если бы марксизм оставался не более чем интеллектуальным течением в сре-

Лешек Бальцерович – председатель Национального банка Республики Польша, ранее – министр финансов и вице-премьер польского правительства.

де левых университетских профессоров, многие, наверное, до сих пор всерьез рассматривали бы предлагаемый им путь в качестве возможной альтернативы рыночному хозяйству. Но практический опыт строительства социализма продемонстрировал (и это, пожалуй, единственный положительный результат зловещего эксперимента), что отказ от частной собственности — путь к неизбежному упадку и, напротив, поощрение предпринимательской инициативы — способ двигаться вперед. Так что в исторической перспективе тоталитарные системы, основанные на плановой экономике, были обречены.

Однако порочность социально-экономической базы той или иной системы является необходимым, но не достаточным условием ее устранения. Известно немало режимов, которые ничуть не лучше и не эффективнее тех, что существовали в странах «народной демократии», но при этом они выживают и даже по-своему устойчивы. Северная Корея, Куба и Бирма являются наиболее наглядными примерами такого рода.

Крушение советского блока, безусловно, результат стечения целого ряда обстоятельств. И все же одним из ключевых является фактор личности, роль которой, кстати, всегда недооценивалась марксистами. Займи место Михаила Горбачёва человек с иными взглядами и чертами характера (а это было вполне вероятно, учитывая ситуацию в тогдашнем Политбюро), и попытки вдохнуть новую жизнь в агонизирующий строй придали бы развитию событий совсем другое направление. Нет сомнений в том, что рано или поздно все закончилось бы примерно тем же, однако сроки, а главное — цена перемен оказались бы совершенно иными.

Сомневаюсь, что, иницируя весной 1985-го «ускорение социально-экономического развития на основе научно-технического прогресса», Горбачёв предвидел практические последствия этих лозунгов. Но генеральный секретарь дал первоначальный импульс, а дальше процесс начал стремительно развиваться сам собой.

Мировая история знает немало примеров, когда из-за отсутствия «локомотива», лидера преобразований упускались реальные назревшие реформы. Есть, впрочем, и совершенно противоположные случаи, когда наличие сильной и яркой личности способно компенсировать частичное отсутствие объективных условий для революционных изменений. В эпоху крушения социализма недостатка в подобных фигурах не было. Очевидно, именно в этом и заключается высшая историческая справедливость: в решающий момент сторонни-

ки перемен оказались, как личности, намного сильнее и энергичнее тех, кто пытался сохранить статус-кво.

Масштаб трансформаций, охвативших Европу и Евразию в последние два десятилетия, настолько велик, что споры об этом грандиозном переломе не затихнут еще многие годы. Одна из постоянных тем дискуссий — универсальны ли по своему характеру экономические рецепты, или в каждом конкретном случае следовало и следует идти особым путем?

Существует прямая аналогия между экономической политикой и медициной. Если двум разным пациентам, например китайцу и русскому, ставят один и тот же диагноз, им прописывают одинаковую терапию. Лечение экономических недугов точно так же предполагает наличие универсальных рецептов. Конечно, между китайцем, русским, поляком, эстонцем и казахом достаточно различий, но только не с точки зрения экономики. Мировая экономика представляет собой единое пространство, которое функционирует по одним и тем же законам, а сами эти законы вытекают из основополагающих свойств человеческой природы.

Той природы, в которой прекрасно разбирался Адам Смит.

В 1980-е годы мы с группой коллег, не надеясь ни на какие перемены в Польше, очень серьезно изучали зарубежный, в частности латиноамериканский, опыт реформ. Такая работа не выходила за рамки научной дискуссии, но она оказалась весьма кстати в 1989-м, когда нам пришлось взяться за практические преобразования. К тому моменту сложилась группа единомышленников, мнения которых совпадали по принципиальным вопросам — необходимости либерализации, приватизации, жесткой монетарной политики. И хотя в



Варшава, декабрь 1981 года.
Ничто не предвещает скорых перемен...

практической деятельности мы, разумеется, столкнулись с многочисленными проблемами, предвидеть которые не могли, у нас уже имелся общий план действий. Главное, мы отдавали себе отчет: чтобы реформы увенчались успехом, они должны быть нацелены не на косметические изменения, не на «совершенствование» социализма с целью придания ему «человеческого лица», а на коренное переустройство плановой экономики. Именно такой подход и являлся единственно верным для любой из постсоциалистических стран.

Бессмысленно оспаривать наличие серьезного разрыва в уровне развития между разными странами бывшего советского блока — этот разрыв особенно ощутим, если сравнивать условия экономической деятельности, масштабы неравенства, эффективность систем здравоохранения и образования, степень защиты окружающей среды и т. д. В одних странах положение за годы реформ существенно улучшилось, в других — претерпело менее заметные изменения, в третьих — даже ухудшилось. Это вовсе не означает, что одни нации больше приспособлены к свободному рынку, а другие — меньше. Иное дело, что дает себя знать различие стартовых условий. Но на основе многочисленных эмпирических исследований легко прийти и к другому выводу: чем больше рыночных, ограничивающих государственное вмешательство, реформ проводится правительством, чем последовательнее они воплощаются в жизнь, тем выше достигнутые результаты. Нет ни одного примера страны, которая находилась бы в лучшем положении только потому, что ей удалось осуществить меньше рыночных реформ.

В любом государстве всегда присутствует обширный популистский фронт, который под разными предлогами, в том числе и ссылаясь на «национальную самобытность», противодействует реформам, предлагая взамен всевозможные «чудодейственные» средства для решения проблем. Успех зависит от того, способно ли общество дать организованный отпор популистам, не позволить им увести нацию в сторону от назревших преобразований.

Более того, залог успешного развития заключается как раз в том, что реформы никогда не заканчиваются. При этом представление о том, что они проводятся только под эгидой государства, является устаревшим. Государственное вмешательство следует ограничить настолько, чтобы предоставить свободу действий остальным участникам экономической жизни для самостоятельного реформирования и адаптирования к требованиям рынка.

Все наиболее динамичные экономики мира объединяет одно общее качество: в них никогда не прекращаются преобразования. Двигатель развития всякой свободной экономики – предприятия, и если они хотят быть конкурентоспособными, то должны постоянно развиваться, трансформироваться. В условиях современного глобального хозяйства невозможно стать победителем раз и навсегда, свое место надо постоянно отстаивать в мирной, но жесткой борьбе. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить список крупнейших американских корпораций двадцатилетней давности с их сегодняшним списком: многие тогдашние флагманы, не выдержав конкуренции, сошли со сцены и уступили место другим.

Реформы – это необходимое условие прогресса не только переходных, но и состоявшихся, мощных экономик. Там, где реформы замедляются, вскоре начинается отставание. К примеру, сегодня проблемы испытывают такие столпы – основатели Европейского союза, как Германия, Франция, Италия. Почему? Потому что там вовремя не были проведены важные реформы – между прочим, те самые, что в рамках подготовки к вступлению в ЕС были осуществлены в большинстве постсоциалистических стран: в Германии – реформа рынка труда, во Франции и Италии – реформа социальной сферы. Иная ситуация в Великобритании, Дании, Финляндии – странах, которые в силу разных причин были вынуждены в свое время пойти на болезненные преобразования.

Европу беспокоит ее отставание от Соединенных Штатов. Чтобы сократить его, необходимо последовательно реализовывать принятые ранее решения.

Во-первых, завершить строительство единого рынка, что на практике означает расширение свободного рынка услуг. На сектор услуг приходится более 70 % общеевропейского ВВП, но именно он раздроблен национальными барьерами, попытки же устранить их наталкиваются на противодействие отраслевых лобби в разных странах. А не преодолев протекционистских устремлений, единый рынок не построить.

Во-вторых, поддерживать фискальную дисциплину, то есть строгое выполнение условий Пакта стабильности и роста, против которого высказываются сегодня некоторые крупнейшие страны – члены Евросоюза. Их позиция идет вразрез с теми принципами, соблюдения которых вполне справедливо требовали от государств, вступавших в ЕС.

В-третьих, ограничить субсидирование предприятий из общественных фондов. Чем дальше будет продвигаться процесс преобразований Европейского союза и его отдельных стран-членов в направлении свободного рынка, тем выше шанс догнать Соединенные Штаты.

Я убежден, что в XXI веке успех всегда будет сопутствовать тем, кто сможет реформироваться быстрее и глубже других.

Одна из популярных тем для дискуссий — возможны ли эффективные экономические реформы в условиях авторитарной политической системы? Исследования не дают однозначного ответа, который говорил бы о наличии прямой связи между типом политической системы и темпами развития. Однако надежнее всего — исследовать данный вопрос, обратившись к данным статистики. Страны, успешно осуществившие реформы в условиях диктатуры, можно пересчитать по пальцам: Южная Корея, Тайвань, Чили, возможно, еще две-три. Но это явные исключения, потому что подавляющее большинство диктатур — десятки недемократических режимов в Азии, Африке, Латинской Америке — приводили свои народы к экономическим кризисам, если не катастрофам.

Говорят, что недемократическая власть «твердой руки» — гарантия осуществления реформ в переходный период, а по его завершении, мол, можно провести постепенную демократизацию такого режима. Однако политическая несвобода почти всегда влечет за собой несвободу экономическую, а чрезмерная концентрация власти, не ответственной перед населением, неизбежно наносит урон правовой системе. Сегодня мы сталкиваемся с феноменом лидеров, приходящих к власти формально демократическим путем (как Уго Чавес в Венесуэле или Александр Лукашенко в Белоруссии), но считающих возможным попираť законы. Изъяны же в функционировании правовой системы подрывают незыблемость прав собственности — фундамент любых преобразований.

В процессе реформ должна быть поставлена цель создания правового государства, которое стоит на страже индивидуальной свободы, в том числе экономической, а значит, частной собственности. Страна, в которой собственники не будут уверены в своих правах, никогда не сможет достигнуть нормального развития.

Рыночная экономика, а не общество

Антониу Гутерриш

Для меня очевидно: Михаил Горбачёв — центральная фигура конца XX столетия. Он войдет в историю как политик, изменивший не только свою страну, но и все человечество, оказавший влияние на весь ход мирового развития. При этом отнюдь не удивительно, что в самой России деятельность последнего генерального секретаря ЦК КПСС многие оценивают критически: перемены такого масштаба не бывают безболезненными, и оценить их объективно можно только на расстоянии — географическом или временном.

Горбачёва часто упрекают за отсутствие у него продуманной и четкой стратегии, что, мол, и привело к распаду СССР. Однако Советский Союз был страной не просто гигантской, а еще и невероятно многообразной в этническом, социальном, культурном плане. Не надо иллюзий: упорядоченно править таким государством и тем более осуществлять глубокие социально-экономические и политические преобразования на основе стройного плана практически невозможно. И когда прежняя тоталитарная система полностью изжила себя, бурный процесс был неизбежен.

Для сравнения возьмем, к примеру, Португалию. Это небольшая и однородная страна, границы которой, по сути, не менялись с 1293 года и в которой всегда, в отличие от Советского Союза, функционировала рыночная экономика. Но даже здесь переход от авторитарного режима к демократии после апрельской революции 1974-го был чрезвычайно трудным: мы пережили кризисы и потрясения, а стабильная демократическая система установилась только спустя почти целое десятилетие. Португальцам хорошо знакомы и те из российских проблем, которые связаны с распадом империи: деколонизация сопровождалась многолетними междоусобными войнами, нам пришлось принять сотни тысяч соотечественников, вынужденных покинуть Африку.

Антониу Гутерриш — председатель Социалистического интернационала (объединяет по всему миру свыше 150 партий и организаций социалистического и социал-демократического толка), премьер-министр Португалии в 1995–2002 годах.

Признание того факта, что перемены никогда не бывают легкими, не означает, будто все, что происходило в России за последние два десятилетия, было неизбежным и приемлемым. Думаю, все мы до сих пор расплачиваемся за отсутствие солидарности с российским народом, за отсутствие понимания и мудрой поддержки извне в период переходного процесса. Эйфория, связанная с быстрым и мирным распадом советского блока в конце 1980-х годов, породила ложное представление о том, что труднейшие проблемы трансформации можно решить очень быстро, словно по мановению волшебной палочки.

Такой подход я могу назвать либо чересчур наивным, либо крайне циничным. В качестве панацеи предлагалась идеология неолиберализма, наиболее радикальные приверженцы которой задавали тогда тон в мировой экономической науке. По сути, вместо того чтобы учесть особенности экономической структуры переходных стран, использовать потенциал каждой из них, Запад навязывал им якобы универсальную либеральную модель, да еще в такой экстремальной форме, которой ни в одном из самих западных государств просто быть не может. Но как могли подобного рода рецепты быть действительными, например, в России, где большевики искоренили все традиции свободного предпринимательства?

Ключевой проблемой политики Запада было нежелание признать специфический характер происходящих процессов, сомнительное убеждение в том, что эта огромная страна за несколько месяцев или лет сможет пройти путь, на который западные страны и общества потратили более столетия. Цену, заплаченную за столь резкую трансформацию, многие не без оснований считают непомерной. Более того, целый ряд проблем и неблагоприятных тенденций, наблюдаемых ныне в России, — прямое следствие того типа преобразований, что осуществлялись в 1990-е годы. Поэтому истинные результаты политики неолиберального фундаментализма нам, возможно, еще предстоит увидеть.

Социал-демократический подход помог бы сделать перемены более медленными и плавными, избежать значительного социального расслоения общества. Суть современной социалистической мысли можно выразить следующей формулой: рыночной должна быть экономика, а не общество. России же пытались навязать одновременные рыночные преобразования и того и другого. Если мы посмотрим, к примеру, на Скандинавские страны, где социал-демократические идеалы получили воплощение в наиболее полной форме, то бросается в глаза очень важная роль государства в обеспечении со-

Джордж Кеннан (1904–2005)
– американский дипломат и ученый



Русскому народу понадобится любая поддержка, откуда бы она ни исходила. Со своей стороны мы могли бы время от времени оказывать экономическую помощь, однако она имеет лишь второстепенное значение. Самое серьезное содействие, которое в наших силах оказать, может быть двух видов – это понимание и пример.

<...> Но нам следует задаться вопросом: какого рода пример может подать России страна, сама неспособная решить проблему наркотиков, преступности, обветшания старой части городов, снижения уровня образования, разрушения материальной базы и деградации окружающей среды? Понимание же подразумевает признание того факта, что русский народ переживает <...> тяжелые и смутные времена. Он как раз находится на пути к выздоровлению после всех душераздирающих перипетий и неудач, которые ему пришлось пережить в этот жестокий и бесчеловечный век. С точки зрения истории русский народ полностью еще не обрел себя. Нам следует принять это во внимание. Мы тоже переживали трудные моменты. Конечно, следует остерегаться нашего чисто американского пристрастия идеализировать те страны и народы, которые постигла какая-то неудача, но нет причины, почему сочувственное и понимающее отношение Америки к России на данном историческом перекрестке не должно включать разумную долю сострадания.

<...> Несмотря на темные стороны развития, русский народ сумел проявить свое историческое величие: это народ многочисленных талантов, способный внести значительный вклад – духовный, интеллектуальный и эстетический – в развитие мировой цивилизации. В прошлом он неоднократно выступал с цивилизационной миссией и обладает достаточным потенциалом, чтобы и впредь – в более светлой перспективе – вносить столь же достойный вклад. Уважать и лелеять этот свой потенциал – в первую очередь забота и обязанность самого русского народа. Но в определенном смысле это и наша обязанность. Поэтому мы должны взять на себя ответственность и сделать это осмысленно, подойдя к решению данной задачи настолько творчески, насколько мы способны.

Из статьи «Коммунизм в истории России», опубликованной в журнале Foreign Affairs, зима 1990/1991 годов

циальной солидарности и сплочения нации. Однако же иностранные советники не рекомендовали Кремлю следовать этим путем.

Часто приходится слышать, будто конец советского коммунизма стал-де историческим поражением левой – социалистической, социал-демократической – идеи. На мой взгляд, крах СССР доказал как раз обратное – что социалистическая и социал-демократическая мысль победила в жесткой идеологической конфронтации с коммунистическими партиями 3-го Интернационала. Жизнь показала правоту меньшевиков в споре с большевиками.

Из пяти стран, лидирующих в начале XXI века в мировом рейтинге конкурентоспособности, три расположены в Северной Европе. Уровень жизни среднего гражданина Швеции намного выше по сравнению с уровнем жизни среднего гражданина США. Это означает, что социалистическая модель в своей социал-демократической версии способна быть успешной не только в плане социальной солидарности, но и в деле построения в высшей степени эффективной рыночной экономики. Но нельзя путать социализм с огосударствлением экономики.

Что действительно доказало свою полную историческую несостоятельность, так это государственная и общественная система, которую пытался построить Владимир Ленин. Переход от марксизма к ленинизму сделал невозможным осуществление настоящего коммунистического проекта, который включал бы в себя присущие нашей цивилизации ценности гуманизма; в них, кстати, россияне внесли неоценимый вклад. Ленин был прежде всего политиком, и он, навязав стране диктатуру пролетариата, обрек на провал не только свой политический проект, но и собственное понимание социализма.

К слову, даже бывший лидер португальских коммунистов Алваро Куньял, до сих пор защищающий ленинское наследие, признал несколько лет назад: советские руководители ошибались, полагая, что можно изменить природу человека. Попытки преобразовать общество тоталитарными методами всегда оканчиваются плачевно, несут разрушительные последствия, какие бы высокие идеалы при этом ни провозглашались.

Конечно, идеи социал-демократии развиваются и претерпевают изменения в современном мире, и одно из самых заметных проявлений этого — теория «третьего пути» британского социолога Энтони Гидденса, наиболее значительного из современных идеологов социал-демократии. Его философия направлена на то, чтобы заострить внимание на целом ряде ценностей, связанных с инициативой личности, с необходимостью осуществления подлинной модернизации экономики. Это никоим образом не противоречит социал-демократическим идеалам.

Тем не менее часто можно слышать, что различия между идеологиями якобы стираются, а современные левые лидеры, такие, как Тони Блэр в Великобритании или Герхард Шрёдер в Германии, остаются таковыми лишь номинально. Но у меня нет никакого сомнения в том, что проводимые Блэром и Шрёдером реформы не выходят за социал-демократические рамки. Да, некоторые лозунги, особенно будучи выдернуты из общего контекста, звучат не вполне привычно. Но если внимательно проанализировать социальную и

экономическую политику, проводимую в последние годы в Великобритании, на родине «третьего пути», то мы увидим огромный прогресс в области занятости, в развитии образования, в сфере борьбы с бедностью и социальным расслоением. Методами государственного регулирования экономики стимулируются темпы роста, создание новых рабочих мест, поднимается уровень консолидации общества.

Очевидно, что модернизация проводится в Великобритании иначе по сравнению с большинством других стран на европейском континенте, что отражает ее многочисленные национальные особенности. Англосаксонские общества вообще существенно отличаются от континентальных, равно как государства юга Европы вовсе не похожи на страны севера. Поэтому одни и те же принципы и ценности на практике могут воплощаться в разных формах.

Вообще, умение проявить гибкость и стремление к переменам, готовность к обновлению, открытость — эти качества являются залогом развития любой общественной модели. Коммунистическая система советского типа проявила свою полную неспособность реагировать на вызовы времени, что и привело ее к краху. В молодости я горячо приветствовал Пражскую весну Александра Дубчека, видя в ней шанс на мирную трансформацию тоталитарных режимов Восточной Европы. Ростки реформ были жестоко погублены по приказу из Кремля. Будь советские вожди чуть более терпимыми, возможно, и судьба самого СССР сложилась бы иначе, а Россия быстрее и с куда меньшими потерями пришла бы к демократии.

Главная задача Социалистического интернационала — всемерно содействовать мирной и плавной трансформации государств и обществ в направлении справедливости и демократии. Но демократию невозможно навязать извне, насадить силой и военными действиями, тем более в одностороннем порядке и в обход международного права.

Россия, переживающая глубокие метаморфозы, ищет свое новое место в мире. Это нелегко — ведь многие страны сталкивались с проблемой утраты привычного влияния, поиска постимперской, посттоталитарной идентичности. Если мы обратимся к истории России, то становится очевидно, что ее место — на европейской политической сцене. В коммунистическую эпоху СССР, вступив в противостояние с Соединенными Штатами, в определенной мере утратил свое место в Европе, неотъемлемой частью которой всегда была Россия, утратил влияние на собственно европейскую политику. Расширение Европейского союза можно назвать его новыми объятиями с Россией, страной, без сомнения, европейской.

Как увядали сто цветов

Александр Ломанов

Минорный тон российских размышлений о неоднозначных уроках начавшейся два десятилетия назад перестройки заметно контрастирует с официальным оптимизмом, окружавшим празднование в КНР в 2003 году 25-летия политики «реформ и открытости». Есть все основания полагать, что ее 30-летний юбилей в конце 2008-го также будет отмечен многочисленными выражениями благодарности «архитектору реформ» Дэн Сяопину и его политическим наследникам.

Реформирующаяся постбрежневская сверхдержава заведомо не могла повторить путь преобразований, избранный бедным и отсталым постмаоистским Китаем. Однако за годы реформ элитам обеих стран пришлось похожим образом продвигаться от замкнутости и сталинского догматизма к жизни в условиях глобализации и транснациональной конкуренции. Сравнение интеллектуально-дискурсивной трансформации в Китае и России показывает, что у нас по-прежнему немало общего. И с течением времени эти сходства не только не исчезают, но и становятся все более заметными.

НАЧАЛО ПУТИ

– ПРАКТИКА ПРОТИВ «АБСОЛЮТОВ»

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 году будущий отец реформ Дэн Сяопин шел к власти путем интриг и закулисных договоренностей. В отличие от Михаила Горбачёва, спокойно заполучившего власть из рук советских партийных старцев, Дэн был вынужден отчаянно бороться за возвращение к рулю управления. За полгода до смерти

А.В. Ломанов — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике».

«великого кормчего» его сняли со всех постов и «навечно» исключили из Коммунистической партии Китая за приверженность «капиталистическому пути». Дэн, пользовавшийся огромным влиянием в армии и среди старой партийной бюрократии, формально ничего из себя не представлял. Страной правил официальный наследник Мао — Хуа Гофэн, который понимал необходимость перемен, но не отваживался на решительные действия из страха утратить легитимность статуса преемника «великого кормчего».

Глядя на попытки Хуа Гофэна укрепить свою власть безмерным восхвалением покойного вождя, Дэн Сяопин сосредоточил усилия на разрушении мифа о непогрешимости Мао Цзэдуна. Авторитетный российский синолог Лев Делюсин справедливо отмечает, что свой первый шаг на пути реформ Китай сделал в идеологической, а не экономической сфере. Переломной стала начатая союзниками Дэна борьба с призывом «Абсолютно все решения председателя Мао мы будем решительно защищать, абсолютно все указания председателя Мао мы будем беспрекословно соблюдать». Лозунг «двух абсолютов», утверждавший незыблемость власти Хуа Гофэна, опубликовали в феврале 1977-го несколько партийных официозов. В ответ сторонники Дэна выступили в центральных газетах со статьями о том, что единственным критерием истины является практика.

Этот схоластический спор из области диалектико-материалистической теории познания обрел острейший политический подтекст. Используя цитаты из работ Мао Цзэдуна, сторонники реформ предлагали «искать истину среди фактов» и снять запреты на научные исследования. Никаких «абсолютов», настаивали они, быть не может, в том числе и в области кадровых решений. Дэн Сяопин призывал людей «раскрепостить сознание», не бояться говорить и думать, предостерегал партийную бюрократию от пустых придирок и навешивания ярлыков.

«Раскрепощение сознания» открыло путь для следующей перемены: Дэн вернул себе власть и заставил партийные кадры забыть о главном завете Мао — приоритете классово-борьбы. На партийном пленуме в декабре 1978 года Дэн призвал партию заняться модернизацией страны и экономическим строительством. Рыночного реформирования Китая еще никто не замыслил, но именно с того момента официальная историография ведет отчет пути китайских преобразований.

Цель превращения КНР в сильное и могущественное государство постепенно облекалась в набор понятных лозунгов. Дэн Сяопин уверял, что капитализм Китаю не нужен, но учиться у капиталистов следует обязательно. Страна, мол, нуждается в рынке, но бояться его не надо, поскольку рынок является всего лишь инструментом, который не относится к исключительно социализму или капитализму.

Тогдашняя бюрократическая элита позволила Дэну быстро похоронить сталинизм. Если советская перестройка увлекла эрзац «среднего класса» возможностью реализовать свой якобы недооцененный потенциал, то китайская элита стремилась прежде всего к стабильности и соглашалась на любые правила игры, лишь бы те не создавали ей прямой угрозы. Бюрократия оказалась измотана и деморализована десятилетием «культурной революции» (1966–1976), когда по воле Мао был институционализирован перманентный «народный бунт» против аппарата. После унижения «перевоспитанием» интеллигенция с трудом возвращалась к привычной жизни, не претендуя в первые годы реформ на роль общенационального властителя дум. Все хотели устойчивости и пусть незначительного, но улучшения материального благосостояния.

Поначалу реформам способствовала и сублимированная инерция энтузиазма «культурной революции». Людям все еще казалось, что под мудрым руководством партии достижимы любые цели. Стоит только исправить ошибки «субъективизма», «догматизма» и «формализма» и начать все делать по науке, как борьба за модернизацию и развитие производительных сил обязательно увенчается успехом. Власть сумела использовать традиционные рычаги мобилизации, чтобы поднять народ на демонтаж прежней системы.

Не менее важным фактором, определившим траекторию реформ Дэн Сяопина, стало осознание китайской элитой своей отсталости и геополитического одиночества. Для стран Центральной и Восточной Европы крах социализма был вождеденной путевкой в «цивилизованный мир» западных соседей. Ради этого стоило поторопиться с разрушением системы и смириться с сопутствующими издержками. Та же призрачная мечта вдохновляла и советскую перестроечную элиту. Осмысляя дилеммы того времени, научный сотрудник Комитета по реформе экономической системы при Госсовете КНР Ван Сяоцян заметил: «К несчастью или к настоящей радости, не существовало “Европы”, в которую мог бы вернуться Китай. Начиная с 1978 года Китай испытывал огромное влияние Запада во всех об-

ластях, но в реальном процессе выработки политики реформ так и не была сформирована ясная целевая модель. Перспектива “движения через реку, нащупывая камни” была смутной. Поэтому никто не знал, где находится другой берег реки» (Сянган шэхуй кэсюэ сюэбао. Июль 1995. С. 108).

Китаю податься было некуда. Попытка Дэна выстроить в конце 1970-х годов антисоветский альянс с США помогла ему заполучить Запад в качестве сторонника китайских реформ, однако о реальном союзе с Америкой не могло быть и речи. На роль стратегического партнера-покровителя, способного взять на себя ответственность за модернизацию Китая, не могли претендовать ни традиционные недруги в Токио, ни, тем более, недобитые противники по гражданской войне, окопавшиеся в Тайбэе. В январе 1981-го Дэн Сяопин заявил высокопоставленным гостям из США: «Прервись сейчас все международные связи, мы тоже проживем. Китай выживет, даже если в мире возникнут крупные неурядицы и непредсказуемые перемены. Тот вывод, будто Китай в ком-то нуждается, приведет к разработке ошибочных решений» (*Дэн Сяопин. Избранное. Т. 2. Пекин, 1995. С. 467*).

Гипотетически Пекин мог избрать путь покаяния перед «старшим братом» и восстановления альянса с Москвой, разрушенного конфронтацией 1960–1970-х годов. В феврале 1981-го генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев с трибуны XXVI съезда партии признал: во внутренней политике Китая «происходят сейчас изменения», и «истинный смысл их еще покажет время». При этом советский лидер предостерег КНР от сближения с Западом, которое, «конечно, не вернет Китай на здоровый путь развития. Империалисты друзьями социализма не будут».

Однако Дэн Сяопин относился к СССР с большой неприязнью. В начале 80-х годов прошлого века Пекин резко критиковал действия Москвы в Афганистане, что не создавало предпосылок для обращения за помощью к бывшим союзникам. Советские эксперты наблюдали за шагами Дэна с большой опаской, полагая, что тот пытается вернуться к изначальной «правой» сущности маоизма, ранее скрытой за левацкой фразеологией. Звучали предположения, что Дэн Сяопин сознательно подыгрывает империалистам, решившим добиться «конвергенции» с китайской экономикой, дабы лишить последнюю первоизданной социалистической сущности. Благодаря усилиям Дэна «капиталистический феникс» и вправду

возродился, что с точки зрения советской ортодоксальной идеологии первой половины 1980-х было абсолютно недопустимо для государства-союзника.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПЕРВОЕ:

РАСЦВЕТ «БУРЖУАЗНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА»

На историческом пленуме ЦК КПК в декабре 1978 года Дэн Сяопин весьма благодушно и оптимистично отзывался о перспективах китайской демократии: «Надо давать народу высказывать свое мнение. Нет ничего страшного в том, если даже отдельные люди, недовольные существующим положением, попытаются воспользоваться демократией для учинения кое-каких беспорядков» (Дэн Сяопин. Избранное. Т. 2. Пекин, 1995. С. 187). Однако уже в марте 1979-го он выступил с резкой отповедью в адрес критиков его курса, указав на необходимость неукоснительно соблюдать «четыре основных принципа»: приверженность социалистическому пути, диктатура пролетариата, руководство компартии, верность марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна. Введенный тогда ограничитель для «раскрепощения сознания» действует и поныне. На XVI съезде КПК в 2002 году подчеркивалось: «Четыре основных принципа — фундамент, на котором стоит наше государство».

Столь решительное возвращение к инструментам тоталитарного контроля над общественными дискуссиями было не в последнюю очередь обусловлено деятельностью вокруг «стены демократии» на пекинской улице Сидань. В 1978–1979 годах на этой стене простые люди развешивали рукописные «стенгазеты больших иероглифов» (дацзыбао), в которых высказывались на волновавшие их темы. Дэн Сяопин покровительствовал народным протестам, пока они способствовали ослаблению позиций непримиримых маоистов и укреплению позиций реформаторов. Впоследствии, в 1989 году, он отдал приказ о применении силы против «плохих» демонстрантов на площади Тяньаньмэнь. Но в 1978-м Дэн не жалел сил, чтобы убедить партийную верхушку позитивно оценить двухмиллионную народную манифестацию, состоявшуюся в апреле 1976 года на той же площади под лозунгами критики «банды четырех».

Сторонники Дэна искренне надеялись, что народная критика поможет реформаторам в борьбе с оппонентами. Однако спустя недолгое время «стена демократии» ополчилась против системы в целом. Столь быструю перемену трудно понять, оценивая ее мерками

брежневского СССР, где трудящиеся традиционно изливали свое недовольство в таком камерном жанре, как письма в газеты, обкомы и райсоветы. Но в эпоху китайской «культурной революции» использование стенгазет-дацзыбао для публичного давления на бюрократию было обычным делом. Привычный текст с обличением какого-нибудь местного чиновника, «заразившегося разложением и ревизионизмом», легко трансформировался в руках неприкаянных бунтарей в манифесты против власти в целом. В декабре 1978-го на сиданьской стене появилось знаменитое дацзыбао будущего карьерного диссидента и лагерного сидельца Вэй Цзиншэна, призвавшего дополнить официальные четыре модернизации (промышленность, сельское хозяйство, оборона, наука и техника) пятой – политической демократизацией.

Дэн Сяопин понял, что недооценил протестный потенциал общества. В марте 1979 года он возмущался тем, что китайские оппозиционеры не только толкают людей на забастовки и демонстрации, но и пытаются привлечь на свою сторону иностранцев. Дэн раскритиковал «Китайский кружок в защиту прав человека» за обращение к президенту США с просьбой «позаботиться» о правах человека в КНР. Он обрушился на общество «Оттепель», которое открыто обвинило диктатуру пролетариата в расколе человечества. Досталось и шанхайскому «Демократическому семинару», провозгласившему, что «диктатура пролетариата – корень всех зол», и предлагавшему «решительно и окончательно раскритиковать КПК».

В начале 1980-х годов в китайский политический лексикон вошел официальный призыв к борьбе с «буржуазной либерализацией». Лозунги критиков власти тех времен – это причудливая смесь романтизма советской «оттепели» второй половины 1950-х и начала 1960-х с радикализмом поздних лет горбачёвской перестройки: «свобода», «права человека», «демократия», «компартия не способна править», «исправить марксизм», «отбросить идеи Мао Цзэдуна», «ликвидировать все проявления диктатуры», «решить главное противоречие между народом и привилегированным бюрократическим классом». Раздосадованный Дэн Сяопин распорядился больше не давать «контрреволюционным элементам» свободу слова и собраний.

В октябре 1983 года Дэн начал борьбу с «духовным загрязнением» на идейном фронте. Объектом кампании стали представители творческих профессий, поддавшиеся на «нездоровые идеи буржуазии и прочих эксплуататорских классов», сеющие в душах людей

неверие в социализм, дело коммунизма и руководство компартии. Недовольство «архитектора реформ» вызвали абсолютно невинные с позиции сегодняшнего дня темы: человеческие ценности, гуманизм и отчуждение. Дэн Сяопин возмущился тем, что «теоретические работники» перестали критиковать капитализм и вообразили, будто существует какой-то «абстрактный гуманизм», а отчуждение человека возможно и при социализме.

В 1984–1985 годах реформаторы Чжао Цзыян и Ху Яобан, надевленные властью по воле Дэна, начали поход против перегибов на ниве борьбы с «духовным загрязнением». В 1986-м генсек Ху Яобан не захотел вписывать в партийное постановление тезис о борьбе с «буржуазной либерализацией», в связи с чем оказался под огнем критики со стороны Дэн Сяопина. «Архитектор реформ» заявил, что эта борьба будет продолжаться до тех пор, пока не завершится модернизация страны, – как минимум, 10–20, а то и все 50 лет. Конец 1986 года ознаменовался демонстрациями студентов во многих городах страны, после чего Ху Яобана сняли с поста, интеллектуальные лидеры либерального движения Ван Жован, Лю Биньянь и Фан Личжи вылетели из партии, а бунтующие студенты временно успокоились. Однако новый генсек Чжао Цзыян также не горел желанием бороться с инакомыслием. Споры о будущем социализма в Китае и борьба за демократию и права человека разгорелись с новой силой.

Ученый-астрофизик Фан Личжи, «китайский Сахаров», верил, что новые идеи должны рождаться в стенах университетов и главной силой борьбы за демократию призвано стать студенчество. Упрекая власти в пренебрежении к интеллигенции, перебивавшейся в 1980-е на нищенские зарплаты, Фан звал образованную элиту сплотиться в организованную и независимую от бюрократии силу, имеющую право голоса в вопросах развития общества. Иллюзии «буржуазного либерала» Фан Личжи напоминают настроения времен советской перестройки: он увлекался «настоящим» шведским социализмом и агитировал молодежь активнее вступать в компартию, чтобы «изнутри изменить ее черный облик».

Бунтарский дух, царивший в Китае 1980-х годов, особенно явно проявился в призывах Фана открыть страну западным влияниям с целью преодолеть отсталость. «Необходима всесторонняя открытость или полная вестернизация. Всесторонняя – это значит позволяющая передовой культуре со всех сторон нанести удар по Китаю, без всяких исключений. Удары могут быть со стороны экономики,

знаний, политической системы, идеологии, морально-этических критериев. Только не надо заранее говорить, что нечто обязательно хорошо, что ты придерживаешься четырех принципов (имеются в виду официальные «четыре основных принципа». — **Ред.**), придерживаешься того или этого. Я считаю, что в этом нет необходимости. Если другие не смогут опрокинуть твои убеждения, то ты, естественно, будешь их придерживаться», — заявил Фан Личжи на собрании аспирантов и молодых преподавателей (ноябрь 1986 г.).

Идеи полной открытости внешнему миру все больше завоевывали китайскую интеллигенцию. В июне 1988-го — за год до трагедии на площади Тяньаньмэнь — китайское центральное телевидение показало знаковый документально-публицистический фильм «Смерть реки» («*Хэшан*»), в котором доказывалась необходимость перестройки китайской культуры. Создатели ленты утверждали, что свободу, демократию и равенство трудно приспособить к азиатскому феодальному наследию. Выход один: еще активнее развивать науку и демократию, и лишь тогда желтая река Хуанхэ вольется в синий океан западной цивилизации. Радикальная и явно преждевременная констатация смерти традиционной китайской цивилизации была встречена волной официальной критики. Однако уже после падения Чжао Цзыяна появились «компрометирующие» сведения о том, что генсеку фильм очень понравился и он распорядился растиражировать его в полутысяче копий.

Восьмидесятые годы начались с раскола китайской интеллигенции на два лагеря: в одном — марксисты-маоисты традиционного толка, в другом — «новая просветительская интеллигенция», искавшая пути к свободе и демократии. «Новые просветители» быстро оттеснили консерваторов на обочину, завладев умами большей части интеллигенции. К середине 1980-х возобладали идеи сближения с мировой цивилизацией, помноженные на стремление окончательно отмежеваться от устаревшей социалистической системы. Духовными примерами для «новых просветителей» стали общественные деятели «просвещения» начала XX века, критиковавшие традиционные конфуцианские ценности и уже в то время пытавшиеся ознакомить китайцев с западным либерализмом.

Развернутая «новыми просветителями» дискуссия о китайской культуре была направлена на критику не только традиционного феодализма и деспотизма, но и маоистского социализма. Власти осаживали отдельных «зарвавшихся» либералов, но не препятствовали дви-

жению «нового просвещения» в целом, видя в нем союзника в работе по демонтажу отжившей социально-экономической структуры. Несмотря на широкое привлечение западных идейно-теоретических источников, «новые просветители» 1980-х годов оставались наследниками «культурной революции» — ее бунтарского духа и идеализма. События 1989-го покончили с интеллектуальным владычеством прозападных либералов, расчистив поле для новых игроков.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ВТОРОЕ: РЕНЕССАНС АВТОРИТАРИЗМА

Протестное движение в Пекине весной 1989 года явилось акцией советско-перестроечного типа, напоминавшей действия «народных фронтов» против слабеющего режима Михаила Горбачёва. Под лозунгами «демократии» и «борьбы с коррупцией» собрались разношерстные силы, объединенные антипатией к властям. Демонстранты полагали, что власти со всей строгостью борются за незыблемость идеологических принципов, но мало что делают против коррупции и потому народу надо брать борьбу с разложением в свои руки, используя для этого возможности, предоставляемые демократией.

Недовольство ростом цен и чиновным лихоимством вывело на улицы простой народ. Набор лозунгов расширялся и становился все более радикальным: политические реформы должны догнать экономические, поднять зарплату научной интеллигенции, ввести свободу слова и печати, дать народу право контроля над властью, обеспечить социальную справедливость, ускорить приватизацию неэффективной госсобственности. Незадолго до трагической развязки демократические вожди заявили: «диктатор-маразматик» Дэн Сяопин должен уйти.

Требовавшие демократии народные вожаки с площади Тяньаньмэнь повели себя не только недемократично, но и вызывающе не по-китайски, унижая оппонентов, отказываясь от закулисного торга и умышленно провоцируя конфронтацию. Однако избранный ими путь борьбы за власть оказался провальным: последствием стали не только кровь защитников пекинских баррикад и штурмовавших их солдат, но и разрушение баланса сил между либералами и консерваторами в верхних эшелонах власти.

Отставка Чжао Цзяяна знаменовала поворот Китая к консерватизму. В отличие от СССР, где генсек ЦК КПСС являлся фигурой номер один, идейно нестойкие китайские партийные лидеры Ху Яо-

бан и Чжао Цзяян оказались на поверку техническими работниками. Их легко и легитимно убрали со сцены по воле возвышавшегося над схваткой Дэн Сяопина. Можно лишь гадать о том, что произошло бы, решишь Чжао Цзяян сыграть ва-банк, порвать с партийной верхушкой и провозгласить себя лидером народной «бамбуковой революции». Еще труднее понять, к чему этот шаг привел бы китайские реформы — к процветающей демократии или развалу советско-перестроечного типа.

Самый весомый результат событий 1989 года — это разочарование интеллигенции в студенческом движении, которое своим радикализмом отвратило Китай от вожделенной демократии. Элита пережила политическую «шоковую терапию», после чего консолидировалась на основе простых выводов: демонстрации и хаос не оставляют стране шансов на экономический рост, поэтому от партийной диктатуры не следует отказываться, а опыты с заимствованием западной демократии надо прекратить.

В 1990-е в китайских интеллектуальных дискуссиях обозначились новые тенденции, ставшие отрицанием господствовавших умонастроений 1980-х. Акценты сместились на позитивное осмысление национальной специфики, отказ от ускоренного перехода к демократии, все более критичное отношение к идее универсальности западной цивилизации. Такой поворот предвосхитили идеологи из окружения Чжао Цзяяна, пропагандировавшие еще в 1986—1989 годах (то есть до событий на Тяньаньмэнь) идеологию «нового авторитаризма». Они хотели проложить средний путь между демократическим радикализмом и идеей преемственности китайских реформ, подчеркивая важность прочной власти при проведении перемен. «Неоавторитаристы» полагали, что демократизации должна предшествовать либерализация экономики в рамках централизованной и монопольной политической власти. Они полностью отказались как от коммунистической, так и от демократической идеологии.

«Неоавторитаристы» заявили, что переходной экономике соответствует переходная «полутоталитарная» власть, а разделение властей произойдет лишь в условиях зрелой товарной экономики. От тоталитаризма и плана надо уходить на полной скорости в самом начале перестройки, но вот на втором этапе следует не форсировать трансформацию, а терпеливо дожидаться, когда власть постепенно отстранится от экономики. Ощущая назревающий в стране беспорядок, идеолог «неоавторитаризма» У Цзясян предупреждал: «Без сво-

боды личности и при неразвитом рынке плюрализация общества приведет лишь к хаосу, к попыткам несвободных людей найти “покровителей”, к проведению политики гангстерскими кланами. Тут появились статьи с вопросом: “Нужен ли Китаю император?” В ответ я хочу спросить: “А сколько императоров нужно вам?”».

Эти идеи, в том числе предложение «неоавторитариста» Чжан Бинцзю строить обновленный режим не на правлении кучки вождей, а на власти всей политической элиты с подключением элиты интеллектуальной, реализовались в китайской официальной политике в 1990-е годы. Мечта о просвещенной диктатуре, ведущей страну к процветанию и демократии, побудила китайскую верхушку сделать ставку на формирование среднего класса и сосредоточить усилия на либерализации экономики, введении свободы в сферах конкуренции, накопления капитала, торговли, менеджмента и собственности. Поправка о защите законной частной собственности, возможность появления которой китайские леваки в 1980–1990-е преподносили как символический акт прощания с социализмом, была внесена в Конституцию КНР в 2004 году. Чтобы избежать подрыва экономических процессов вследствие социальной нестабильности, власть выбрала путь жесткого подавления любой оппозиции.

Китайская интеллигенция осознавала, что далеко не всякий авторитарный режим способен гарантировать процветание и развитие. В этом убеждал и пример гоминьдановского лидера Чан Кайши, правившего страной до прихода к власти коммунистов: он также пытался двигаться к демократии осмотрительно и постепенно, но это не сделало его режим эффективным. (Справедливости ради надо заметить, что затяжная война с японскими агрессорами и коммунистическими армиями затрудняла ход гоминьдановской авторитарной модернизации в Китае 1930–1940-х. После войны этот проект был достаточно успешно реализован на Тайване.)

Остается открытым вопрос о том, какие механизмы способны защитить авторитарный режим компартии от ошибочных решений и политической стагнации. Китайские теоретики уповают на создание эффективных консультационных механизмов, помогающих власти получать объективные оценки своей политики. Идет речь и о том, чтобы китайская элита пользовалась более широкими демократическими правами, чем те, что предоставлены низшим социальным слоям, не затронутым современной цивилизацией.

Другим мощным магнитом для китайской интеллигенции в 1990-е годы стал национализм. В 1991-м группа идеологов, сгруппировавшихся вокруг редакции общенациональной молодежной газеты «Чжунго цинняньбао», провозгласила: важнейшим фактором превращения КПК в легитимную правящую партию может стать опора на традиционную культуру, благодаря чему давлению на режим со стороны Запада противостоял бы не только утративший популярность марксизм-маоизм, но и китайский национализм и патриотизм. К объективным причинам такой переориентации можно отнести недовольство победой Запада в холодной войне, а также подогретое внутренней пропагандой возмущение действиями западных стран, якобы навязавших России бесперспективную модель реформ в интересах сохранения своего глобального господства. Распад социалистической системы в СССР и государствах Восточной Европы вызвал критику радикализма, отождествлявшегося в КНР с «западной идеологией». Параллельно развернулась ревизия исторических оценок, поставившая китайских реформаторов прошлого выше радикалов и революционеров.

Обострение отношений Китая с Западом после событий 1989 года стимулировало ускоренное формирование идеологии укрепления безопасности государства и его мощи, расширения жизненного пространства в интересах получения доступа к иностранным рынкам и сырью. Сказался и рост самоуверенности, вызванный неуклонным экономическим подъемом Китая. Как и «неоавторитаристы», националисты отказались от коммунистической идеологии интернационализма, сосредоточившись на защите интересов нации. Космополитические и прозападные устремления либеральной мысли «новых просветителей» 1980-х оказались для националистов еще более чуждыми.

Консервативный поворот 1990-х годов подвел черту в споре китайского марксизма с либерализмом: поражение потерпели обе стороны. На месте «ста цветов» западных ценностей в Китае расцвел неоконсерватизм. Возродилось «новое конфуцианство», с корнем уничтоженное после прихода к власти коммунистов. Адепты этого течения пытались найти исконный национальный путь модернизации, опираясь на этические ценности конфуцианства. Они мечтали преодолеть кризис моральных ценностей в Китае и заодно спасти от краха «материалистическую» и «бездуховную» западную цивилизацию. Появилась даже идея создания гражданского общества конфуцианского типа, базирующегося не на свободе западного образца,

основанной на чуждых китайцам христианских ценностях, а на собственных высших универсальных нормах — гуманности и преданности, признании многообразия в единении, сочетании выгоды и подлинной справедливости.

Недоверие к Западу и восприятие его как опасного соперника и тайного недоброжелателя стимулировали в Китае стремление защитить и сохранить сложившуюся систему в качестве фактора национального усиления и конкурентного преимущества на глобальных рынках. В 1996-м лидер страны Цзян Цзэминь заявил, что успех «западных враждебных сил» в СССР и Восточной Европе побудил их активизировать в отношении Китая стратегию «вестернизации» и «раскола». Он указал на старания недругов ввести в Китае «западную многопартийность и парламентскую демократию», «капиталистическую систему частной собственности» и «буржуазную идеологию», а также на попытки «любыми способами и под любыми предлогами расколоть нашу партию, нашу нацию и наше государство, заставив нашу страну опять вернуться в состояние Старого Китая, расколотого на части и представляющего собой блюдо сыпучего песка» (*Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. Т. 1. М., 2002. С. 66–67*).

Эту позицию разделяет ныне значительная часть китайской элиты, что очень непохоже на умонастроения 1980-х, когда иностранная критика однопартийного режима и нарушений прав человека воспринималась интеллигенцией как поддержка ее борьбы за демократию. На смену благодушию либералов пришла бдительность националистов: отныне внешняя критика рассматривается как недружелюбное и своекорыстное вмешательство. С конца 1990-х годов в Китае идет напряженная контрпропагандистская война против двух видов иностранных «антикитайских измышлений»: имеются в виду «теория китайской угрозы», согласно которой рост военной мощи КНР подрывает безопасность соседних стран, а низкий курс национальной валюты, дешевизна экспортных товаров и растущий углеродный голод ведут к дестабилизации всего мирового хозяйства, а также «теория краха Китая». Приверженцы последней исходят из того, что накопившаяся критическая масса экономических, политических, экологических и социальных проблем неизбежно приведет КНР к полному коллапсу в обозримом будущем.

В среде китайских пропагандистов преобладают подозрения, что эти противоречащие друг другу концепции служат выполнению об-

шего заказа «враждебных сил» на дискредитацию Китая и подрыв его мощи. «Теория угрозы» якобы мобилизует зарубежную общественность на поддержку политики сдерживания КНР, тогда как «теория краха» призвана убедить иностранных инвесторов в иллюзорности и рискованности манящих перспектив китайского рынка.

Представляется, что на этом отрезке китайский путь реформ вновь пересекся с российским. Поднявшаяся в 2004 году в адрес Кремля волна ожесточенной западной критики в связи с «отступлениями Москвы от демократии» спровоцировала ответные заявления лидеров страны о том, что «не все хотят видеть Россию сильной и процветающей». Да и текущие публикации о России в средствах массовой информации Запада отражают сходство его подходов к нашей стране и Китаю. Москву осуждают за попытки влиять на происходящее в сопредельных странах и нежелание допустить Запад к жизненно важным для его развития углеводородным ресурсам («теория угрозы»); также предвещается неминуемый развал путинского режима в результате системного кризиса российского авторитаризма («теория краха»).

Российские и китайские националисты и неоконсерваторы изъясняются ныне на одном политическом языке, обвиняя Запад в попытках «расколоть» огромную страну, превратить ее в аморфную грудку песка, навсегда покончить с претензиями Москвы (или Пекина) на статус региональной сверхдержавы. Эта параллель не случайна, и связана она с развитием переходных процессов в обеих странах. В России мейнстримная элита разочаровалась в западных либеральных ценностях спустя примерно десятилетие после того, как то же самое произошло в Китае. Но ведь и глубокие реформы начались в нашей стране с тем же десятилетним опозданием. Теперь и у нас обнаружили, что не существует «Европы», куда России было бы позволено вернуться.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ТРЕТЬЕ: ЛЕВАЯ НОСТАЛЬГИЯ

В 1990–1992 годах Китай пережил заключительный ренессанс «старой левой» мысли, когда после разгрома демократического лагеря коммунистические консерваторы попытались истолковать июньскую трагедию 1989-го в духе классовой борьбы. Ортодоксальный марксизм предписывал искать корни политических событий в базисе, то есть в экономике КНР, которая «пошла по пути капитализма». По этой причине, заключили «старые левые», на сцену вышли

«средний класс» и предприниматели — чуждые элементы, ставшие опорой для «буржуазной либерализации». Чтобы беспорядки больше не повторялись, необходимо ограничить частную экономику (не давать бизнесменам кредитов, не разрешать им выкупать госпредприятия) и тем самым спасти устои социалистического уклада.

Призывы к «вытеснению» капитализма в ходе социалистического строительства наносили непоправимый ущерб экономическим преобразованиям. Желая спасти начатые им реформы, 88-летний пенсионер Дэн Сяопин отправился в январе — феврале 1992 года на экономически развитой юг страны с инспекционной поездкой. Там он заявил, что главная опасность делу социализма исходит от левых, утверждающих, будто «реформы и открытость приносят капитализм», а «угроза со стороны мирной эволюции исходит из сферы экономики». Дэн предложил оценивать реформы не с помощью идеологических критериев, а технократическими «тремя полезностями»: хорошо, мол, все, что полезно для развития производительных сил, усиления комплексной национальной мощи и повышения уровня жизни народа. Из речей патриарха следовало, что социализм — это не плановая система и даже не общественная собственность, а рост могущества страны под монопольным руководством компартии. Ожидаемый Дэном эффект был достигнут: пропагандистский аппарат переориентировали с «противодействия правым» на «защиту от левых», борьбу с «мирной эволюцией» заменили пропагандой экономического строительства.

Не имея ни сил, ни желания ввязываться в спор со «старыми левыми», Дэн Сяопин заявил: «Не вести дискуссий — это мое изобретение... Начнешь спорить — и все осложняется, время утрачивается, ничего не удастся завершить» (Дэн Сяопин. Избранное. Т. 3. Пекин, 1993. С. 374). «Архитектор реформ» успешно отразил натиск консервативных сил, но его указание «не спорить» имело двоякие последствия. Левые утратили шанс обосновать свою идеологическую правоту в открытом споре, что защитило рыночные реформы от наскоков приверженцев ортодоксального социализма. Однако идеология рыночного неолиберализма заняла господствующее место в официальном дискурсе без серьезных обсуждений и дискуссий. Образовался замкнутый круг: авторитарная власть смогла вести экономические реформы без учета требований социальной справедливости, при этом нарастание напряженности в обществе компенсировалось усилением властного контроля. Это обеспечивало устойчивость кур-

са реформ, но в социальных низах продолжало копиться недовольство, загоняемое вглубь жесткой политикой властей.

В конце 1990-х в КНР стало заметным противостояние между сторонниками свободной рыночной модели развития экономики («неолибералы») и «новыми левыми», критически настроенными против этой модели и пытавшимися предложить позитивное прочтение истории социалистических экспериментов Мао Цзэдуна. Этот новый водораздел в среде китайской интеллектуальной элиты появился как следствие накопления социальных проблем, обусловленных быстрым темпом рыночных реформ. Преобразования 1980-х годов приносили выгоды всем, хотя каждому доставалась разная доля «пирога». В 1990-е в китайском обществе сформировалась прослойка проигравших маргиналов. Больше всех пострадали рабочие разорившихся промышленных предприятий, еще недавно обладавшие не только относительным материальным достатком, но и престижным политическим статусом «классового авангарда» китайского общества.

Рыночный догматизм 1990-х годов дал жизнь «новым левым», полагающим, что современные проблемы страны коренятся в несправедливой природе либеральной рыночной экономики. «Новым левым» присущи как неоавторитарные, так и националистические интонации. Эти деятели не ставят под сомнение могущество государства, но хотят видеть его более патерналистским. Они выступают против западной модели глобализации, но при этом главной угрозой считают не столько чуждые демократические ценности, сколько порабощение Китая международным капитализмом. По сути, «новые левые» выступают в качестве оппонентов власти, используя в своих интересах зияющий разрыв между провозглашенными идеалами равенства и повседневной рыночной реальностью и пытаясь заполнить его критикой доминирующего экономического либерализма («неолиберализма») и поэтизацией маоистского революционного духа 1950–1970-х годов.

В 1997-м влиятельный представитель нового критического течения Ван Хуй заявил о несостоятельности китайских неолибералов, которые-де с энтузиазмом разоблачают революционные эксперименты Мао Цзэдуна, но не способны возвысить голос против общественного кризиса, произрастающего из капиталистической модели рынка и модернизации. По его словам, Китай после бури 1989 года не развалился, но перешел к «процессу рыночного экстремизма».

При этом «китайский неолиберализм обрел господствующий статус как часть процесса, в котором государство использовало экономическую либерализацию для преодоления кризиса своей легитимности» (*Wang Hui. China's New Order: Society, Politics, and Economy in Transition. Cambridge-London, Harvard University Press, 2003. P. 44*).

Слово «приватизация» в китайской официальной лексике до сих пор считается политически некорректным. Однако в 1990-е в дискуссиях интеллигенции был поставлен ключевой вопрос: «делить или продавать» общественную собственность? Китайские неолиберальные экономисты проигнорировали этот спор. Однако «новые левые» настаивали на том, что выбор между «приватизацией для власти и знати» и «демократической приватизацией» для Китая крайне актуален. Поднимался также вопрос о выборе между «английской» и «французской» революциями, то есть между свободой для аристократии и свободой для всего народа.

Представители «новой левой» интеллигенции заговорили о том, что экономическая свобода стала в КНР препятствием для политической демократии. Они отмечали, что китайская бизнес-элита тесно сомкнулась с бюрократией на почве общей заинтересованности в непрозрачном и бесконтрольном переделе общественной собственности. Критика в адрес неолиберализма звучала все громче по мере того, как на фоне широкомасштабной коррупции угасали надежды интеллигенции, еще десятилетие назад искренне верившей, что форсированное движение к рынку приближает Китай к политической демократии. «Новые левые» заключили, что китайский консерватизм 1990-х годов является видоизмененным радикализмом, который перекраивает жизнь общества по западным экономическим шаблонам, враждебно относится к «демократии народного большинства» и поклоняется «свободе богатого меньшинства».

Однако основная часть китайской интеллигенции уже перестала быть оппозиционной силой. Небольшое число недовольных заставили замолчать или уехать из страны, зарплата профессуры и научных работников заметно выросла. В последнее десятилетие минувшего века интеллигенция стала частью союза элит. Уход от политизации способствовал профессионализации и углублению общественно-научных исследований, серьезному ознакомлению ученых с современной западной мыслью. Вдохновленные успехами реформ, китайские экономисты даже начали мечтать о Нобелевской премии.

Но тут на головы профессиональных экономистов-неолибералов посыпались обвинения в «аморальности» и пренебрежении к интересам простых людей. Эта критика отдаленно перекликается с российскими эмоциями по поводу «прихватизаторов» и «чикагских мальчиков». Существенное отличие в том, что в Китае счет за социальные издержки реформ невозможно выставить непосредственно властям. И потому экономистам приходится незаслуженно выслушивать непропорционально большое число обвинений.

Смена высшего руководства КНР в 2002–2003 годах дала возможность исправить прежний технократический перекос и хотя бы на словах отказаться от политики элитарного авторитаризма 1990-х. Новые власти пытаются включить в официальный дискурс проблематику выступлений «новых левых». Партийно-государственный лидер Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао все чаще говорят о «гармоничном обществе», о защите слабых социальных групп.

Участившиеся ссылки на Мао Цзэдуна дают основание упрекнуть новых руководителей КНР в возврате к маоизму. Однако стоит напомнить, что в глазах китайцев сталинизм и маоизм не тождественны друг другу: в первом случае речь идет о подавлении народа бюрократией, во втором — о подавлении народом бюрократии и элиты в целом, включая интеллигенцию. Экономическая модель советского образца в Китае давно уже демонтирована. Если же вычесть из маоизма сталинский базис, то останутся революционная эстетика, альтруистическое морализаторство, иллюзии подконтрольности элиты массам и общественного единения в интересах национального развития. Представляется, что китайские «старые песни о главном» менее опасны для реформ, чем российская ностальгия об имперских устремлениях советского сталинизма. Однако наследие Мао также таит в себе скрытые ловушки, поскольку рост недовольства социальным расслоением может пробудить у китайцев опасную ностальгию по бунтарским методам «культурной революции».

* * *

Проведенные нами сопоставления вовсе не означают, что обе страны шли одинаковым путем. 1990-е вошли в историю как десятилетие «взлета Китая» и «падения России». В 1979–2002 годах китайский ВВП рос на 9,4 % ежегодно. Если бы отечественные реформы помогли экс-советскому хозяйству расти такими же темпами, задача обгона недостижимой Португалии была бы решена давно и без-

болезненно. Россия занимала бы в мире совсем иное, куда более устойчивое и почетное место.

Однако в обеих странах остаются нерешенными проблемы защиты слабых социальных групп, пострадавших от реформ. Все труднее сдерживать коррупцию среди чиновников, обменивающих свои властные полномочия на деньги. Оба общества идут по пути увеличения социального расслоения и неравенства. В обеих странах коэффициент Джини, измеряющий степень равенства в распределении доходов, приближается к отметке 0,5. Преодолев эту черту, Россия и Китай, еще недавно жившие при социалистическом эгалитаризме, окажутся в компании имущественно поляризованных стран Африки и Латинской Америки.

Элиты обеих стран с похожей тревогой говорят об опасности «латиноамериканской ловушки». Россию тревожит чрезмерная зависимость от экспорта нефти, Китай — незавидная перспектива стагнации и разрастания коррупции на фоне сохранения архаичной социально-экономической структуры. В нашей стране нередко можно услышать, что за пределами Московской кольцевой автодороги начинается другая Россия. Но разве не о том же самом с тревогой говорит известный китайский социолог Ху Аньган, констатируя, что город и деревня в Китае живут как будто в разных общественно-политических формациях. Крестьяне составляют большинство населения КНР, однако они не связаны с союзом элит и у них нет каналов влияния на политику. По словам Ху Аньгана, современный Китай распался на «четыре мира»: когда жители «первого мира» — Пекина и Шанхая (2,2 % населения) уже обошли мировой уровень стран со средними доходами, почти половина населения Поднебесной живет в «четвертом мире», отставая от мирового уровня бедных стран.

На фоне этих общих проблем формальные институциональные различия уходят на второй план. И китайский социализм, и российское «социальное государство» идут к рынку с явными нарушениями принципов справедливости, к чему особенно чувствительно население посткоммунистических стран. Идентичность задач, которые стоят перед крупными странами, проводящими независимую внешнюю политику, на этапе перехода от сталинского социализма к современной рыночной экономике обуславливает и будет обуславливать неизбежное сходство советско-российских и китайских реформ.

Реформа: слово и дело

Алексей Любжин

Реформа — слово противоречивое. С одной стороны, совершенно очевидно его латинское происхождение. С другой — в латыни оно отсутствует. История человечества перенасыщена реформами, однако большинство истинных реформаторов никогда не подозревали, какую роль они играют на самом деле; те же, кто причислял себя к таковым, в основном занимались чем угодно, но только не реформированием. Крупнейший русский политик-реформатор императорской эпохи Михаил Сперанский (1772–1839) употреблял слово «усовершенствие» (усовершенствование). В России много говорили о «преобразованиях»; тем не менее между Александром I Благословенным и Александром III Миротворцем места для Александра Реформатора не нашлось: Александр II, осуществивший во второй половине XIX века коренные реформы, включая отмену крепостного права в 1861 году, стал Освободителем — прозвание, которое больше соответствует духу русского языка.

В латыни, откуда эта лексема проникла в другие языки, исходным являлось слово *forma* (изначально «форма литейная», позднее — «изображение» и, наконец, «красивая внешность», «красота»); прилагательное *formosus* («отлитый по форме») превратилось в «прекрасный». Но *re-* — это по преимуществу глагольная приставка, весьма двусмысленная, и потому сначала появляется глагол *reformo*, то есть либо «возвращать в прежнее состояние», либо «превращать», «преобразовывать».

Едва ли не впервые глагол *reformo* — причем в первом из указанных значений — встречается в «Метаморфозах» легкомысленного

А.И. Любжин — к. филол. н., научный сотрудник отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова.

Овидия. Автор одноименного произведения Апулей, напротив, подразумевает под этим словом «превращение», но совершенно особого сорта: некая колдунья, дабы отомстить красивым юношам, приглянувшимся ей, но не отвечающим взаимностью, «преобразует» (*reformat*) их в камень или скотину, а некоторых и вовсе губит.

Употребленный в политическом контексте, данный глагол всегда означал именно «возвращать в прежнее состояние». Например, в «Панегирике» Плиния Младшего речь идет о восстановлении и исправлении нравов. В его же историческом сочинении, ныне называемом *Historia Augusta* (в русском переводе — «Властелины Рима»), Оденат «вернул Востоку его прежнее состояние», *in pristinum reformaverat statum*. Римский писатель Валерий Максим воспринимал грека Фемистокла, являвшегося на самом деле одним из отважнейших реформаторов Античности, как государственного мужа, вернувшего отечество в прежнее положение после изгнания персов. Примеров употребления глагола *reformato*, однако, немного: во всей латинской литературе он встречается всего несколько десятков раз.

В наши же дни мы, говоря о Древнем мире, ссылаемся на «реформы Солона», «реформы Сервия Туллия» и др. Как же относились к этим политическим явлениям современники? В одном из греческих городов на территории Италии существовал такой порядок: тот, кто предлагал какое-либо новое узаконение, приходил в Совет с веревкой на шее и излагал его суть. Однако другой житель города — фактически специальное должностное лицо — должен был убедить Совет отклонить внесенное предложение. Если ему удавалось это сделать, автор дополнения к своду законов был обязан повеситься; если же новеллу все-таки принимали, то оппонента ждала смерть. «Наши предки превосходили нас умом» — принцип, на котором строилась античная политическая жизнь.

Все же кое-какие новшества иногда вводились. Но они, как правило, выдавались за меры, восстанавливавшие прежний, нарушенный каким-либо вмешательством порядок вещей (так Солон говорил о «равновесии» и «благозаконии», а много позже Август притворялся, будто восстановил республику). Те же, кто открыто стремился к новшествам, пользовались дурной репутацией: среди наиболее отважных называют Катилину (ок. 108–62 до н. э.), намеревавшегося захватить власть (посредством поджога Рима и устройства засад у колодцев для усиления беспорядка и кровопролития) и провести кассацию долгов. Римский историк Саллюстий

свидетельствует, что весь «черный» народ, стремясь к преобразованиям (*res novae*, дословно «новшества», обычно переводится как «государственный переворот»), поддерживал эти замыслы. Те, у кого ничего нет, считает Саллюстий, всегда ненавидят порядочных людей, превозносят негодаев, терпеть не могут прежний порядок и, надеясь на лучшее, желают нововведений и жаждут перемен. Отметим в этом блестящем трактате (ставшем, вопреки склонности автора к консерватизму, учебным пособием по организации политических переворотов для революционеров самых разных мастей, включая наших декабристов) грустную речь Катона Младшего, который утверждает: «Мы давно уже утратили подлинные наименования вещей: ведь щедрость для нас — расточительство за счет чужого имущества, а дерзость в пагубных делах — мужество. И это-то и поставило государство на край гибели». Важнейшее для современного политического сознания различие между реформаторством и революцией едва прослеживается в Античности; если такие примеры и существуют, то они довольно редки.

Слова, обозначающие понятие «реформа», выглядят как свои во французском (*la réforme*) и английском (*the reform*) языках и как чужеродные — в немецком и русском. Словарь Французской академии 1694 года фиксирует античную совокупность смыслов. Прежде всего это «восстановление в прежнем порядке», причем особо выделяется религиозная сфера: можно говорить, например, о «реформе» аббатства. Кроме того, под «реформой» понимается регулярность в нравах и религиозных практиках: так, для французского языка конца XVII века нет ничего чужеродного в выражении «*C'est un homme qui vit dans une grande réforme*» (дословно «Это — человек, который живет в большой реформе»). Однако использование слова «реформа» в отношении злоупотреблений допускается только в том случае, если речь идет об их устранении. Есть еще один, специфически военный смысл слова: под «реформой войск» (обычно проводимой по окончании войны) понимается их сокращение; подвергшиеся реформе офицеры теряют часть своего жалованья.

Словарь 1718-го практически повторяет эту статью. Но в издании 1740 года можно прочесть о «так называемой реформе», которую ввели еретики XVI столетия (по имени назван только Кальвин). Имеются и ценные уточнения: когда человек «убавил свои столы или экипажи и отослал часть слуг», о нем говорят, что он «осуществил в своем доме большую реформу».

Издания второй половины XVIII века (1762 и 1798) добавляют несколько «военных» значений. Под «реформой» подразумевают смену лошадей; когда говорят о продаже «реформы», имеются в виду замененные лошади полка. Смыслы, созвучные современным, фиксирует только версия 1835 года, в которой мы впервые встречаем такое определение: реформа — это (с пометой «иногда») «просто перемена к лучшему в поведении, в нравах и особенно в благочестии». Есть и раздел об административной реформе (под ней понимается, как и следовало ожидать, сокращение). Отныне значение слова будет меняться более быстрыми темпами, отражая политические реалии эпохи: в издании времен Третьей республики (1878) говорится (с уточнением — «в Англии и во Франции») об электоральной реформе как о расширении права голоса, упоминаются даже (чего раньше вовсе не было) «сторонники» реформы (кто ж в здравом уме будет поддерживать идею убавления числа своих столов, слуг и экипажей?). Все же античный подтекст проступает, когда словарь представляет еще одно новое значение: под денежной реформой (о которой говорится также впервые) подразумевается снижение неоправданно завышенной цены валюты.

Словарь 1878-го дает, таким образом, возможность быть сторонником реформы, но не избавляет от необходимости платить за преобразования.

Последняя версия словаря, изданная в 1932–1935 годах, более политкорректна: она наконец отказывается говорить о «так называемой реформе» протестантов и посвящает им нейтральную по тону статью (упоминание о еретиках исчезло, впрочем, еще раньше); зато впервые в словарной статье появляется упоминание о религиозной контрреформе. Забавно, что в версии XX столетия сохраняются практически все прежние значения — даже лошади никуда не делись.

Что касается однокоренного глагола, то его значения развиваются параллельно значениям существительного; с XVIII века этот глагол «раздваивается»: *réformer* соответствует слову *la réforme*, а *reformer* — «сформировать (образовать, составить) заново».

Итак, для французов слишком важна римская традиция, чтобы они вкладывали в понятие «реформа» какой-то веселый и бесшабашный смысл. Посмотрим теперь, как обстоит дело у англичан.

Для английского словоупотребления «исправление, видоизменение к лучшему» — основное значение слова; особый акцент при этом делается на «коррупцированном или насильственном полити-

ческом учреждении либо практике», и это значение фиксируется со второй половины XVII столетия. Сюда же можно отнести и общее значение исправления, устранения неточностей (например, реформу календаря). Англичане используют слово *reform* как атрибут (например, *Reform Act*, или *Reform Bill* — законодательный акт 1831–1832 гг., существенно расширивший избирательные права населения; *Reform Club* — чрезвычайно престижный лондонский клуб, созданный в 1836-м, возможно, с целью проведения каких-либо благотворительных мероприятий).

Другое, и весьма важное, значение — «исправление характера» (наиболее точный русский эквивалент — «перевоспитание»). В Конституции штата Кентукки 1891 года (параграф 252) предусмотрено создание «учреждения или учреждений для содержания, исправления, образования и перевоспитания (*reformation*) всех лиц, не достигших 18-летнего возраста и осужденных за такие преступления и такие проступки, каковые могут быть оговорены законом. Вышеназванное учреждение будет называться *The House of Reform*». Отдельно выделяется и интересная для англичан китайская практика «перевоспитания трудом» (*reform through labour*).

Глагол *to reform* гораздо старше существительного; в совокупности его значений французское (и латинское) влияние чувствуется особенно сильно. Так, отмечая «обновление» и «восстановление» в качестве первого значения, Оксфордский словарь вынужден был второе — «восстановление в прежней форме», являющееся на самом деле исходным, — определить как устаревшее.

Для германского языкового сознания «реформация» важнее «реформы». Это и неудивительно: церковное переустройство, изначально имевшее целью восстановить Церковь, устранить злоупотребления католицизма и вернуться к евангельским временам (все в точности с опорой на латинскую семантику), стало крупнейшим вкладом германского духа в европейскую историю. Менее известна реформация XV–XVI веков в правовой области: под видом «восстановления доброго старого права» правовая реформация привела к созданию новых узаконений, в частности, в Нюрнберге и Баварии.

Что касается русского языка, то в нем «реформа» — слово относительно позднее. Его нет в Словаре Академии Российской конца XVIII столетия; не удавалось нам с ним столкнуться и при изучении языковой практики первой половины XIX века. Каково было отношение к новшествам вообще, можно понять из ордера (от

26 мая 1759 года), который Московский университет издал в связи с назначением Антона Любинского (ему было тогда под 40) учителем в новооткрытую Казанскую гимназию. «Студенту Любинскому, — гласило предписание, — <...> яко известно беспокойному человеку, приказать, чтобы он смирно и тихо себя вел и *новости*, как и здесь, в бытность свою при университете, не *выдумывал*» (курсив автора. — Ред.).

Словарей русского языка, сопоставимых с Оксфордским, сегодня нет; историю слов гораздо легче проследить для XI–XVIII веков, чем для XIX. В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» Павла Черных (1-ое издание двухтомника вышло в свет в 1993 году, хотя автор работал над ним в 1960-х) отмечено: слова «реформа», «реформировать» фиксируются в словаре Яновского (1806), но только в смысле «военная реформа», точнее «переформировка войск». «Отсюда, цитирует далее Черных, реформировать — переновлять, преобразовывать что-либо». Так что в эпоху преобразований Александра II слово «реформа» уже употреблялось (вполне обиходный и бытовой характер имеет оно, например, у Достоевского). Но кто ввел его в широкое употребление? Было ли его проникновение в русский язык следствием усилившегося английского влияния — в противовес доминированию французского? На все эти вопросы, возможно, ответят будущие историки русского языка. Отметим только одно: в России тогда находились люди, понимавшие слово «реформа» вполне своеобразно и более здраво, чем их современники. Так, выдающийся филолог Александр Шварц, попечитель одного из учебных округов Российской империи, описывает в письме к своему другу, не менее выдающемуся представителю классической филологии Сергею Соболевскому, свои административные впечатления: «Бумага следует за бумагой, и все по капитальным вопросам частью уже совершившихся, частью предполагаемых реформ. Очевидно, пока не испакостят всех заведений, все равно средних, низших или высших, покоя нам не будет».

Кумир европейской публики 20-х годов XIX столетия лорд Байрон в сатирической поэме *The Age of Bronze* («Бронзовый век») иронично посоветовал современникам: «*But no, not even for rhyme's sake, name Reform!*» («Но даже и ради рифмы не упоминайте о реформе!»). Может быть, этот совет на самом деле более серьезен и разумен, чем казалось тому, кто его дал?

Вокруг Ирана



Иранская военная форма времен войны с Ираком

“Несколько лет назад в кулуарах научно-практической конференции арабский тележурналист спросил у высокопоставленного российского чиновника, доверяет ли Москва Ирану в вопросе о его ядерных намерениях. «Конечно доверяет, — на ходу бросил собеседник. — Со времен Грибоедова только и делает, что доверяет»”

Новый Ближний Восток *Евгений Сатановский*

102

Принимая вызов Тегерана *Кеннет Поллак, Рэй Тейкей*

112

Между Бушем и Бушером

Александр Винников, Владимир Орлов

128

Ядерный подход для сегодняшней реальности *Джон Дейч*

112

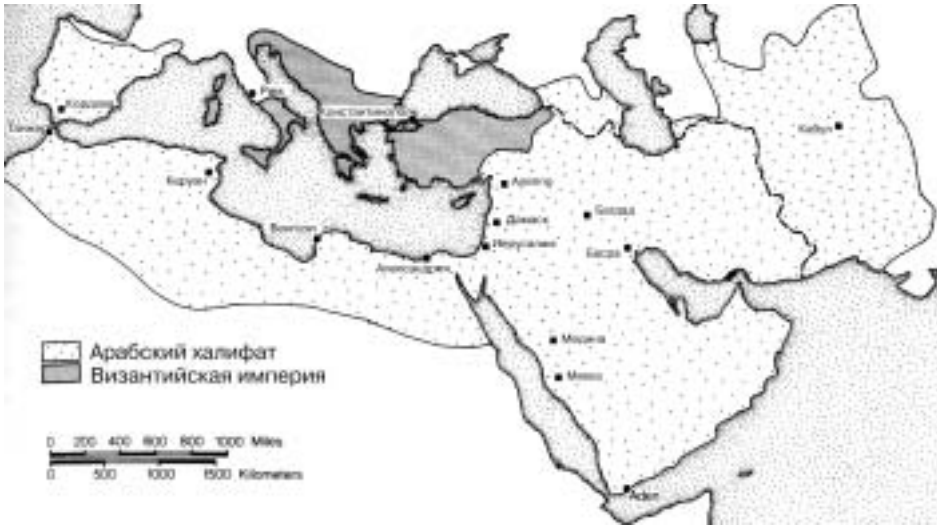
НОВЫЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Евгений Сатановский

Если верить политикам и международным чиновникам, в регион Ближнего и Среднего Востока (БСВ) вложено за последние полвека так много усилий и средств, что он давно должен был превратиться в средоточие довольства элиты и процветания народных масс. Между тем ни того ни другого в монархиях, автократиях и республиках, образующих БСВ, отыскать не удастся. Обсуждая текущие события в регионе и перспективы его развития, политически корректные либеральные эксперты критикуют Самьюэла Хантингтона, не вовремя предсказавшего разворачивающееся на глазах столкновение цивилизаций, а их консервативные оппоненты подкрепляют военные операции невнятными заклинаниями о приближающейся ближневосточной демократии. При этом кризис, который переживает исламская в своей основе территория, простирающаяся от Атлантики до Индостана, давно стал постоянным явлением. На протяжении XX века, в частности его второй половины, когда БСВ освободился от колониальной зависимости, составляющие его страны не могут обустроить свое внутривнутриполитическое, гуманитарное и экономическое пространство, а также создать устойчивую систему внешних связей. Благоприобретенная проблема границ, которая досталась им в результате упражнений британских, французских и русских картографов, не облегчает их будущего и не способствует оптимизму.

За три десятилетия, истекшие с момента, когда арабийские монархии изобрели «нефтяное оружие», денег для решения региональных проблем было более чем достаточно. Времени — не меньше, чем у европейцев, успевших за этот период преодолеть последствия Второй мировой войны и построить Европейский союз, который составляет

Е.Я. Сатановский — президент Института Ближнего Востока.



Арабский халифат в эпоху своего расцвета, конец VIII века.
Карта из книги *Held, Colbert C. Middle East Patterns: places, peoples, and politics* / Colbert C. Held with the assistance of Mildred McDonald Held; cartography by John V. Cotter. 2nd ed. Boulder – San Francisco – Oxford: Westview Press, 1994.

серьезную экономическую конкуренцию США. Что же касается политического инструментария, то опыт и влияние стран БСВ сравним с опытом и влиянием Запада – по крайней мере, если судить по их масштабному представительству в международных организациях, включая ООН, которое успешно используется против попыток интеграции в мировую систему гуманитарных организаций Израиля.

Помимо прочего, регион получил львиную долю международной помощи, в том числе для обустройства беженцев; опирается в разрешении внутренних конфликтов на льготные поставки и кредиты и с Востока, и с Запада; привлекает, считаясь «зоной стратегических интересов», наиболее значительные и дорогостоящие после самого Запада внешние вооруженные контингенты. При всем при том перспективы развития данного региона туманны, как никогда.

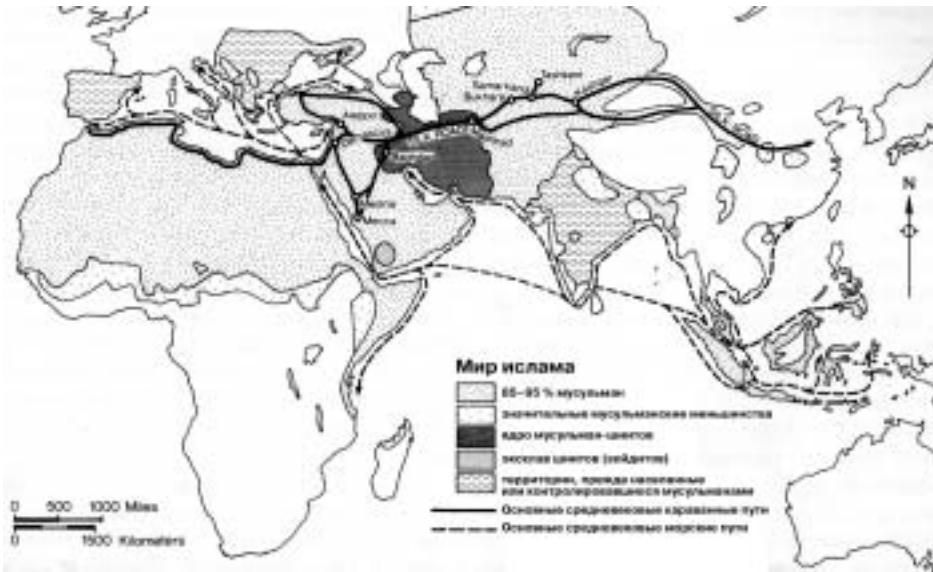
Участие внешних сил не разрешило ни один из конфликтов, раздирающих Ближний и Средний Восток. В лучшем случае конфликты загнаны вглубь и могут вспыхнуть в любой момент после снятия внешнего давления. Это в равной мере относится и к большим, и к малым очагам напряженности вне зависимости от того, являются ли они следствием противостояния вековой давности или результатом недавней стычки. Миротворческая деятельность ООН на Ближнем Востоке не менее провальна, чем в Африке, а

многочисленные «исламские» либо «межарабские» инициативы приводят к успеху только в виде прямой долгосрочной оккупации. Последнее справедливо и для западных держав, несмотря на риторику политиков и средств массовой информации, сопровождающую деятельность американских морских пехотинцев или французского Иностранного легиона.

Противостояние восточного христианства и ислама в начале XXI столетия окончательно разрешилось в пользу ислама. Христианское население региона стремительно сокращается, в том числе там, где еще недавно состоятельные христианские общины поддерживались местными диктаторами в качестве противовеса исламским городским окраинам — люмпенизированным и оппозиционным. Демократизация БСВ означает не уважение к правам меньшинств, а их вытеснение или уничтожение. Это в равной мере относится к христианам Египта, Ирака, Ливана и Судана. Общины Ирана и Сирии существуют в относительной безопасности, пока в этих странах остаются у власти те же правящие режимы. Что же касается христиан Израиля и Палестины, то, как показывает опыт прошедшего десятилетия, с тех пор как ведется «строительство палестинского национального очага», их будущее зависит от того, защищает ли их права еврейское государство, или они оставлены на произвол вооруженных исламистов.

Рабство, об искоренении которого международные правозащитные организации трубили с 60-х годов XX века, существует в регионе не только в скрытых, но и в классических формах. Мавритания и Судан — это лишь наиболее известные примеры государств, на территории которых процветает работорговля, «не замечаемая» мировым сообществом.

Политический исламизм, как наиболее действенный способ противостояния властям в форме партизанской войны и терроризма, стал общераспространенным в регионе феноменом. Ценой напряжения всех сил армии и жесткого ограничения демократии исламисты оттеснены от власти в Алжире и Египте, но нет никакой гарантии, что это навечно, тем более что исламизм распространяется на соседние страны. Уничтожение иностранцев и еврейских общинных зданий в Марокко, казавшемся на протяжении десятилетий зоной сотрудничества улемов и монархии, — достаточно тревожный сигнал даже без учета дополнительного конфликтного потенциала Западной Сахары, урегулирование в которой так же далеко, как и четверть века назад, когда ее проблема возникла впервые.



Современная территория, на которой исповедуют ислам, в также крупнейшие пути следования средневековых караванов и морских путей, способствовавших распространению ислама. Карта из книги *Held, Colbert C. Middle East Patterns: places, peoples, and politics* / Colbert C. Held with the assistance of Mildred McDonald Held; cartography by John V. Cotter. 2nd ed. Boulder – San Francisco – Oxford: Westview Press, 1994

Алжир и Марокко — родина не только миллионов иммигрантов, заполнивших стареющую Европу, но и нового европейского политического ислама, тесно связанного с международными структурами, в том числе террористическими. Их лидеры успешно опирались на массу магрибского электората и умело использовали бреши в либеральной системе Евросоюза, когда в ходе серии терактов на железнодорожных вокзалах испытывалась на прочность европейская политическая система (взрывы в Мадриде 11 марта 2004 года). На фоне капитуляции испанского правительства перед террористами слабым утешением служит потенциальная возможность завершения арабо-берберского конфликта, наметившаяся после того, как алжирские власти, ведшие на протяжении 10 лет гражданскую войну на два фронта (против исламистов и берберов), сделали символические шаги навстречу берберам.

Огромную проблему региона составляет неотработанность механизмов передачи власти, подрывающая устойчивость правящих режимов. Парадоксальным образом «республиканская монархия» (передача верховной власти в рамках правящей семьи с использованием демократического антуража по примеру Сирии или Азербайджана)

на) может стать для БСВ спасительной альтернативой путчам, гражданской войне или исламской революции. Для престарелых владык Ливии и Египта задача легитимной передачи власти наследникам считается одной из главнейших. Вопрос вопросов — удержат ли эту власть наследники.

Ключевой страной региона является Египет, где стремительно растет население и имеется самая старая в регионе исламистская оппозиция, обладающая опытом вооруженной борьбы с режимом. Не исключено, что при достижении населением 100-миллионной отметки демографический прессинг на экономику и экологию окажется слишком сильным и стране придется перейти к внешней экспансии для того, чтобы предотвратить гражданскую войну алжирского типа. Наиболее вероятно в этом случае суданское направление, тем более что на протяжении ближайших 10–15 лет Судан, возможно, перестанет существовать как единое государство, расколовшись (по референдуму или без него) на исламский север и христианско-анимистский юг. Судано-египетский альянс, имеющий давние исторические корни, угрожает стать в перспективе наиболее опасным соседством для Израиля. Не исключено, что столкновение с ним будущие лидеры альянса сочтут оправданным как с идеологической, так и с внутривосточной позиции.

Если исламистам из числа лидеров «афганских арабов» удастся свергнуть правящую династию в Саудовской Аравии, существует вероятность объединения этого королевства и судано-египетского блока. «Новый Халифат», который, скорее всего, возникнет в конце концов на основе данного объединения, с экономической, военной, демографической и геополитической точек зрения будет способен бросить вызов Западу. Столкновение такого рода альянса с Израилем практически неизбежно. Тем более что для соседей Израиля значимость его ядерного оружия в качестве сдерживающего фактора уменьшается, поскольку арабские страны уверены: Запад не позволит применить его даже в качестве «оружия последнего удара».

Каковы альтернативные сценарии для Аравийского полуострова? Победа исламистов с установлением строя, близкого по структуре к режиму или иранских аятолл (менее вероятный сценарий), или афганских талибов (более вероятный). Дальнейшее развитие событий в каждом из этих случаев зависит от того, пойдет ли Запад на вмешательство или нет. Суннитская исламская республика иранского типа будет иметь возможность в течение дли-

тельного времени играть на противоречиях между ведущими западными державами до момента постепенной эволюции в «Новый Халифат», если во главе ее с самого начала не встанет фигура, аналогичная Усаме бен Ладену. В этом случае, или если исламисты предпримут новые враждебные шаги против США — по аналогии с терактами 11 сентября — высока вероятность американской военной операции (возможно, в рамках НАТО) и раздела территории нынешней Саудовской Аравии. Можно предположить следующие зоны раздела: провинция Хиджаз с исламскими святынями (под контролем арабских союзников США, например Иорданской династии), Восточная провинция с ее нефтью, йеменский Ассир и ваххабитский Неджд. Не исключено, что опыт управления де-факто разделенным на этноконфессиональные зоны Ираком окажется тут для американцев решающим.

Судьба малых монархий в зоне Персидского залива в огромной степени зависит от того, насколько прочными будут позиции США и Великобритании в данном регионе. Противостоять исламистам собственными силами эти монархии — за исключением Султаната Оман — не в состоянии. Стабильность же последнего, как и в Египте, обусловлена способностью султана Кабуса бен Саида решить вопрос наследования верховной власти при отсутствии прямого наследника.

Йемен перенасыщен оружием, центральная власть там слаба, к тому же в ближайшие 10 лет вероятно наступление водного кризиса, равносильного экологической катастрофе. В этой ситуации высока вероятность его столкновения с Саудовской Аравией. Перспективы разрешения проблем Йемена вне этого конфликта отнюдь не ясны, возникновение же конфликта приведет к не менее разрушительным последствиям, чем оккупация Ираком Кувейта в 1990 году.

Соседи Йемена по другую сторону Баб-эль-Мандебского пролива — Сомали, Эритрея и Джибути — на протяжении длительного времени будут втянуты в процессы, сопровождающие коллапс бывшей эфиопской империи, с сопутствующими пограничными конфликтами, религиозно-трайбалистской резней, эпидемиями и массовым голодом. Ситуацию на Африканском роге осложнят упомянутый выше возможный распад Судана и приближающаяся, согласно мнению политологов-африканистов, первая континентальная мегавойна, в которую будет втянуто большинство стран Сахеля (полоса от пустынь Сахары к саваннам Западной Африки. — Ред.) и бассейна Великих озер.

Находящийся на востоке региона Афганистан продолжает существовать в качестве территории, частично контролируемой оккупационными войсками НАТО. Территория эта никем не управляется, о чем свидетельствует рост местного производства наркотиков, частично контролируется талибами, масштабы разгрома которых сильно преувеличены западными СМИ. Разворачивающиеся на этой территории процессы представляют смертельную угрозу для стабильности Пакистана. Распад последнего в среднесрочной перспективе не исключен именно из-за его вовлеченности в афганские события. Потеря контроля центрального правительства над ситуацией в пограничных районах — при наличии не только собственного ядерного оружия и ядерных технологий, но и влиятельного исламистского лобби, связанного с международными террористическими организациями, на всех уровнях пакистанской элиты — это факт сегодняшнего дня.

Иран, близкий к реализации своей ядерной программы как в мирном, так и наверняка в военном ее аспектах, остается для США центральным звеном «оси зла». Революционная республика эволюционирует, как и СССР несколькими десятилетиями раньше, и способствует региональной стабильности, не участвуя в большинстве конфликтов или играя в них конструктивную роль. Конфликт Ирана с Западом, в первую очередь с США, и с Израилем грозит необратимой дестабилизацией обстановки на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе в Прикаспии и в зоне Персидского залива. Как представляется, США постараются избежать прямого противостояния с Ираном, однако сделают все возможное для того, чтобы спровоцировать его столкновение с Израилем, подталкивая последний к атаке на иранские ядерные объекты. Такой вариант развития событий не исключен из-за активизации антиизраильской террористической деятельности ливанских шиитов, а также ввиду того, что израильскому руководству необходима «маленькая победоносная война» в условиях беспрецедентного противостояния в обществе по вопросу вывода поселений.

Ирак на протяжении длительного периода будет представлять собой зону гражданской войны «всех против всех» при активном участии в ней исламистов со всего мира, для которых его территория стала испытательным полигоном джихада. Прошедшие парламентские выборы ни в малейшей степени не способны удовлетворить ни суннитов, которые составляли при прежнем режиме костяк

гражданской администрации, армии и полиции и в голосовании практически не участвовали, ни христиан, теперь активно эмигрирующих. Раскол Ирака весьма вероятен, и в этом случае на повестку дня встанет появление в регионе не только первого шиитского арабского государства, но и государства курдов. В последнем случае реализуется давнее обещание еще Лиги Наций, но при этом возрастет вероятность распада Турции — ведь быстро увеличивающееся курдское население этой страны имеет застарелые традиции вооруженного сепаратизма.

Эта опасность спровоцировала охлаждение турецко-американских отношений, когда правительство Турции отказало своему главному союзнику в использовании территории страны для атаки на Саддама Хусейна, потеряв в конечном счете несколько миллиардов долларов и значительную толику отношений с США. Наметившийся «прорыв» Турции в Европу при условии разблокирования проблемы Северного Кипра может стать успешной альтернативой как «магрибизации» ЕС, так и исламизации — в случае отдаления от США — кемалистской Турции.

Кризис в Ливане после убийства бывшего премьера Рафика Харири с большой степенью вероятности не только повлечет за собой вывод из страны сирийских войск, но и спровоцирует новый виток гражданской войны в этой стране, где на протяжении десятилетий только внешние воинские контингенты были способны снизить уровень противостояния этноконфессиональных милиций, разрушивших ливанское общество.

Не исключено, что, несмотря на все усилия, президенту Сирии Башару Асаду не удастся удержать власть в стране в своих руках. После потери контроля над Ливаном этому могут способствовать как партийно-государственный истеблишмент самой Сирии, власть над которым у нынешнего сирийского лидера значительно слабее, чем у его отца, так и США, стремящиеся завершить разгромом Сирии иракскую эпопею. В итоге Сирия вернется в состояние «до-асадовских» путчей и хунт латиноамериканского типа, не способных играть сколь бы то ни было значимую роль в регионе.

Израильско-палестинский узел противоречий ослабила смерть раиса Ясира Арафата. Неясно, в какой мере его преемнику Махмуду Аббасу удастся взять под контроль военизированные формирования и удержать власть в условиях противостояния с исламистами, которые доминируют на муниципальном уровне, в первую

очередь в секторе Газа. Не исключено, что в краткосрочной перспективе в Палестине разразится гражданская война, что ее ждет распад на ряд анклавов, подчиняющихся местным лидерам, которые самостоятельно будут строить отношения с Иорданией, Египтом и Израилем.

Вопрос об эвакуации еврейский поселений расколол израильское общество. Премьер Ариэль Шарон, заботящийся о своем международном имидже в плане обеспечения безопасности его семьи после ухода с политической арены, поставил страну на грань «оранжевой революции». Действия Шарона продемонстрировали, что в Израиле, гордившемся своей демократией, традиции кланового авторитаризма не слабее, чем в соседних арабских странах, которые израильтяне считали диктатурами. Вакуум власти, соединение «левого» и «правого» истеблишмента в глазах электората в общую группу «старых коррупционеров» могут поставить столь политизированное общество, как израильское, на грань гражданского противостояния или необратимых изменений во внутривластной системе. Эксперты выдвигают предположения о возможности перехода Израиля в краткосрочной перспективе к президентской модели правления, активизации на политической арене армии и выводе за рамки «национального консенсуса» израильских арабов, палестинизация которых в 90-е годы XX века стала свершившимся фактом.

В целом Ближний и Средний Восток ждут в ближайшем будущем углубление старых и возникновение новых очагов конфликтов, доминирование США в соперничестве с ЕС и во все возрастающей мере с Китаем, а также распад существующей системы границ и рост нестабильности, в том числе за пределами региона, по модели 11 сентября. Перспектива для Нового Ближнего Востока безрадостная, но реальная.

FOREIGN AFFAIRS



Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events—turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington—this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO
**FOREIGN
AFFAIRS**

“The most influential periodical in print.” —*TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” —*FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America’s
many foreign policy journals.” —*FINANCIAL TIMES*

SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*:
One year only US\$57.00!

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.

TEL: (386)445-4662 FAX: (368)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoastd.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

Принимая вызов Тегерана

Кеннет Поллак, Рэй Тейкей

ВРЕМЯ ПОШЛО!

В то время как Соединенные Штаты изо всех сил стараются наладить трудный процесс восстановления Ирака, на Вашингтон уже неумолимо надвигается новый крупный кризис национальной безопасности. Эксперты из Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) обнаружили, что Иран пытается освоить технологию обогащения урана и отделения плутония, то есть предпринимает шаги с целью получения возможности производить расщепляющиеся материалы для создания ядерного оружия (ЯО). Открывшиеся факты, касающиеся обширной секретной программы Ирана, убедили даже сомневающиеся европейские правительства в том, что конечная цель этого государства — овладеть ядерным оружием или, по крайней мере, сформировать предпосылки, которые позволят сделать возможным создание такого оружия в любое время по усмотрению Тегерана.

Остается открытым вопрос, смогут ли Соединенные Штаты научиться сосуществованию с «ядерным» Ираном. Со времени смерти аятоллы Рухоллы Хомейни в 1989 году Тегеран посылал Вашингтону весьма разнородные сигналы. Муллы продолжают придавать своей внешней политике антиамериканскую направленность и часто

Кеннет Поллак — директор по исследованиям в Центре ближневосточной политики Сабана при Институте Брукинга, автор книги «Персидская загадка: конфликт между Ираном и Америкой». **Рэй Тейкей** — старший научный сотрудник в области ближневосточных исследований в Совете по международным отношениям. Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 2 (март/апрель) за 2005 год. © 2005 *Council on Foreign Relations Inc.*

прибегают к агрессивным методам для достижения своих целей. Они пытаются вести подрывную деятельность против правительств Саудовской Аравии и других стран – союзников США на Ближнем Востоке; они начали жестокую кампанию террора, пытаясь сорвать израильско-палестинский мирный процесс, в котором Соединенные Штаты выступают посредником; они даже содействовали по крайней мере одному непосредственному нападению на США, взорвав «Хобар-Тауэрз» (казармы американских войск) в Саудовской Аравии в 1996-м. Хотя Тегеран демонстрирует агрессивность, антиамериканизм и склонность к насилию, его поступки все это время не являлись ни бессмысленными, ни опрометчивыми. Руководство Ирана тщательно выверяло свои действия, демонстрировало сдержанность, если риск был велик, и отступало, когда возникала угроза тяжелых последствий его шагов. Такая расчетливость позволяет предположить, что США, вероятно, смогут сдерживать Иран даже после того, как тот переступит ядерный порог.

Однако нет никаких сомнений в том, что США, Ближний Восток да и, вероятно, весь остальной мир чувствовали бы себя лучше, если бы им не пришлось иметь дело с «ядерным» Ираном. Не позволить Ирану стать таковым – это, безусловно, трудная задача. Похоже, Иран сумел добиться существенного успеха во многих аспектах своей ядерной программы благодаря масштабной помощи со стороны Китая, Германии, Пакистана, России и, возможно, Северной Кореи. Клерикальное иранское руководство показало также свою готовность идти на значительные жертвы для достижения наиболее важных целей.

Тем не менее есть основания полагать, что политический курс Тегерана все еще возможно изменить в случае, если Вашингтон сумеет воспользоваться уязвимыми местами режима. Хотя неуступчивые власти Ирана демонстрируют удивительную сплоченность перед лицом реформаторской оппозиции, в их среде наблюдаются серьезные разногласия по ключевым проблемам внешней политики, включая вопрос о важности обладания ядерным оружием. На одном полюсе в руководстве – самые ярые сторонники жесткой линии, пренебрегающие экономическими и дипломатическими соображениями и ставящие во главу угла безопасность Ирана. На другом – прагматики, считающие, что, дабы религиозный режим смог удержаться у власти в течение длительного времени, на первое место следует поставить задачу подъема находящейся на грани краха эко-

номики страны. Между этими двумя полюсами — многие из тех влиятельнейших «серых кардиналов» Ирана, кто не хотел бы выбирать между пушками и маслом.

Раскол в руководстве Ирана предоставляет возможность США и их союзникам в Европе и Азии выработать новую стратегию срыва намерений Ирана превратиться в ядерную державу. Западу следует использовать свои экономические рычаги для усиления позиций иранских прагматиков, что позволило бы последним убедительно выступить за замедление, ограничение или замораживание ядерной программы в обмен на торговлю, помощь и инвестиции, так необходимые Ирану. Муллы, возможно, только тогда откажутся от своих ядерных амбиций, когда осознают, что они обязаны сделать однозначный выбор между ядерным оружием и здоровой экономикой и не могут иметь и то и другое. С ростом тревоги по поводу ядерных притязаний Ирана у Соединенных Штатов и их союзников сейчас появляется шанс предъявить Ирану именно такой ультиматум.

ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ

Иранский консервативный блок — это множество группировок и противоречий между ними. Но если разногласия между реформаторами и консерваторами касаются внутренних проблем, то расхождение внутри консервативного блока связаны в основном с ключевыми вопросами внешней политики. Наследники исламской революции, начатой аятоллой Хомейни в 1979-м, все еще контролируют судебную власть, Наблюдательный совет за соблюдением Конституции и другие влиятельные институты, а также такие основные принуждающие органы, как Корпус стражей исламской революции и исламские группы бдительности организации «Ансар-э-Хезболла». Сторонники жесткого курса считают себя самыми верными учениками Хомейни; для них революция не столько мятеж против монархии, сколько продолжающееся восстание против западного империализма, сионизма и арабского деспотизма, то есть тех сил, что когда-то поддерживали американское присутствие в Иране. Аятолла Махмуд Хашеми Шахруди, глава судебной власти, сказал в 2001 году: «Наш национальный интерес состоит в том, чтобы сопротивляться Большому Шайтану. Мы клеймим любое проявление трусости по отношению к Америке и любые слова о компромиссе с Большим Шайтаном». Для таких идеологов, как Шахруди, международный остракизм — необходимая цена за преданность делу революции.

Прагматики из числа последователей Хомейни полагают, что живучесть режима связана с проведением более разумного внешнеполитического курса. Благодаря этим реалистам Иран оставался постоянным игроком на международном энергетическом рынке даже в разгар революционных страстей. Сегодня они объединяются вокруг бывшего президента — влиятельного Али Хашеми Рафсанджани и занимают ключевые посты в системе национальной безопасности. Один из ведущих деятелей этой группы Мохаммед Джавад Лариджани, в прошлом законодатель, утверждает: «Мы не должны проводить в отношении остального мира политику, которую бы я назвал политикой упрямства». Отказавшиеся от «политики упрямства», прагматичные консерваторы попытались достичь договоренностей в сфере экономики и безопасности с иностранными державами, такими, как Китай и Россия, а также с Европейским союзом. В ответ на свержение Соединенными Штатами режимов в двух граничащих с Ираном странах — Афганистане и Ираке прагматики насторожились, но в то же время проявили сдержанность. Так, наставляя своих более радикальных собратьев, Рафсанджани предупреждал: «Перед нами — жестокое и могущественное правительство США, и мы должны вести себя осторожно и осмотрительно».



Экс-президент Ирана Али Хашеми Рафсанджани: «Перед нами — жестокое и могущественное правительство США, и мы должны вести себя осторожно и осмотрительно»

Проблема Ирака подобным же образом вызвала отсутствие единства в иранской теократической верхушке. По мнению иранских реакционеров, идеологическая миссия Исламской Республики требует экспорта революции в страну, являющуюся главным арабским (в основном шиитским) соседом Ирана. Такая линия не только продемонстрировала бы сохраняющееся значение исламистских идей, некогда провозглашенных в Иране, но и дала бы Тегерану, находящемуся во все возрастающей изоляции, важного союзника. Напротив, позиция иранских реалистов обусловлена интересами национального государства и его потребностью в стабильности. Для этой группы самая важная задача — не допустить, чтобы религиозная и этническая напряженность, охватившая Ирак, перекинулась на Иран. Подстрекатель-

ство шиитов к восстаниям, отправка отрядов смертников и провоцирование ненужных столкновений с США едва ли отвечает интересам Ирана в то время, когда обостряются его внутренние проблемы. В результате ведущая группа иранского руководства убеждала иракских шиитов не препятствовать усилиям США по восстановлению страны, а участвовать в этом процессе и делать все возможное, чтобы избежать гражданской войны. В то же время сторонники жесткого курса добились разрешения на предоставление определенной помощи Армии Махди под командованием Муктады ас-Садра и другим шиитам, не приемлющим нового режима.

Верховный религиозный правитель Ирана аятолла Сейед Али Хаменеи балансирует между позициями этих двух лагерей. Как главный религиозный идеолог теократического режима, он разделяет революционные убеждения сторонников жесткого курса и их стремление к конфронтации. Но как глава государства, он должен защищать национальные интересы Ирана и искусно сочетать идеологический и государственный подходы. За 16 лет пребывания на посту верховного правителя Хаменеи стремился уравновесить влияние идеологов и реалистов, наделяя обе группы определенными полномочиями, чтобы не допустить доминирование одной из них. Однако последнее время меняющаяся политическая карта Ближнего Востока заставила его несколько изменить эту тактику. Учитывая опасное наступление американской сверхдержавы на границы Ирана, Хаменеи, один из наиболее решительно настроенных иранских «ястребов», вынужден по некоторым проблемам сближаться с прагматиками.

ЯДЕРНЫЙ КОЗЫРЬ

Стремление обладать ядерным оружием больше, чем какая-либо другая проблема, обострила напряженность среди иранского духовенства. Теократическая элита в целом сходитя во мнении, что Ирану следует продолжать разработку ядерной программы, которая в итоге позволит ему создать ядерную бомбу. В конце концов, теперь, когда Вашингтон доказал, что готов пустить в ход свою дерзкую доктрину упреждающего удара, намерения Ирана обладать ядерным оружием имеют стратегический смысл. Так что вину за это стремление нельзя полностью возложить на Тегеран. После того как Соединенные Штаты вторглись в Ирак, который не был ядерной державой, но уклонялись от применения силы против Северной Кореи, уже являвшейся таковой, иранцы пришли к заключению, что

ядерное оружие — это единственное эффективное средство удержать США от военных действий.

Хотя лидеры Ирана признают стратегическую важность активной ядерной программы, они не могут договориться относительно того, насколько интенсивной она должна быть. Консервативные идеологи настаивают на ядерном «прорыве», игнорирующем мировое общественное мнение, в то время как консервативные реалисты утверждают, что сдержанность более всего отвечает интересам Ирана. Те идеологи, кто считает конфликт с США неизбежным, полагают, что единственный способ гарантировать выживание Исламской Республики и воплощение ее идеалов — это обеспечить обладание ею независимым ядерным потенциалом. Али Акбар Натек-Нури, кандидат в президенты от консервативных сил в 1997 году, а ныне влиятельный советник Хаменеи, подвел итог недавним переговорам Ирана с европейскими странами, заметив: «К счастью, опросы общественного мнения говорят о том, что 75–80 % иранцев хотят сопротивляться и продолжать нашу программу и отвергают унижение». В космологии таких «ястребов» ядерное оружие не только имеет стратегическую ценность, но и является козырем во внутренней политике. Иранские консерваторы рассматривают вызов Большому Шайтану как способ мобилизовать националистические настроения вокруг дела революции, постепенно утратившего легитимность в глазах народа.

В противоположность этому реалисты из числа духовенства предостерегают: поскольку Иран находится под пристальным вниманием международной общественности, любой провокационный шаг со стороны Тегерана приведет к тому, что другие страны станут положительно воспринимать «карательный» подход Вашингтона и предпримут шаги по еще большей изоляции теократического режима. В одном из интервью, данном в 2002 году, министр обороны Али Шамхани, принадлежащий к лагерю прагматиков, предупредил, что «наличие ядерного оружия превратит нас в угрозу для других, и это может быть опасным образом использовано для того, чтобы навредить нашим отношениям со странами региона». Экономическая составляющая ядерной дипломатии также подталкивает прагматиков к сдержанности, поскольку ослабленная экономика Ирана не может позволить себе подвергнуться многосторонним санкциям. Как предупредил Рафсанджани, «если будут происходить внутренние и внешние конфликты, иностранный капитал не пойдет в нашу страну. Фактически такие конфликты приведут к оттоку капитала из страны».

ВСЕ ДЕЛО В ЭКОНОМИКЕ

Несмотря на богатые природные ресурсы, Иран по-прежнему страдает от высоких, выраженных двузначными цифрами уровней инфляции и безработицы. Каждый год на рынок труда приходит миллион молодых иранцев, но экономика страны может предложить работу менее чем половине из них. Пристрастие духовенства к централизации вызвало к жизни неэффективную командную экономику с раздутым бюрократическим аппаратом. Огромные субсидии на такие основные товары, как пшеница и бензин, поглощают десятки миллиардов долларов, но почти не помогают в борьбе с бедностью. Крупные фонды, благотворительные только по названию, монополизируют ключевые сектора экономики, действуя в условиях незначительной конкуренции, регулирования или налогообложения. Неэффективные государственные предприятия вытягивают средства из госбюджета, а министерства способствовали созданию огромного «серого» рынка коммерческих структур. Недавнее повышение цен на нефть – это отнюдь не долгосрочное решение иранских проблем; экономика страны дала слишком глубокую трещину. Спустя 25 лет после того, как иранская революция обещала создать более справедливое общество, Исламская Республика породила экономическую систему, которая работает только на благо клерикальной элиты и ее приближенных и душит частное предпринимательство.

Реформы возможны, но они потребуют распродажи госпредприятий и сокращения обременительных государственных субсидий. Иранская клерикальная элита слишком глубоко увязла в коррупции и слишком сильно боится потерять свои привилегии, чтобы поддержать меры, способные коренным образом изменить структуру экономики. Опасения, что программа радикальной приватизации вызовет народное недовольство, тормозят реформу. Любая попытка провести перестройку в госсекторе привела бы к еще большему к росту безработицы. Реакционный Наблюдательный совет вряд ли санкционирует приватизацию ключевых секторов, в частности банковского, поскольку такие меры противоречат Конституции Ирана. А проведение серьезной кампании против коррупции оттолкнуло бы тех, кто еще сохраняет преданность режиму.

Иранские технократы осознают, что экономическая ситуация в стране усложняется. Заместитель министра экономики и финансов Мохаммед Хазаи признал, что для обеспечения рабочими местами своих граждан Ирану понадобятся ежегодные инвестиции в размере

20 млрд долларов на предстоящие 5 лет. Над нефтяной отраслью, ставшим хребтом иранской экономики, нависают еще более трудные проблемы. По оценкам Иранской национальной нефтяной компании, для модернизации пришедшей в упадок инфраструктуры страны потребуются в течение ближайших 10 лет вложения в размере 70 млрд долларов; в компании рассчитывают, что около 75 % этой огромной суммы обеспечат иностранные нефтяные компании и международные рынки капитала. Поскольку клерикальная элита не способна реформировать экономику, иностранные инвестиции превратились в главнейший фактор экономического возрождения Ирана. Как считает Хазаи, «мы должны думать о привлечении иностранных инвестиций и о том, как подготовить почву для притока иностранного капитала».

Некоторые официальные лица даже высказывают предположения о том, что Иран не сможет преодолеть экономические трудности, если руководство страны будет и впредь сохранять такие напряженные отношения с Соединенными Штатами. Глава Организации управления и планирования Хамид Реза Барадаран Шорака в отчаянии отозвался об экономических санкциях, введенных Вашингтоном, как об одном из основных препятствий развитию страны. Продолжение антагонизма по отношению к США вряд ли будет способствовать отмене этих санкций.

В результате реалисты попытались использовать намерение Ирана получить ядерное оружие как средство, позволяющее строить более благоприятные отношения с США в области безопасности и экономики. Как и руководство Северной Кореи, иранская клерикальная верхушка надеется извлечь выгоду из ядерных устремлений Тегерана — добиться с их помощью переговоров с американцами и заставить Вашингтон пойти на уступки. На сентябрьской пресс-конференции (2004) такой авторитетный деятель, как секретарь Высшего совета национальной безопасности Хасан Рухани, признал, что Тегеран провел с американскими представителями конструктивные переговоры по вопросу войны в Афганистане, и добавил, что «подобные переговоры по ядерной проблематике полностью не исключаются». Опасаясь, что слабая экономика Ирана не выдержит новых многосторонних санкций, иранские прагматики готовы уступить по ядерному вопросу, чтобы помочь спасти хозяйство страны.

До сих пор это давление со стороны соперничающих группировок выливалось в непоследовательность позиции правительства. Иранское

правительство, даже согласившись приостановить усилия по обретению страной ядерного статуса, заявляло, что никогда не откажется от программы создания ядерного оружия, и фактически способствовало продолжению работы над ней. Между тем, пытаясь предотвратить введение международных санкций, Хаменеи временно примкнул к реалистам. Несмотря на призывы клерикальных подстрекателей и иранского парламента выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), он согласился в октябре 2003 года на подписание Ираном Дополнительного протокола к ДНЯО, который включает положения о довольно жестком режиме инспекций. В ноябре прошлого года Тегеран при посредничестве Великобритании, Германии и Франции подписал также соглашение о приостановке действий по обогащению урана и отказе от завершения ядерного топливного цикла.

НОВЫЙ ПОДХОД

Поскольку в иранском руководстве нет согласия по вопросу о том, как сочетать ядерные амбиции с экономическими потребностями страны, у Вашингтона есть возможность не позволить Тегерану переступить ядерный порог. Так как экономика все больше беспокоит иранское руководство, Вашингтон может усилить свои рычаги, проводя работу со странами, играющими наиболее значительную роль в сфере международных экономических отношений Ирана: это западноевропейские государства и Япония, а также Россия и Китай, если будет возможно убедить их сотрудничать с США. Данные государства должны сообща повысить экономические ставки в «ядерной игре» Тегерана. Им следует сделать так, чтобы Иран оказался перед нелегким выбором: либо ядерное оружие, либо экономическое оздоровление. Чтобы четко обрисовать Тегерану альтернативы, стоящие перед ним, понадобится существенно повысить как размеры дивидендов, которые он получит за уступчивость, так и цену, которую придется заплатить за неповиновение.

В прошлом разногласия между США и их союзниками позволяли Тегерану уходить от трудного выбора. На протяжении 1990-х Соединенные Штаты в отношении Ирана проводили в жизнь исключительно стратегию сдерживания, действуя посредством жестких санкций и осуществляя малоэффективную программу тайных операций. Тем временем европейские страны отказывались даже выступать с угрозой разорвать свои торговые связи с Ираном, как бы плохо последний себя ни вел. Тегеран настраивал Европу против США,

используя щедрую экономическую помощь европейцев для смягчения последствий американских санкций, и все это время успешно работал над своей секретной ядерной программой.

Сегодня ситуация иная. Положительным результатом отрицательной (хотя и успешной) деятельности Ирана в ядерной области можно считать то, что теперь ему будет гораздо труднее уходить от ответственности. Обнаруженные данные о том, что за последние два года Иран приблизился к производству расщепляющихся материалов, могут помочь в формировании единой позиции Запада. В 1990-х европейцы имели возможность игнорировать многие допущенные Ираном нарушения в силу неоднозначности имевшихся доказательств. Но из-за того, что МАГАТЭ недавно обнаружило так много фактов, свидетельствующих о секретной деятельности Ирана по обогащению урана, а Тегеран впоследствии признал их, европейцам будет крайне затруднительно (если не сказать — невозможно) закрывать на все это глаза. Пока неясно, насколько серьезно Европа относится к усилиям Ирана в ядерной области, но европейские государственные деятели и в публичных, и в неофициальных заявлениях уже не пытаются приуменьшить значение этой деятельности. Более того, когда во время переговоров с ЕС в ноябре [2004 года] Тегеран попросил согласиться с тем, чтобы 20 опытных центрифуг продолжали функционировать, европейцы ответили отказом. Такая решительность знаменует собой резкий отход от позиции безответственности, характерной для Европы в 1990-х. То, что Иран быстро уступил, — явный признак его боязни навлечь на себя гнев своих экономических благодетелей.

Сейчас есть возможность проводить такую многостороннюю политику, которая сможет убедить Тегеран отказаться от его ядерной программы. США и их союзники должны совместно выработать и представить два сильно отличающихся друг от друга сценария для Ирана. Он, согласно первому сценарию, соглашается отказаться от своей ядерной программы, принимает режим всеобъемлющих инспекций и прекращает поддержку терроризма. В обмен на это Соединенные Штаты отменяют санкции и урегулируют претензии Тегерана в связи с активами шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Запад также рассмотрит вопрос о приеме Ирана в международные экономические организации, такие, как Всемирная торговая организация, возможность расширения торговых связей Ирана и даже, не исключено, предоставления ему экономической помощи.

Западные государства должны подсластить эту договоренность согласием помочь Тегерану в удовлетворении его энергетических потребностей (которые якобы оправдывают существование программы ядерных исследований) и обещанием не прибегать к прямому военному нападению. Соединенные Штаты также могут способствовать созданию новой архитектуры безопасности в Персидском заливе, в рамках которой иранцы, арабы и американцы найдут такие пути сотрудничества, которые позволят им избавиться от тревог за свою безопасность, — примерно так, как в 1970—1980-х годах Вашингтон строил свои отношения с Россией в контексте Европы. Если же Иран, напротив, решит придерживаться своего нынешнего курса, союзники США присоединятся к Вашингтону и применят именно такие санкции, которые, как боятся муллы, потопят находящуюся на грани краха иранскую экономику. Эти санкции могут принять любую форму — от запрета инвестирования в конкретные проекты или целые сектора экономики (такие, как нефтяная отрасль) до разрыва всех коммерческих контактов с Ираном, если окажется, что он не готов выполнить требования Запада.

ПОВЫШАЯ СТАВКИ

В идеальном мире иранцы согласились бы уладить все разногласия с Западом, заключив одну большую сделку. Такое всеобъемлющее соглашение в наибольшей степени отвечало бы интересам Вашингтона, так как оно явилось бы самым быстрым способом урегулирования нынешних споров и самой надежной основой для строительства новых отношений сотрудничества. И в самом деле, при президентах Рональде Рейгане, Джордже Буше-старшем и Билле Клинтоне Вашингтон неоднократно предлагал такой подход. Но консервативные идеологи в Тегеране подавляли усилия любого иранского представителя, который пытался принять умиротворительные предложения США. Администрация Клинтона сделала почти дюжину односторонних шагов навстречу Ирану, включая частичную отмену санкций, чтобы дать возможность реформаторскому правительству Сейеда Мохаммеда Хатами участвовать в таких переговорах. Но эти попытки примирения провоцировали негативную реакцию со стороны консерваторов, что в конечном счете ослабило правительство Хатами.

Даже при том, что большая сделка представляется маловероятной, учитывая все сложности внутривнутриполитической обстановки в Иране, политика, по-настоящему основанная на принципе «кнута и пряни-

ка», остается жизнеспособным вариантом. В этом случае западные страны выдвинули бы для Ирана те же два сценария, которые, однако, были бы представлены как изложение сути совместной политики, а не в качестве возможных итогов двусторонних переговоров с Тегераном. Представители от США, европейских стран и Японии (а также от любой другой страны, желающей принять участие, включая Китай и Россию) четко указали бы, что Иран должен и что не должен предпринимать. В отношении каждого из этих шагов союзниками будут установлены положительные и отрицательные стимулы («пряники» и «кнуты») для того, чтобы Тегеран мог отчетливо сознавать, какую выгоду сулит ему прекращение ядерной и террористической деятельности и какое наказание грозит ему за отказ.

Осуществить все это будет нелегко. Соединенным Штатам и их союзникам придется немало потрудиться над выработкой четких критериев, по которым определялась бы «уступчивость» Ирана, и между ними, скорее всего, возникнут разногласия по вопросу о том, в какой мере следует вознаграждать или наказывать Тегеран за каждое действие. Но такой подход может сработать, если будет основываться на нескольких важных принципах.

Во-первых, эта стратегия требует, чтобы и потенциальное вознаграждение, и потенциальное наказание были ощутимыми. Иранские сторонники жесткого курса просто так не откажутся от своей ядерной программы. Хотя муллы не так упрямы, как лидер Северной Кореи Ким Чен Ир (они сознательно не пойдут на то, чтобы три миллиона их сограждан умерли от голода только ради сохранения ядерной программы), они, безусловно, готовы подвергнуться серьезным лишениям, лишь бы сохранить надежду на получение ядерного оружия. Поэтому изменить поведение Тегерана, способны только по-настоящему действенные стимулы: крупные вознаграждения, которые могут возродить экономику, или же жесткие санкции, чреватые неминуемым ущербом для хозяйства страны.

Во-вторых, Тегеран необходимо ознакомить с перспективой внушительных вознаграждений, а не только наказаний; Вашингтон должен быть готов пойти на послабление в отношении Ирана в обмен на реальные уступки со стороны последнего. Выдвижение такого условия прежде всего обусловлено тем, что на нем настаивают европейцы. Европейские дипломаты постоянно заявляют: если Тегеран будет по-прежнему демонстрировать ненадлежащее поведение, они смогут убедить лидеров своих стран прибегнуть к угрозе

применения серьезных санкций против него (к чему правительства европейских стран не склонны) только в том случае, если США согласятся вознаградить «уступчивость» Ирана предоставлением ему реальных экономических выгод.

Более того, «пряник» должен быть настолько же привлекателен, насколько опасен «кнут». Только перспектива значительных бонусов обеспечит поддержку иранским прагматикам, настаивающим на пересмотре Тегераном своей позиции по ядерной проблеме, с тем чтобы добиться выгодных предложений, необходимых для оживления больной экономики страны. Нынешние уровни торговли и инвестиций из Европы и Японии недостаточны для решения застарелых экономических проблем. Доводы прагматиков прозвучат убедительно только в том случае, если удовлетворение Тегераном требований Запада поможет иранской экономике работать лучше, чем сейчас. Уступки в экономической сфере, достаточные для поддержания нынешних показателей, едва ли подействуют на колеблющихся в своем выборе иранцев, а вот гораздо более щедрые экономические стимулы могли бы повлиять на них.

Печальный опыт 1990-х, когда попытки установить жесткий режим санкций против Ирака пробуксовывали, позволяет говорить еще об одной составляющей подхода к политике в отношении Тегерана. Один из уроков, связанных с тогдашними событиями вокруг Ирака, состоял в том, что, хотя многие правительства угрожали Садаму Хусейну санкциями на случай, если он бросит вызов международному сообществу, в действительности мало кто применил санкции, когда иракский лидер повел себя именно так. Заблаговременное четкое определение всех действий, ожидаемых или нежелательных со стороны Тегерана, а также установление конкретного вознаграждения или наказания за каждый из этих шагов — наилучший способ не допустить, чтобы Иран и союзники США отказывались от своих обязательств (как они поступали в прошлом).

И последнее. Любое стимулирование должно строиться на градуированной системе — так, чтобы пусть даже небольшие предпринятые Ираном шаги, положительные или отрицательные, приносили бы Тегерану соразмерное поощрение или санкции. Для того чтобы иранцы хотя бы рассмотрели возможность отказа от своих ядерных амбиций, необходимо, чтобы они с самого начала ощущали реальную выгоду, а также сумели не потерять из виду «золотые горы», маячащие в конце пути. И напротив, Тегеран, скорее всего,

не изменит свой курс, если его нежелание идти навстречу не будет навлекать на него все более суровые последствия. В отсутствие системы немедленных и автоматических наказаний Иран, скорее всего, станет действовать так, как и на протяжении 1990-х годов: отмахиваться от обещаний и предупреждений Запада как от пустой риторики, одновременно продолжая работать над своей программой при сохранении статус-кво.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ИЗ ПЛОХИХ ВАРИАНТОВ

Конечно, нет никакой гарантии, что такой подход убедит Тегеран отказаться от его ядерных проектов или поддержки терроризма. Даже если Иран все-таки свернет свои проекты, данная стратегия далеко не идеальна: достаточно сказать, что она потребует от Вашингтона еще в течение какого-то времени сосуществовать с режимом, к которому он питает отвращение. Но, недвусмысленно определив, какие выгоды Иран приобретет за сотрудничество и каким наказаниям подвергнется за свое упрямство, политика кнута и пряника заставит иранское руководство встать перед выбором, который оно никогда не хотело делать: либо отложить ядерную программу, либо столкнуться с опасной возможностью краха своей экономики. Поскольку в Иране экономические неурядицы — основная причина народного недовольства режимом, есть все основания полагать, что руководство страны, поставленное перед таким выбором, предпочтет (пусть и без особой охоты) спасти экономику и начнет поиск других путей реализации своих устремлений в области безопасности и внешней политики.

Вместе с тем данный подход — наилучший из всех возможных, так как у него гораздо больше шансов на успех, чем у альтернативных вариантов. Вторжение в Иран просто не должно рассматриваться; Вашингтону не следует решать проблему иранской ядерной программы и поддержки Ираном терроризма так же, как он действовал в отношении движения «Талибан» и режима Саддама. Америка играет ключевую роль в процессе восстановления Афганистана и Ирака и поэтому располагает весьма ограниченными силами для вторжения еще в одну страну. Горная местность Ирана и значительная часть националистически настроенного населения страны, похоже, превратили бы любую военную кампанию в кошмар. Послевоенное восстановление стало бы более сложным и изматывающим делом, чем в Афганистане и Ираке.

Даже при том что большинство иранцев хотят иметь правительство иного типа, чем нынешнее, и более дружественные отношения с США, было бы безрассудством считать, что Вашингтон может решить проблемы, связанные с ядерными амбициями Тегерана, организовав переворот или призывая народ к революции, способной смести существующий режим. Судя по всему, молодые иранцы относятся к Америке лучше, чем о ней думало старшее поколение, но более широкие взгляды молодых не надо путать с их желанием американского вмешательства в иранскую политическую жизнь; в прошлом такое вмешательство вызывало яростные протесты населения. Более того, хотя многие иранцы, может быть, и хотят иметь иное правительство, они практически не продемонстрировали стремление принять необходимые меры к низложению нынешнего. Большинство устало от революций: когда в стране назрела революционная ситуация в разгар студенческих демонстраций летом 1999-го, мало кто внял горячим призывам. Есть все основания полагать, что дни режима сочтены, но мало поводов думать, что режим падет очень скоро или что США могут многое сделать для ускорения его краха. Пропаганда смены режима — это, возможно, полезное дополнение к новой политике в отношении Ирана, но оно не решит текущие проблемы Вашингтона, ассоциированные с иранской ядерной программой и поддержкой Ираном терроризма.

По аналогии с этим стоимость воздушных ударов по ядерным объектам Ирана, неопределенность и риски, с ними связанные, слишком велики, чтобы можно было считать их не чем иным, как самым последним средством, какими бы ни были на сей счет надежды некоторых членов администрации Буша. Поскольку Тегерану удавалось скрывать свои основные ядерные объекты, неясно, в какой степени даже успешные бомбардировки способны затормозить разработку ядерного оружия. Более того, Иран, скорее всего, нанесет ответный удар даже в том случае, если причиненный ему ущерб окажется незначительным. Иран обладает самой эффективной террористической сетью в мире, и Соединенным Штатам придется быть готовыми к целой серии атак. Пожалуй, еще более важным обстоятельством является то, что начало военной кампании со стороны США может побудить Тегеран развязать подпольную войну против американского воинского контингента в Ираке. Иранцы там, конечно, не всемогущи, но все-таки они способны значительно усугубить и без того тяжелую ситуа-

цию и привести к росту потерь. Если не повысить качество разведанных об иранской ядерной программе и не усовершенствовать систему обороны на случай ответного удара со стороны Ирана, то идею ведения воздушной кампании следует положить под сукно в качестве крайней меры.

Сегодня Иран на распутье. Он может умерить свои ядерные амбиции до параметров, определенных ДНЯО, или безрассудно переступить ядерный порог, размахивая бомбой как орудием революционной дипломатии. Он может сыграть позитивную роль в восстановлении стабильности в Ираке или же выступить в роли догматика, усугубляя религиозный и этнический раскол в Ираке. Каким бы трудным ни было положение американцев в Ираке на сегодняшний день, Тегеран в состоянии осложнить его еще больше: он может разжечь серьезный мятеж и дестабилизировать обстановку в соседнем государстве, которое и так не назовешь безопасным. Со времени свержения Саддама Хусейна Иран направлял в Ирак представителей духовенства и «стражей исламской революции» и выделял средства для создания там замысловатой сети влияния. Пока неясно, каковы конкретные цели религиозной верхушки Ирана, но есть опасения, что они могут идти вразрез с целями США.

Многое теперь зависит от курса Вашингтона, обстановки безопасности, складывающейся в регионе, и от того, насколько Вашингтону и его союзникам удастся воздействовать на Тегеран и заставить его сделать выбор между ядерными амбициями и экономическим благополучием. Учитывая экономическую слабость Ирана и зыбкость баланса сил в руководстве страны, можно рассчитывать на то, что стратегия, предполагающая солидное вознаграждение и суровое наказание, сумеет убедить Тегеран отказаться от своих ядерных планов, особенно если европейцы и японцы готовы в полной мере участвовать в этом процессе. По существу, это единственный на настоящий момент план, имеющий реальные шансы на успех. Вместо того чтобы критиковать политику других государств в отношении Ирана, Соединенным Штатам надо перестать действовать по принципу «лучшее — враг хорошего». У Вашингтона есть возможность сдерживать вызывающие тревогу устремления Тегерана — причем с помощью союзников и не прибегая к силе. Если США не воспользуются этой возможностью немедленно, то в скором будущем они могут пожалеть о том, что не сделали этого.

Между Бушем и Бушером

Александр Винников, Владимир Орлов

В неформальной беседе осенью 2003 года высокопоставленный иранский чиновник задал одному из авторов этих строк вопрос примерно следующего содержания: «А что, собственно, будет Ирану, если он выйдет из Договора о нераспространении ядерного оружия и Международного агентства по атомной энергии? Вот ведь Северная Корея вышла – и что?» Ответ, конечно, последовал незамедлительно: это, мол, вызовет международное осуждение, и дело может пойти и до изоляции, и даже до применения военной силы...

На этом вопрос был исчерпан, но тон вопрошавшего, его стремление прощупать такого рода возможность произвели-таки эффект: на несколько секунд воцарилась, как говорят, неловкая пауза.

Сегодня, оглядываясь назад, понимаешь, какой нелегкий путь удалось пройти с тех пор, маневрируя между Сциллой и Харибдой, а именно склонностью администрации Джорджа Буша-младшего к конфронтационным решениям, с одной стороны, и пристрастием иранцев к постоянной недосказанности и сталкиванию лбами США, Европейского союза и России – с другой.

Вмешательство Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), постоянные визиты инспекторов этого агентства в Иран

А.З. Винников – аспирант факультета политики и международных отношений Оксфордского университета и стипендиат им. сэра Эдварда Хита в Бэллиол-колледже, сотрудник Женевского центра политики безопасности.

В.А. Орлов – директор ПИР-Центра, профессор Женевского центра политики безопасности, главный редактор журнала «Ядерный Контроль».

Полная версия данной работы под заголовком «Россия, многосторонняя дипломатия и иранский ядерный вопрос» будет опубликована в «Научных записках ПИР-Центра».



(1) Президент Ирана Хатами посещает ядерный объект в Натанзе.
(2) Завод по производству тяжелой воды в Араке

и неослабевающее внимание его Совета управляющих к «иранскому досье» доказали свою действенность. Как справедливо отметил в ноябре 2004 года генеральный директор МАГАТЭ Мухаммед эль-Барадеи, «мы делаем успехи. Вначале было трудно, но с декабря 2003-го мы наблюдаем значительный прогресс в области сотрудничества, допуска к объектам и к информации».

22 ноября 2004 года по соглашению с европейской «тройкой» (Великобритания, Германия, Франция) Иран временно заморозил свою программу по обогащению урана. А 29 ноября Совет управляющих МАГАТЭ, оговорившись, что закрывать «иранское досье» еще рано, поскольку некоторые вопросы к Тегерану остаются, принял резолюцию по иранской ядерной программе, в которой не содержалось и намек на необходимость передачи имеющихся документов Совету Безопасности ООН. В марте 2005 года после долгих колебаний и подчас противоречивших друг другу заявлений Соединенные Штаты приняли решение об «ограниченном присоединении» к усилиям европейской «тройки».

На фоне столь мощной дипломатической активности особенно бросается в глаза тот факт, что Москва оказалась в тени. А ведь с

середины 1990-х именно Россия, будучи единственным государством, открыто сотрудничавшим с Ираном в области атомной энергетики, упоминалась чуть ли не в каждом сообщении средств массовой информации, касавшемся иранской ядерной программы. Что может значить это дистанцирование России? Является ли оно вынужденным спонтанным шагом, или же это тщательно отрепетированная «домашняя заготовка»?

«НАШ ДАВНИЙ, СТАБИЛЬНЫЙ ПАРТНЕР»

Несколько лет назад в кулуарах научно-практической конференции арабский тележурналист спросил у высокопоставленного российского чиновника, доверяет ли Москва Ирану в вопросе о его истинных ядерных намерениях. «Конечно доверяет, — на ходу бросил собеседник. — Со времен Грибоедова только и делает, что доверяет». В эфире появилась только первая часть фразы, авторы репортажа явно споткнулись на фамилии, не фигурирующей в списке действующих российских политиков и дипломатов. А если бы журналисты приложили некоторые усилия, смысл ответа оказался бы несколько другим: в 1829 году русский дипломат и писатель Александр Грибоедов был растерзан озверевшей толпой в Тегеране.

В действительности Россия относилась и относится к Ирану с большой долей настороженности, если не сказать — подозрительности. Доверительными эти отношения не были никогда. Как-то на встрече с американскими бизнесменами тогдашний российский премьер Виктор Черномырдин похвастался: «Россия никогда не позволит, чтобы Иран создал свое атомное оружие. Иран — наш сосед, и мы хорошо знаем, что там происходит». Но так ли это на самом деле?

Комплексный подход к формированию российско-иранских отношений Москва выстраивала долго и болезненно. Достаточно вспомнить, что в декабре 1996-го, когда Россия уже приступила к сооружению в Иране Бушерской АЭС и защищала этот контракт от давления со стороны США, Министерство обороны России причислило Иран к одной из «потенциальных угроз» безопасности России по причине «резкого наращивания» Тегераном «наступательного потенциала». Лишь начиная с 2000–2001 годов атомное сотрудничество стало рассматриваться в более широком контексте стратегического диалога с Тегераном, а сам Иран превратился в глазах Москвы в ключевого стратегического партнера России на Большом

Ближнем Востоке. Президент Владимир Путин охарактеризовал Иран как «давнего, стабильного партнера» России.

Тогда же было заявлено: все разногласия России и США из-за Ирана обусловлены не расхождениями во взглядах на его ядерную программу (наши позиции здесь хотя и не совпадают, но в целом близки), а разными представлениями о том, какой должна быть общая политика в отношении Исламской Республики Иран. США выступают за изоляцию Ирана, Россия – за сотрудничество с ним. Кроме того, Россия, в отличие от США, полагает, что «Иран – это не государство, которое является почему-то пораженным в правах, мы не видим для этого никаких оснований» (интервью президента России В.В. Путина телеканалу «Аль-Джазира». Куала-Лумпур. 2003. 16 окт.).

Как писал российский специалист, ответственный в МИДе РФ за «иранское направление», Иран является сегодня чуть ли не единственным на всем Большом Ближнем Востоке государством, которое успешно и поступательно наращивает свой экономический, научный, технологический и военный потенциал. По мнению дипломата, Иран с его грамотным населением, высоким интеллектуальным уровнем элиты, обществом, консолидированным вокруг исламских ценностей, огромными природными ресурсами (11 % нефтяных и 18 % газовых мировых запасов) и выгодным геостратегическим положением просто «обречен» на то, чтобы занять место регионального лидера и важного международного игрока в регионе от Ближнего Востока до Южного Кавказа, да и за его пределами. Таким образом, **«партнерство с Ираном... становится одной из ключевых задач внешней политики России** (выделено нами. – **Авторы**)» (Г. Ивашенцов. Россия – Иран. Горизонты партнерства // Международная жизнь. 2004. № 10. С. 22).

ОЦЕНИВАЯ РИСКИ

Еще в конце 1980-х многие российские эксперты по нераспространению начали с тревогой поглядывать в сторону Тегерана, интерес которого к военным ядерным исследованиям становился очевидным. Ядерные амбиции, вероятнее всего, были вызваны успехами главного врага Ирана – Саддама Хусейна в деле создания оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки. После поражения Саддама в войне 1991 года, установления международного контроля над иракскими ядерными, химическими и биологическими программами и их последующего демонтажа интерес Ирана к

ядерному оружию, казалось, ослаб. Тем не менее еще в 1993-м Служба внешней разведки (СВР) Российской Федерации предположила в своем открытом докладе, что в Иране «имеется программа военно-прикладных исследований в ядерной области. Однако без внешнего научного и технического содействия появление ядерного оружия у Ирана в этом тысячелетии маловероятно. Даже если внешняя помощь будет поступать беспрепятственно, а в саму программу будут вложены соответствующие финансовые средства – 1–1,5 млрд дол. ежегодно, – то и в этом случае создание ядерного оружия достижимо не ранее, чем через 10 лет» (СВР РФ. Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения. Москва, 1993). В докладе не упоминался Пакистан как вероятный источник той самой «внешней помощи», но присутствовал явный намек на то, что при серьезном содействии извне мир может столкнуться в 2003 году с новой реалией – ядерным Ираном.

Больше того, примерно в это же время Россия предложила США в конфиденциальном формате обсудить беспокоившую ее информацию об активности Тегерана в ядерной области. Насколько известно, эта инициатива Соединенные Штаты не заинтересовала. А уже в 1995-м администрация Билла Клинтона начала системную атаку на Москву в связи со строительством Бушерской АЭС. Американцы обвиняли Россию в ядерном партнерстве со страной, которая, как теперь говорили в Вашингтоне, ведет, согласно разведанным, разработку ядерного оружия. Это давление не ослабевало практически на протяжении всего срока клинтоновской администрации; иранская тема занимала важное место (отнимая немало времени) в повестках дня саммитов Россия – США.

После принятия в 2001 году в России закона, разрешающего ввоз отработанного ядерного топлива (ОЯТ), в речах американских экспертов то и дело стало звучать предложение, увязывающее два обстоятельства. Россия, мол, отказывается от ядерного сотрудничества с Ираном, а США снимают ограничения на импорт в Россию ОЯТ из Японии, Южной Кореи и Тайваня. Пойди Москва на это, получила бы в денежном выражении куда больше дивидендов, чем от контрактов с Ираном.

Но нельзя не учитывать, что *ключевой национальный интерес* состоит для России не в получении еще нескольких сотен миллионов долларов, заработанных на контрактах с Ираном, а в том, чтобы ее сосед, имеющий масштабные ракетные проекты, сохранял свой неядерный статус.

Поэтому неудивительно, что Путин, которого в уже упоминавшемся интервью «Аль-Джазире» спросили о его отношении к иранской ядерной программе, начал не с сотрудничества, а с нераспространения: «Я лично считаю, что проблема возможного распространения оружия массового уничтожения в XXI веке является ключевой. Это одна из самых главных проблем современности».

Во второй половине 1990-х в Москве действительно был зафиксирован рост интереса иранцев к российским предприятиям и институтам — прежде всего ракетостроительным, а также и ядерного топливного цикла (ЯТЦ). В ответ из России стали высылать иранских вербовщиков и были предприняты шаги по отлаживанию системы внутрифирменного экспортного контроля на собственных предприятиях. Это, однако, не остановило утечку в Иран чертежей, информации, умов, а иногда и контрактов российских предприятий в обход действующего законодательства и внедренного в 1998 году экспортно-контрольного правила «всеобъемлющего экспортного контроля» (*catch-all*).

К тому же в Москве уже в те годы с еще бóльшим беспокойством начали приглядываться к треугольнику Пакистан — Иран — Северная Корея. В 1999-м руководитель «нераспространенческого» управления российской Службы внешней разведки публично предупреждал: «Со стороны стран риска <...> на острие этой работы [по обходу национальных систем экспортного контроля] находятся спецслужбы, которые обладают прекрасно отработанными методами добывания той самой закрытой технологии и материалов из секретных, прежде всего оборонных, отраслей, которой они затем подчас делятся между собой: корейцы консультируют пакистанцев, те — иранцев... Если мы в **ближайшее время** не решим эту проблему, мы будем сталкиваться с самыми **удивительными** нарушениями» (генерал-лейтенант Г.М. Евстафьев на конференции «Экспортный контроль: законодательство и практика». Цит. по: Экспортный контроль в России: наивно ожидать простых решений // Ядерный Контроль. 1999. № 3. С. 12).

Скудость информации всегда была и сегодня остается основной проблемой относительно того, что касается иранской ядерной программы. Москва не раз подозревала, что под сенью Корпуса стражей исламской революции, а возможно, в обход МИДа и даже президента Ирана с разной степенью интенсивности велись параллельные военные ядерные исследования. В Москве (как и в Париже, и

в ряде других столиц, где проходили формальные и неформальные консультации с представителями Ирана) неоднократно отмечали несогласованность позиций иранских дипломатов и специалистов-ядерщиков, нередко противоречивших друг другу в оценке даже простых фактов. Поэтому Москва много раз и иногда даже навязчиво повторяла Вашингтону: «Если у вас имеются реальные факты, давайте их изучим». Но получала отказ с неизменной ссылкой на невозможность выдать разведисточники. В Москве сделали вывод, что сведения, вызывающие главные опасения американцев, исходят из Израиля и, не исключено, надуманны.

В какой-то момент, по крайней мере на публичном уровне, оценки Москвы смягчились. Россия заявила, например, о том, что ее разведка «не обнаружила убедительных признаков наличия [в Иране] скоординированной и целостной военной ядерной программы» и что «уровень достижений Ирана в ядерной области не превышает аналогичного показателя еще для 20–25 стран мира» (пресс-конференция директора СВР Примакова Е.М. по случаю представления доклада «Договор о нераспространении ядерного оружия». 1995 год). В одном из официальных документов по Ирану, датированных осенью 2000 года, утверждалось: «Наши контакты с иранцами показывают, что они настроены на деловой и откровенный разговор по экспортно-контрольной проблематике, демонстрируют готовность к дальнейшему развитию сотрудничества в этой сфере. Как представляется, у них есть понимание важности данного вопроса. ... Руководство Ирана неоднократно подтверждало мирную направленность осуществляемой в стране ядерной программы и ее транспарентность» (цит. по: О российско-иранском сотрудничестве в чувствительных сферах // Вопросы безопасности. 2000. № 20 (86). 25 окт. С. 8).

Тем обиднее было для Москвы узнать во второй половине 2002-го подробности о построенном центрифужном заводе в Натанзе, а также и о ряде других объектов ядерного топливного цикла. В Москве мало кто предполагал, что иранцы сумели настолько быстро и значительно продвинуться вперед. У российских специалистов это вызвало и уважение (хотя они признавали, что работающие в экспериментальном режиме установки могут быть еще слишком «сырыми», чтобы решать заявленные Ираном масштабные задачи), и новые вопросы. В Москве крепло подозрение: использование ЯТЦ в мирных целях — это не более чем способ замаскировать военные амбиции Ирана, Тегеран же ведет дело к «выскальзыванию» из Договора о нераспространении

ядерного оружия (ДНЯО), что может произойти лет через пять-шесть, когда его ядерная программа «дозреет» и ее можно будет стремительно перевести на военные рельсы.

Эти события Россия восприняла весьма болезненно. Будучи единственным государством мира, сотрудничающим с Ираном в области атомной энергетики, она рассчитывала — вероятно, несколько наивно — на эксклюзивные, доверительные отношения с Ираном, который, как предполагалось, должен был ставить Москву в известность обо всех своих шагах в ядерной области, пусть и не связанных с двусторонним сотрудничеством. Причем ожидалось, что Иран будет информировать своего российского партнера заблаговременно. Как не очень убедительно объясняли потом иранцы, они «хотели заранее пригласить в Натанз [министра по атомной энергии] Румянцева, все ему заранее показать, но у того не нашлось времени приехать».

Москва с трудом скрывала раздражение. В ответ иранцы решили разыграть «европейскую» карту. Москве намекнули, что если она отойдет от духа партнерства, то ничто не помешает Тегерану выбрать себе новых партнеров, и что, например, Франция — первая в европейской очереди на получение контрактов: на кону были еще шесть энергоблоков, а может быть, и больше. В Иране вдруг вспомнили про, казалось бы, отброшенные после революции 1979 года планы шаха построить в стране 20 атомных энергоблоков.

Россия умудрилась проявить чудеса сдержанности и, вместо того чтобы закрывать глаза на неискренность Ирана, начала выстраивать откровенный диалог с той же Францией, имевшей, как выяснилось, серьезное «досье» на Иран, а также с Германией и другими европейскими странами. Раз обжегшись, в Москве решили, что, не имея разносторонней информации, вряд ли следует на всех международных форумах бросаться на амбразуру, защищая Иран и его право на мирную ядерную деятельность, которым он открыто злоупотребил.

В июне 2003-го из французского города Эвиана, где проходил саммит «большой восьмерки», Тегерану был послан недвусмысленный, жесткий сигнал: «Мы не будем игнорировать развитие продвинутой ядерной программы Ирана... Мы убедительно призываем Иран подписать и выполнить Дополнительный протокол МАГАТЭ без задержек или условий. Мы решительно поддерживаем подробное исследование со стороны МАГАТЭ ядерной программы этой страны». Еще за несколько месяцев до саммита Москва, безусловно, не подписалась бы под подобным текстом.

ОТ ДАВЛЕНИЯ К ДИАЛОГУ

До последнего времени диалог по иранской тематике между Россией и США шел со скрипом — и прежде всего из-за неприкрытого давления, которое Америка оказывала на Россию в связи с бушерским контрактом. В российских экспертных кругах сложились две точки зрения на причины такого давления. «Экономисты» объясняли его «беспощадной борьбой без всяких правил на мировом рынке атомной энергии». Как отмечено в одной из российских официальных записок 2000 года, «отказ от дальнейших связей с ним [Ираном] нанес бы серьезный урон российским политическим и экономическим интересам в регионе и в итоге означал бы создание благоприятных условий для прихода на иранский рынок аналогичной западноевропейской, а затем и американской продукции» (О российско-иранском сотрудничестве в чувствительных сферах // Вопросы безопасности. 2000. № 20 (86). 25 окт. С. 4).

«Геополитики» видели в поведении США более далеко идущее стремление — не допустить установления партнерских, стратегических отношений России с Ираном, скомпрометировать Иран в глазах Москвы и любой ценой нанести урон и без того сложному российско-иранскому диалогу. Некоторые специалисты также исходили из того, что действия Соединенных Штатов обусловлены не столько позицией самого Вашингтона, сколько влиянием на него израильского лобби.

В середине и во второй половине 1990-х, да и позднее, Соединенные Штаты нередко пытались использовать «бушерский вопрос» как разменную монету в диалоге с Москвой. Так, госсекретарь США Уоррен Кристофер поднимал в 1995 году вопрос об отказе России от сотрудничества с Ираном в качестве условия предоставления Москве полноправного членства в «восьмерке». В частных беседах американские официальные лица упоминали о возможной комбинации, предполагавшей отказ России от бушерского контракта в обмен на отказ США выйти из Договора по ПРО. Концепция «размена» действительно была популярной в среде неправительственных и даже у околоправительственных экспертов по обе стороны океана и периодически всплывала в разных контекстах.

Однако на самом деле в Москве эту концепцию никогда не воспринимали всерьез и никогда не дали бы ход подобным сделкам. Даже мысль о том, чтобы отступить от Ирана, всегда представлялась Кремлю недопустимой, унижительной. Достаточно вспомнить,

как завелся обычно невозмутимый российский президент (в Куала-Лумпуре в 2003 г.), когда услышал реплику одного журналиста: «Многие говорят, что вы сдали Иран». Даже в моменты особого недовольства иранскими партнерами Москве казалось, что лучше инициативно заморозить строительство Бушерской АЭС и потом посмотреть на развитие ситуации, чем отказаться от проекта в обмен на американские «пряники». Вообще, давление США на Россию по иранской проблеме оказалось не только бесполезным, но и контрпродуктивным.

В итоге диалог между Россией и США по Ирану начал шаг за шагом выравниваться. От пикировок стороны перешли к обмену оценками ситуации. Администрация Буша, по сути, сняла с повестки дня вопрос о Бушерской АЭС, согласившись с тем, что ее строительство и функционирование не могут угрожать международной безопасности до тех пор, пока отработанное ядерное топливо будет возвращаться в Россию. Пакет документов на этот счет был подписан руководителем Федерального агентства по атомной энергии Александром Румянцевым в Тегеране в феврале 2005 года.

Судя по результатам встречи президентов Буша и Путина в Братиславе (24 февраля 2005 г.), тема Ирана, столь важная – по разным причинам – для обоих лидеров, постепенно вытесняется из первых пунктов двусторонней повестки дня. Накануне саммита американские СМИ писали, что Иран и нераспространение станут главными темами переговоров, однако на совместной пресс-конференции Иран был упомянут только единожды. «Мы договорились, что у Ирана не должно быть ядерного оружия. Я ценю понимание, которое проявил Владимир. У нас был очень конструктивный диалог о том, как достичь этой общей цели», – сказал Джордж Буш. Путин вообще не коснулся этой темы. В ходе саммита он, похоже, проинформировал американского коллегу о том, что российский министр в ближайшие дни собирается подписать в Тегеране соглашение о возврате ОЯТ, открывая тем самым дорогу запуску Бушерской АЭС.

Но к тому моменту администрация США уже переменяла свое видение политики в отношении Ирана. Военный сценарий (точечные бомбардировки ядерных объектов), то и дело возникавший в самом начале 2005-го, был отодвинут, переведен в разряд «запасных». По результатам европейского турне Джордж Буш решил пусть и в очень ограниченном формате, но все же работать вместе с «европейскими друзьями».

«ТРОЙКА» ПЛЮС ОДИН

Усилия европейской «тройки» в октябре 2003 и ноябре 2004 года привели к заключению договоренности о временном замораживании Ираном программы по обогащению урана в обмен на признание Европейским союзом права Ирана, как участника ДНЯО и члена МАГАТЭ, на реализацию мирной ядерной программы. Согласно той же договоренности, Евросоюз не препятствует завершению Россией строительства Бушерской АЭС, равно как и вероятной установке новых легководных реакторов; гарантирует Ирану возможность поставок топлива для АЭС на рыночных условиях, а также доступ к ядерным технологиям; поддерживает кандидатуру Ирана на членство в ВТО; рассмотрит шаги по развитию обширного экономического сотрудничества с Ираном; начнет диалог по вопросам безопасности, вызывающим особую тревогу Тегерана.

Для успешного продвижения этих инициатив Москва, оставаясь в тени, провела серьезную «артподготовку». Россия, считают дипломаты, участвующие в переговорах «тройки» с Ираном, сыграла весьма существенную роль в том, чтобы убедить Тегеран подписать Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ (декабрь 2003 г.). Со своей стороны высокопоставленный чиновник МИДа РФ назвал договоренности ноября 2004-го «прорывом». Правда, придется оговориться, что после европейского турне Кондолизы Райс, а затем и Джорджа Буша зимой с.г. позиция европейской «тройки» претерпела одно существенное изменение: вместо «заморозки» иранской программы по обогащению урана там теперь требуют ее полного, на веки вечные, демонтажа. Надо еще разобраться, чего в этом больше: возросшего беспокойства «тройки» по поводу истинных намерений Тегерана, следствия давления со стороны США, или же просто повышения ставок на переговорах, чтобы затем можно было выходить на компромиссные позиции? Но все же трудно представить себе, чтобы такая гордая и смотрящая далеко вперед страна, как Иран, пошла на добровольный и постоянный отказ от самой возможности иметь программу обогащения урана (возможность, которая представлена Ирану на законных основаниях — согласно ДНЯО) и чтобы европейцы не учитывали этой особенности иранских подходов.

На данный момент интересы и цели России и ЕС на «иранском направлении» во многом совпадают. Обе стороны заинтересованы в стабильном, не несущем угрозы Иране, поскольку это государство

является соседом России, а в будущем, возможно, и Европейского союза. И та, и другая сторона осознают стратегическую роль Ирана как важнейшего источника нефти и газа, а также как транзитного пункта на транснациональных транспортных коридорах. Как Россия, так и ряд стран — членов Евросоюза, в частности Германия, убеждены, что Иран еще не принял политическое решение о создании собственного ядерно-оружейного арсенала. То есть Россия и ЕС оценивают масштаб угрозы принципиально иначе, нежели США. Москву и Брюссель сближает представление о важности солидного набора «пряников» в диалоге с Тегераном, Вашингтон же больше внимания уделяет «кнуту».

Наконец, и Россия, и Европейский союз (в том числе страны «тройки», и особенно Франция) торопятся, используя отсутствие США, продвигать на многообещающем иранском рынке свои коммерческие интересы (прежде всего в атомном, нефтегазовом, автомобильном и оборонно-промышленном секторах). Соображения экономического характера способны превратиться в источник конфликта интересов. За политическими декларациями о тесном сотрудничестве России и Евросоюза по иранскому ядерному вопросу скрывается растущая конкуренция за экономические преимущества.

Однако атомная энергетика — не единственная область, в которой долгосрочные интересы России и ЕС могут столкнуться. Еще один потенциальный камень преткновения — сектор военно-технического сотрудничества. Европейский мораторий на продажу оружия Ирану был весьма выгоден российскому ВПК: по некоторым оценкам, Иран является третьим (после Китая и Индии) рынком экспорта российских обычных вооружений.

Напряженное российско-европейское состязание прослеживается и в сфере нефтегазовой энергетики. Несмотря на разного рода юридические препоны и риск санкций со стороны США, компании из России и из стран — членов Европейского союза давно начали битву за допуск к энергетическим ресурсам Ирана. В тендерах на разработку иранских крупных нефтяных полей участвуют такие европейские компании, как *BP* (наследница *Anglo-Iranian*), *Shell*, *TotalFinaElf*, *ENI*, *Sepsa*, норвежская *Statoil*. На сегодняшний день нефть составляет 80 % общего иранского экспорта в Евросоюз. Российская доля пока скромнее. Однако «ЛУКОЙЛ» имеет масштабные перспективные проекты в Анаране, а «Газпром» присоединился к другим гигантам (в числе которых французский *TotalFinaElf*) в рам-

ках проекта стоимостью два миллиарда долларов по развитию огромного газового месторождения в южном Парсе.

Наконец, ЕС давно считает, что самая эффективная форма поддержки реформаторов в Иране — политика «обусловленного вовлечения» Тегерана. В Москве, однако, поддержка реформаторов не только не является приоритетной задачей, но и даже рассматривается многими как угроза удобному статус-кво. Москва неплохо наладила работу и с нынешним умеренным президентом Сейедом Мохаммедом Хатами и с его наиболее вероятным «сменщиком» консерватором-прагматиком Али Хашеми Рафсанджани.

«ТИХАЯ ДИПЛОМАТИЯ» МОСКВЫ

Некоторое время назад многие западные СМИ только и делали, что писали о том, как Россия, тайно или явно, якобы помогает Ирану продвигаться к созданию ядерного оружия. Сегодня, однако, критики российско-иранского ядерного сотрудничества признали, что успехи Тегерана — результат содействия со стороны Пакистана, а отнюдь не России. А по некоторым направлениям ядерных научно-исследовательских и инженерных работ иранцы добились прогресса собственными силами. Бушерская стройка оказалась не более чем удобным «громоотводом» для иранцев, торопившихся с развитием собственной негласной центрифужной программы.

Вместе с тем в последние два года Москва, находясь «за сценой», ни разу не снизила темп диалога с Тегераном по всему набору проблем, связанных с нераспространением ОМУ. Так, о решении Ирана присоединиться к Дополнительному протоколу было объявлено именно в Москве. Но в какой-то момент Москва умышленно уступила пальму первенства европейской «тройке».

Так в чем же суть «тихой политики» России в отношении Ирана и его ядерной программы?

Во-первых, Россия нацелена на продолжение и даже на активизацию ядерного сотрудничества с Ираном. В Росатоме считают, что решение Совета управляющих МАГАТЭ в ноябре 2004 года устранило барьеры в совместной работе Ирана с западными странами и Россией в области высоких ядерных технологий. А крупный российский дипломат, принимавший участие в консультациях с европейской «тройкой», заметил: «От нас они (члены «тройки») хотели одного — гарантированных поставок ядерного топлива для Бушера в Иран. Мы готовы это сделать. И для нас важно, что теперь к нам

никто не сможет приставать, что мы якобы делаем что-то незаконное в Иране, — ведь нас поддерживает Западная Европа».

После позитивных сдвигов в переговорах европейской «тройки» с Ираном и на фоне более спокойного обсуждения «иранского досье» в МАГАТЭ нет особых препятствий для начала переговоров о возведении второго энергоблока Бушерской АЭС или даже строительства АЭС на новой площадке.

Во-вторых, в качестве условия для дальнейшего сотрудничества Россия ставит неукоснительное исполнение Тегераном обязательств перед МАГАТЭ, включая скорейшую ратификацию Дополнительного протокола, а также информирование этого агентства по всем остающимся в «досье» вопросам.

В-третьих, Москва намеревается тщательно следить за выполнением всех пунктов заключенного с Ираном в феврале нынешнего года соглашения о возврате ОЯТ с Бушерской АЭС, а также сопутствующего пакета документов. В первые два года после пуска Бушерской АЭС контроль за ее работой будет полностью осуществляться российскими атомщиками, впоследствии — иранцами, но под присмотром россиян.

В-четвертых, выбирая меж двух зол — объективным обострением российско-европейской конкуренции за иранские рынки и невозможностью сотрудничества с Ираном в результате его международной изоляции, — Москва сделала ставку на «интернационализацию» ядерного диалога по иранской тематике и соответственно на поддержку усилий европейской «тройки».

В-пятых, Россия, которая с беспокойством следит за «замыканием» иранского ЯТЦ, отдает себе отчет в том, что со временем Иран сможет достаточно быстро перевести свою мирную программу на «военные» рельсы. Москва стремится к тому, чтобы Тегеран перешел от временной приостановки программы по обогащению урана к полному отказу от нее. Для этого требуется создать (используя и «пряники» европейской «тройки», и гарантии безопасности Ирану со стороны США, и систему мер МАГАТЭ) необходимые условия, которые стимулировали бы не только Иран, но и другие государства, идущие похожим путем, отказаться от собственных программ обогащения. То есть это может быть только суверенное решение самого Ирана. «Передавливать» в данном вопросе вряд ли было бы продуктивно, да и с правовой точки зрения для этого нет оснований.

В-шестых, учитывая недостаточность имеющейся информации по Ирану, Россия всячески пытается наладить обмен соответствующими конфиденциальными сведениями, причем как на двустороннем уровне (с США, Германией и другими странами), так и на уровне «большой восьмерки».

Конечно, дефицит сведений о ситуации в Иране – проблема не только России, но и США и Евросоюза. Как подчеркнул недавно бывший аналитик ЦРУ Кеннет Поллак, «до нападения на Ирак мы знали, что наша информация была неадекватной, но не осознавали, до какой степени она была некачественной. Сегодня большинство чиновников в разведке считают, что наша информация о механизме принятия решений в Тегеране и о иранском ОМУ еще более отрывочная и ненадежная». В докладе специальной комиссии Лоуренса Силбермена о состоянии американской разведки резкой критике подвергается качество разведанных США по Ирану.

Тот факт, что Москва упорно настаивает на более активном вовлечении инспекторов МАГАТЭ в процесс контроля над иранским ядерным комплексом, отчасти обусловлен именно желанием лучше разобраться в противоречивой информации, поступающей из Ирана. По этой же причине Россия придает такое большое значение и собственному атомному присутствию в Иране.

Вместе с тем при всей неопределенности ситуации в Иране Москва по-прежнему не разделяет мнение (доминирующее в Вашингтоне и, судя по всему, в Лондоне) о том, что Иран уже принял политическое решение о создании ядерного оружия. Но в России (как и в Берлине и Париже) признают: Иран способен принять такое решение, если во внешнеполитических событиях произойдет неблагоприятный для него поворот (чего полностью исключить нельзя). Так что остается работать над устранением причин, могущих побудить Иран, достаточно рационального, по мнению Москвы, игрока, обрести собственный ядерный арсенал.

Таким образом, теряясь в догадках по поводу истинных ядерных намерений Тегерана, Москва пытается балансировать между очевидными стратегическими соблазнами и «нераспространенческой» осторожностью в отношении своего «трудного» соседа и партнера. При всем при том, однако, она явно склоняется к стимулированию сотрудничества и политике «оправданного риска».

Ядерный подход к сегодняшней реальности

Джон Дейч

ВИДОИЗМЕНЕНИЕ УГРОЗЫ

Распад Советского Союза повлек за собой радикальные геополитические сдвиги, которые должны были привести к существенным изменениям в ядерной доктрине Соединенных Штатов. Пересмотр политики администрацией Клинтона в 1994 году и администрацией Буша в 2002-м, привел, однако, лишь к незначительным изменениям. В результате Соединенные Штаты не могут убедительно обосновать ни наличие нынешней структуры своих ядерных сил, ни ту политику, на которую опирается руководство отраслью ядерных вооружений.

Окончание холодной войны не означало, что Соединенные Штаты могут полностью отказаться от ядерных вооружений. Их существование — это реальность, а знания, необходимые для их производства, широко распространены. Но за последнее десятилетие фундаментально изменилось лицо ядерной угрозы: теперь речь идет не о широкомасштабном нападении, а об использовании одного или нескольких устройств страной-изгоем или субнациональной группой против Соединенных Штатов или против одного из их союзников. Создание препятствий на пути распространения ядерного оружия — путем замедления роста числа государств, обладающих ядерным потенциалом, усилия по предотвращению попадания ядерных устройств в руки террористических группировок, а также посредством

Джон Дейч — профессор Массачусетского технологического института. Занимал посты заместителя министра обороны, председателя Совета по ядерным вооружениям и директора ЦРУ в администрации президента Билла Клинтона, а также заместителя министра энергетики в администрации президента Джимми Картера. Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 1 (январь/февраль) за 2005 год. © 2005 *Council on Foreign Relations Inc.*

защиты существующих запасов — превратилось в не менее важный приоритет, чем сдерживание масштабных ядерных нападений.

К сожалению, сегодняшняя ядерная доктрина США не отражает этого сдвига. Вашингтон все еще содержит большой ядерный арсенал, созданный в период холодной войны, и пренебрегает тем, какое воздействие его ядерная политика оказывает на политику других государств. На самом деле, учитывая огромное преимущество Соединенных Штатов в обычных вооружениях, они не нуждаются в ядерном оружии ни для ведения войны, ни для сдерживания обычной войны. Таким образом, им следовало бы значительно сократить масштаб своих ядерных программ. Политическому руководству США следовало бы резко уменьшить количество развернутых боеголовок, находящихся на вооружении регулярных войск, и сделать более прозрачной деятельность по накоплению ядерных запасов (действующих и списанных боеголовок и ядерных материалов), установив тем самым стандарт безопасности для других стран. Соединенным Штатам, однако, не следует отказываться от ядерных сил, которыми они располагают в настоящее время, и нужно даже оставить открытой возможность проведения некоторых видов ограниченных ядерных испытаний. Короче говоря, новая ядерная доктрина США должна стимулировать международные усилия по нераспространению, не жертвуя при этом способностью Соединенных Штатов сохранять свой ядерный подход, сдерживающий нападение.

ДВОЙНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

В прошлом политические лидеры США обсуждали множество возможных способов использовать ядерное оружие, в том числе массированное возмездие, минимизацию ущерба при обмене ядерными ударами или установление контроля над эскалацией при более ограниченных сценариях. Но при этом они всегда понимали, что назначение ядерного оружия состоит в сдерживании войны, а не в том, чтобы ее вести. Однако для действенного сдерживания необходимо, чтобы угроза превентивного или ответного применения этого оружия была вполне убедительной. Отсюда следует, что независимо от количества или состава вооружений в ядерном арсенале они должны поддерживаться в состоянии готовности, а не храниться как «деревянные пушки».

В период холодной войны набор ядерных сценариев определял задачу стратегического сдерживания Советского Союза. Количество

вооружений в соответствии с Единым комплексным оперативным планом (*SIOP*) — стратегией ядерного нападения, разработанной военными и одобренной президентом, — зависело от числа способов нападения, числа целей (как военных, так и городских и промышленных) и желательного уровня «ожидаемого ущерба», наносимого каждой цели. «Ожидаемый ущерб» зависел от «прочности» цели, ее вероятной досягаемости, а также от взрывной мощности и точности программируемого боевого средства. Не требуется особого воображения, чтобы понять, что расчеты такого рода практически оправдывали приобретение нескольких тысяч единиц стратегического оружия, что и произошло. В 1970-е и 1980-е годы в арсеналах Соединенных Штатов и Советского Союза накопилось также несколько тысяч единиц тактического ядерного оружия, менее крупных устройств, предназначенных для регионального или боевого применения.

Хотя природа сегодняшних угроз и ставит под вопрос смысл для Соединенных Штатов содержать большие ядерные запасы, но ядерные вооружения продолжают играть в безопасности США одну из ключевых ролей. В конечном счете нет никаких гарантий, что геополитическая обстановка не изменится радикально и новоявленный более воинственный Китай или возвращение России к тоталитаризму не вынудят Соединенные Штаты больше полагаться на свои ядерные силы. Более того, роль Вашингтона, как ведущей ядерной державы, по-прежнему способствует ограничению ядерных амбиций других государств. Союзники США, в первую очередь Германия и Япония, отrekliсь от создания собственных ядерных программ в обмен на защиту под прикрытием системы безопасности Соединенных Штатов. Если бы США ликвидировали свой ядерный арсенал, другие страны могли бы поддаться искушению начать работу над созданием собственного.

Сам факт обладания ядерными державами таким оружием не оказывает прямого влияния на устремления тех стран и террористических групп, которые уже решили им обзавестись. Правильно оценивая ситуацию или заблуждаясь, они считают, что приобретение ими ядерного оружия повысит их безопасность. Изменение ядерной доктрины США, безусловно, не разубедило бы никого из новейших членов ядерного клуба — Израиль, Индию или Пакистан — в их стремлении заполучить атомную бомбу. А между тем Северная Корея и Иран гораздо больше озабочены обычным военным потенциалом Соединенных Штатов, чем ядерными силами. Они, вероятно,

стремились бы к обладанию ядерным оружием и в том случае, если бы у Америки его не было, а возможно, даже более решительно.

Вместе с тем для достижения целей нераспространения Соединенные Штаты опираются на сотрудничество многих стран, и в этом отношении ядерный потенциал США имеет существенную значимость. Достижение успеха в деле нераспространения требует введения ограничений на передачу ядерного сырья и технологий, поощрения эффективных инспекций Международного агентства по атомной энергии и укрепления стандартов защиты ядерных материалов и установок. Сотрудничество существенно необходимо также для того, чтобы установить международные критерии, препятствующие ядерным устремлениям неядерных государств. (Эта цель на самом деле поднимает вопрос об изначальной лицемерии ядерных держав: они сохраняют собственные арсеналы, одновременно отказывая в этом праве другим. Это противоречие побудило Вашингтон неудачным образом взять на себя обязательства по статье 6 Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), чтобы «в духе доброй воли вести переговоры» о полном разоружении, хотя он и не стремится к этой цели.)

В конечном счете Вашингтон должен добиться примирения конфликтующих целей: поддержание адекватного ядерного подхода, соответствующей современным угрозам, с одной стороны, и обуздания распространения ядерных вооружений, с другой. Администрации Буша не удалось достичь сбалансированного решения этого вопроса. Некоторые официальные лица выступили с неудачными политическими заявлениями об упреждении, намекая на то, что правительство США фактически допускает возможность нанесения ядерного удара первыми. Доклад о состоянии ядерных сил на 2002 год, представленный нынешней администрацией, опрометчиво рассматривает потенциалы неядерного и ядерного ударов как часть единого континуума возмездия. Политическое руководство использовало техническую и геополитическую неопределенность в качестве довода в пользу модернизации комплекса вооружений и сохранения сильных испытательных и производственных мощностей. Особенно достойно сожаления, что администрация Буша предложила вести работу над новой боеголовкой — «боеголовкой для поражения сильноукрепленных заглубленных целей» малой мощности. Хотя и можно оправдать ведение определенных исследовательских работ над боеголовками общего типа, необходимостью сохранения компе-

тенции разработчиков вооружений, но вместо этого администрация обосновала работу над данным боезарядом его военной пользой, подразумевая возможность его будущей разработки и производства. Тон этого предложения игнорирует косвенное воздействие новых исследовательских программ США по боеголовкам на отношение международного сообщества к нераспространению.

ДО КАКОГО УРОВНЯ МОЖНО ОПУСТИТЬСЯ?

Сегодня в том, что касается управления ядерным арсеналом США, следует иметь в виду решение двуединой задачи: удерживать от ядерного нападения на Соединенные Штаты или на их союзников посредством сохранения превосходящих ядерных сил с высокой «выживаемостью», а также гибко и с точностью реагировать на широкий спектр чрезвычайных ситуаций, включая нападение с применением химического или биологического оружия. Цель заключается в том, чтобы заставить любую страну или субнациональную группу, замышляющую использовать оружие массового поражения для осуществления теракта, грозящего катастрофическими последствиями, учитывать возможность ядерного возмездия со стороны США и полного уничтожения ее физических объектов или убежища.

Сегодняшняя постановка задачи не слишком отличается от ее постановки в прошлом, но новый характер угрозы означает, что для решения этой задачи требуется значительно меньше вооружений. В мае 2001 года президент Джордж Буш-младший, выступая в Национальном университете обороны, заявил: «Я твердо придерживаюсь курса на надежное сдерживание с помощью минимально возможного количества ядерных вооружений, соответствующего нуждам нашей безопасности, включая наши обязательства перед союзниками». Но что именно является «минимально возможным количеством»?

Расчет не может быть произведен с помощью классической методики *SIOP*: не существует соответствующих списков целей, аналогичных тем, которые составлялись во время холодной войны. Но даже приблизительный подсчет требуемого количества дает представление о том, насколько меньше мог бы стать ядерный арсенал США.

Флот из девяти атомных субмарин «Трайидент» с баллистическими ракетами на борту — половина от ныне имеющегося флота из 18 подводных лодок, способных нести 3 000 боеголовок, — мог бы представлять собой силу для ответного удара и обладать достаточ-

ной «выживаемостью». В каждый данный отрезок времени постоянное боевое дежурство будут нести три частично оснащенные субмарины — каждая с 16 ракетами D-5, укомплектованными 8 ядерными боеголовками (W76 и W88), общее число которых, таким образом, составит 384 единицы в состоянии боевой готовности. Еще три субмарины в это время будут находиться в пути (неся дополнительные 384 боеголовки стратегического резерва), а еще три — на техническом осмотре (следовательно, без вооружения). (Поскольку каждая «Трайидент» способна нести 24 ракеты, при таком развертывании их общее число сводилось бы к 1 728 подотчетным боеголовкам — в полном соответствии с «правилами арифметики» Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (имеется в виду *START-II*, или СНВ-2. — Ред.), и это наводит на мысль, что данные правила становятся неактуальными ни для Соединенных Штатов, ни для России.) Еще 200 оперативных ядерных боеголовок дополнительно укомплектуют ядерный флот, обеспечивая возможность гибкого реагирования. Они будут размещены на других средствах доставки, таких, как наземные межконтинентальные баллистические ракеты и крылатые ракеты на морских и воздушных платформах, что упрощает управление и контроль.

Такое развертывание — в сумме менее 1 000 боеголовок — окажется еще меньше предложенной Бушем цели сокращения в рамках Договора о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (имеется в виду *SORT*, или СНВ-3 иногда его называют Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов, СНП. — Ред.), то есть от 1 700 до 2 200 развернутых стратегических боеголовок к 2012 году. Однако этих более скромных ядерных сил будет достаточно и для сдерживания, и для реагирования. Предполагается, что у Китая, страны, которая с наибольшей вероятностью может попытаться сравняться с ядерной мощью США, в целом на вооружении имеется 400 боеголовок, включая небольшой, но растущий арсенал баллистических ракет, способных достичь территории Соединенных Штатов.

В прошлом все сокращения ядерных сил проводились в рамках российско-американских соглашений о контроле над вооружениями. При сегодняшних геополитических реалиях нет необходимости ждать официального заключения соглашений для того, чтобы перейти к сокращению ядерных сил. Разумеется, темп сокращения должен учитывать уровень ядерных сил России, а также политиче-

скую ситуацию в этой стране. Но озабоченность Вашингтона в отношении ядерных запасов Москвы не в меньшей, если не в большей степени связана с безопасностью и угрозой «бесконтрольных бомб», чем с угрозой нападения со стороны России.

Беспокойство по поводу безопасности ядерных запасов одновременно влечет за собой необходимость изменить способ подсчета ядерных боеголовок. В прошлом Вашингтон учитывал только оперативные боеголовки и средства их доставки, то есть то вооружение, которое представляло непосредственную угрозу. Однако сегодня для предотвращения распространения необходимо сосредоточиться не только на развернутых ядерных силах той или иной страны, но и на безопасности ее ядерных материалов и на намерениях тех, кто их контролирует. Соответственно, все ядерное оружие и материалы, включая развернутые боеголовки в процессе обслуживания или модификации, списанные боеголовки и весь оружейный высокообогащенный уран и выделенный плутоний, следует учитывать как часть ядерного резерва страны.

Такой пересмотренный способ учета позволит отменить устаревшее разделение на стратегическое оружие дальнего действия и тактическое оружие ближнего радиуса; в настоящее время все ядерное оружие требует одинакового внимания. Это также приведет к осознанию того факта, что необходимо обеспечивать безопасность всех ядерных средств, включая списанные боеголовки и радиоактивные материалы (такие, как отработанное топливо и низкообогащенный уран). Снятие боеголовки с вооружения должно означать перевод ее в другую категорию, а не полное исключение из общего списка, поскольку и само устройство, и содержащийся в нем ядерный материал будут по-прежнему требовать тщательного надзора.

При этом Соединенные Штаты должны подать пример другим государствам, обнародовав весь совокупный состав собственного ядерного резерва и сообщив число боеголовок и количество материала в каждой категории. В период холодной войны имелись веские основания держать эту информацию в секрете. Однако сегодня повышение прозрачности, соответствующее задачам нераспространения, укрепит безопасность США тем, что успокоит союзников и еще раз заставит задуматься потенциальных распространителей. Страны, противящиеся раскрытию информации, привлекут особо пристальное внимание международной общественности к своему потенциалу и своим намерениям.

СКРОМНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Управление ракетно-ядерным комплексом США находится в ведении Национальной администрации по ядерной безопасности (*NNSA*) при Министерстве энергетики. Запрошенный *NNSA* бюджет на 2005 финансовый год составил 6,6 миллиарда долларов, и предполагается, что к 2009-му эта сумма вырастет до 7,5 миллиарда. Учреждение, в котором работают около 35 000 человек, сталкивается с серьезными трудностями, в том числе с точки зрения возможности гарантировать компетентность своих сотрудников. То поколение ученых и конструкторов, которое разрабатывало, строило и испытывало ядерное оружие, давно ушло в отставку. У нынешних сотрудников трех основных военных лабораторий — в Лос-Аламосе (Нью-Мексико), Ливерморе (Калифорния) и Сандии (Нью-Мексико) — мало непосредственного опыта в деле разработки и испытания вооружений. А недавняя суровая критика в их адрес со стороны Министерства энергетики по поводу достойных сожаления упущений в обеспечении безопасности серьезно повлияла на моральный климат в лабораториях.

В 1992 году благодаря принятию поправки Эксона — Хэтфилда — Митчелла были запрещены все ядерные испытания за исключением тех, которые могут быть оправданы соображениями безопасности и надежности уже существующих запасов оружия. С тех пор сложилось единодушное мнение, что в них нет необходимости (что подтверждалось ежегодными отчетами Министерства обороны о состоянии безопасности и надежности ядерных вооружений), и Соединенные Штаты все это время соблюдали мораторий на ядерные испытания.

В отсутствие программы испытаний Министерство энергетики утвердило «программу обслуживания ядерного арсенала», направленную на сохранение знаний и технологий, необходимых для продления срока службы имеющихся в наличии боеголовок. Передовые компьютерные технологии позволили создать — благодаря Ускоренной стратегической инициативе в области компьютерных технологий (*ASCI*) Министерства энергетики — виртуальные модели и симуляторы, способные частично заменить лабораторные испытания, требующие использования сложного оборудования. Программа предусматривает также проведение субкритических лабораторных экспериментов, связанных с ядерным оружием, например, с помощью рентгенографической испытательной установки в Лос-Аламосе и установки для лазерной детонации в Ливерморе.

Программа обслуживания ядерного арсенала основана на допущении, что компьютерное моделирование последовательности фаз ядерного взрыва (начиная с первичной — детонации химического взрывчатого вещества и заканчивая вторичной — делением и термо-ядерным горением), подтвержденное данными экспериментальных испытательных установок, позволит техническим специалистам доверять новым или модифицированным вооружениям. Однако не все ученые согласны с этим допущением. Некоторые утверждают, что текущей программы достаточно для подтверждения безопасности и надежности существующего арсенала. Но единственный способ доказать эффективность данной стратегии — это продемонстрировать, что компьютерные коды действительно способны предсказывать результаты ядерного взрыва, как предполагает программа. Отсюда следует необходимость проведения «научных подтверждающих испытаний», но не для того, чтобы удостовериться в безопасности запасов или разрабатывать новые вооружения, а чтобы доказать, что фундамент практической физики, которая служит обоснованием для данной ядерной программы, остается прочным. Поэтому научное подтверждение тоже должно считаться приемлемым обоснованием для проведения испытаний, помимо необходимости контроля за решением проблем безопасности или надежности, который невозможно осуществить другими средствами. В действительности в прошлом состояние ядерных запасов в основном определялось с помощью доводочных испытаний, а не путем испытаний, специально предназначенных для подтверждения надежности вооружений.

Программа Национальной администрации по ядерной безопасности включает также несколько крупных и дорогостоящих установок, предназначенных для модернизации производственной инфраструктуры. В их числе — новое оборудование по извлечению трития в Лос-Аламосе, предприятие по разборке и конверсии ядерных зарядов в Саванна-Риверской лаборатории в Южной Каролине и планы по строительству современного оборудования по производству ядерных зарядов. Реализация каждого отдельного проекта может быть оправданна, но количество, размер и график этих разработок создают впечатление, что военный комплекс США расширяется и что Соединенные Штаты фактически не озабочены снижением роли ядерных вооружений.

Более реалистичный ядерный подход США нуждается в менее масштабной, но при этом высококачественной программе по иссле-

дованиям и проектированию вооружений, а также в укреплении производственного комплекса. Предложения, содержащиеся в действующей программе обслуживания ядерного арсенала, вполне разумны, но чтобы подтвердить адекватность имеющихся физических научных знаний, может потребоваться (а с технической точки зрения в идеале должно потребоваться) периодическое проведение «научных подтверждающих испытаний». Тщательный выбор времени и надежное управление такими испытаниями могли бы ослабить неблагоприятную международную реакцию, которую они неизбежно вызовут. Кроме того, хотя и не следует целиком препятствовать концептуальным разработкам новых боеголовок, но если проект таких разработок будет предложен и исполнен, не должно оставаться никаких сомнений в том, что касается продолжения работы над таким проектом. Большая прозрачность по отношению к деятельности Национальной администрации по ядерной безопасности поможет также убедить американскую и международную общественность в том, что Вашингтон добивается установления четкого баланса в управлении своими ядерными вооружениями.

ПЕРЕСМОТР КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ
Новая ядерная доктрина США должна учитывать текущие и предстоящие шаги в области контроля над вооружениями. Самым спорным из таких шагов является Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), который должен навсегда запретить все будущие ядерные испытания и не предусматривает возможности выхода из него. Соединенные Штаты не ратифицировали ДВЗЯИ (так же как Израиль, Индия, Иран, Пакистан и Северная Корея), но 109 стран (включая Великобританию, Китай, Россию и Францию) его ратифицировали.

Сторонники ДВЗЯИ видят в нем жизненно важное средство укрепления международных норм, направленных против ядерного оружия и способствующих его нераспространению. Сторонники ДВЗЯИ настаивают на том, что этот договор заслуживает особого внимания ввиду того, что при наличии программы обслуживания ядерных запасов Соединенным Штатам нет необходимости проводить испытания для подтверждения безопасности или надежности их арсенала. Противники договора заявляют, что существуют проблемы с проверкой соблюдения ДВЗЯИ, что испытания не влияют непосредственно ни на темпы, ни на вероятность успешного продвижения к цели таких реше-

тельно настроенных распространителей, как Северная Корея и Иран, и что, учитывая неопределенность в том, что касается будущих требований к новым вооружениям, было бы ошибкой навсегда отказаться от возможности проведения новых испытаний.

Аргументы обеих сторон в этой дискуссии имеют как сильные так и слабые стороны. Противники ДВЗЯИ правы в том, что испытания следует разрешить, если это требуется для обеспечения безопасности и надежности ядерных запасов. Однако они преувеличивают проблемы с проверкой соблюдения договора: только испытания очень маломощных зарядов (или испытания, при которых взрыв изолируется от окружающего грунта) имеют некоторый шанс избежать обнаружения. В то же время, хотя и правы сторонники ДВЗЯИ в том, что договор упрочит международные нормы нераспространения, вызывает сомнение их убежденность в том, что для обеспечения безопасности ядерных запасов больше никогда не понадобятся никакие испытания. (В действительности некоторые сторонники ДВЗЯИ, возможно, выступают против испытаний именно потому, что считают, будто без них уверенность в надежности ядерного оружия постепенно ослабнет и в конечном счете ядерные вооружения утратят свою сдерживающую ценность, а вместе с ней и свое значение.) Те, кто пытается обойти острый вопрос, заявляя, что будущий президент мог бы отказаться от договора во имя высших национальных интересов, исходят из мнения, что лучше принять договор, несмотря на серьезные оговорки, чем продолжать усилия по выработке такого договора, который мог бы разрешить все сложные проблемы.

К счастью, в этом споре существует разумная середина — заключить ДВЗЯИ на ограниченный срок. Бывшие помощники президента по национальной безопасности Brent Скоукрофт и Арнолд Кантер предлагали вступить в Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний на пятилетний срок (поскольку все согласны с тем, что в ближайшем будущем у США не будет необходимости проводить ядерные испытания), связывая это с возможностью продления участия в договоре на новые пятилетние сроки после его ратификации Сенатом. Преимуществом такого компромисса было бы наращивание усилий по нераспространению (что предпочтительнее отсутствия ДВЗЯИ вообще), при этом сохранится возможность не продлевать договор в случае изменения геополитической обстановки или по соображениям, связанным с состоянием ядерных запасов.

Аналогичный подход оказался эффективным в отношении ДНЯО, который был ратифицирован в 1969 году на 25-летний срок и предусматривал проведение через каждые пять лет конференций по его обсуждению и продлению и который в 1995-м был объявлен бессрочным. Оппоненты утверждают, что на данном этапе будет слишком трудно или невозможно изменить условия ДВЗЯИ, выработанные на международном уровне. Однако Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний не вступит в силу, пока его не ратифицируют 44 страны, и в их числе Соединенные Штаты, так что для США выбор состоит в том, что предпочтительнее: возобновляемый каждые пять лет ДВЗЯИ или его отсутствие вообще.

Второй до сих пор еще не ратифицированный договор о контроле над вооружениями — это Договор о прекращении производства расщепляющихся материалов, с инициативой которого изначально выступил в ООН президент Билл Клинтон в 1993 году; согласно данному договору было бы запрещено новое производство выделенного плутония и высокообогащенного урана. Это привлекательная мера, поскольку Соединенные Штаты и другие ядерные державы обладают значительными запасами оружейных материалов. Запрет воспрепятствовал бы началу нового производства в любой стране, что послужило бы основным целям нераспространения и ограничило бы общее количество материалов, безопасность хранения которых требуется обеспечивать.

В рамках Конференции ООН по разоружению Договор о прекращении производства расщепляющихся материалов обсуждался в течение нескольких лет. 4 августа 2004 года постоянный представитель США при ООН Джон Дэнфорт заявил, что, хотя администрация Буша и поддерживает запрет, она не считает эффективный контроль за его соблюдением осуществимым. Смысл этого и более ранних заявлений администрации Буша состоит в том, что имеющиеся недостатки проверки, дескать, могут стать препятствием для заключения договора. Но при новой ядерной доктрине противодействие этому договору становится необъяснимым. Ни один договор по контролю над вооружениями не поддается идеальной проверке; всегда остается риск того, что его нарушение останется необнаруженным. Осуществление проверок может оказаться более успешным, если страны, подписавшие договор, согласятся на инспекции. Обычно ни Соединенные Штаты, ни другие ядерные державы не соглашались на такие инспекции, но сейчас у США очень мало

причин им сопротивляться. В данном случае прозрачность опять-таки оказывается в интересах Соединенных Штатов. Страна, подписавшая договор и нарушившая его, будет заклеена в глазах международного сообщества как распространитель. А государство, отказавшееся подписать договор, тем самым обнаружит свой интерес к получению материалов, пригодных для изготовления бомбы.

Сторонники контроля над вооружениями предложили внести еще два существенных изменения в ядерную политику США: обязательство «неприменения ядерного оружия первыми» и снижение боеготовности ядерных сил. Однако даже с учетом изменившейся ядерной доктрины такие реформы не представляются убедительными.

В 1978 году Вашингтон принял на себя обязательство не использовать ядерное оружие против неядерных государств, подписавших Договор о нераспространении ядерного оружия, если только они не совершат нападение на Соединенные Штаты при поддержке ядерной державы. Однако последующие администрации Соединенных Штатов также придерживались политики «стратегической неопределенности», отказываясь исключить возможность ядерного ответа на нападение с применением биологического или химического оружия. Сторонники усиления политики «неприменения первыми» утверждают, что стратегическая двойственность делает ложный посыл другим правительствам, у которых создается впечатление, что, дескать, даже Соединенные Штаты с их подавляющим преимуществом в обычных вооружениях видят резон в том, чтобы оставить открытой возможность применить ядерное оружие первыми. И это впечатление, утверждают они, подрывает процесс нераспространения. Однако они недооценивают, до какой степени стратегическая двойственность помогает сдерживанию, оставляя потенциальных противников в неуверенности относительно реакции США.

Снижение боеготовности ядерных сил означало бы увеличение интервала между принятием решения о запуске ядерного оружия и его фактическим запуском для того, чтобы предотвратить случайные или несанкционированные атаки, избежать недоразумений и дать больше времени на переговоры в случае кризиса. В период холодной войны способность произвести немедленный запуск была продиктована необходимостью обеспечить выживаемость сил наземного базирования. Сторонники снижения боеготовности ядерных сил США справедливо утверждают, что теперь такая необходимость отпала. Однако они недооценивают практические препятствия для

снятия с боевого дежурства подводных лодок, оснащенных боеголовками. Если убрать боеголовки с субмарин, постоянное развертывание сил морского базирования станет невозможным; суда придется держать ближе к портам, рядом с боеголовками, где они будут более уязвимы. Вместо этого в процессе управления связью с субмаринами можно увеличивать время до запуска, однако не вполне понятно, каким образом такая мера способна укрепить доверие и как ее соблюдение можно проверить. В любом случае прежнее положение было бы легко восстановить, что весьма ограничивает полезность такой меры.

Наконец, Соединенные Штаты должны дать ясно понять, что любое сокращение американских ядерных сил не является первым шагом к их ликвидации. Ядерная доктрина США должна соответствовать прогнозируемым интересам безопасности страны. В более отдаленной перспективе, в зависимости от положения в мире, могут оказаться оправданными как переход к понижению, так и возможный возврат к повышению уровня ядерных сил.

Даже после завершения холодной войны ядерное оружие остается далеко не пустым символом; его нельзя просто ликвидировать вопреки надеждам некоторых защитников контроля над вооружениями и заявленным целям ДНЯО. Тем не менее ядерная доктрина США должна претерпеть изменения, чтобы соответствовать изменившейся ядерной угрозе. Ядерные силы США должны быть достаточно мощными, чтобы сдержать нападение или сохранить выживаемость и при этом максимально способствовать продвижению целей Вашингтона по нераспространению. Вместо того чтобы рассматривать нераспространение и ядерное сдерживание как взаимоисключающие цели, Соединенные Штаты должны формировать свои ядерные силы и управлять ими таким образом, чтобы они выполняли обе задачи.

Зигзаги интеграции



Плакат программы по возрождению Европы, 1950 год

“*Отношения с Европейским союзом, которые сегодня фактически доминируют в повестке дня российской внешней политики, должны занять менее значительное место в иерархии внешнеполитических приоритетов РФ. Зато в перспективе Россия и ЕС смогут вернуться к выстраиванию более высокого уровня интеграции не с нынешнего негатива, а с относительно «чистого листа»*”

Постсоветское пространство в эпоху прагматизма

Татьяна Валовая

158

Европейская стратегия России: новый старт

Ситуационный анализ под руководством Сергея Караганова

172

Циклы нефтяной зависимости

Александр Арбатов, Виктор Смирнов, Владимир Фейгин

185

Постсоветское пространство в эпоху прагматизма

Татьяна Валовая

Вот уже полтора десятилетия народы бывшего СССР мучительно пытаются расставить знаки препинания в простейшей фразе — «врозь нельзя вместе». В декабре 1991 года, после тяжелейшей агонии Советского Союза, представлялось, что проблема решена раз и навсегда: «Врозь. Нельзя вместе».

Но вскоре этот вопрос, связанный с синтаксисом, вновь оказался актуальным: эйфория суверенитетов на постсоветском пространстве быстро исчерпала себя. Стало ясно: для укрепления вновь обретенных суверенитетов государства бывшего СССР нуждаются в объединении усилий, поскольку разрыв традиционных связей слишком больно ударил по каждому из них. Стала набирать силу тенденция к реинтеграции, и в середине 1990-х показалось, что вот-вот возобладает тезис «Врозь нельзя. Вместе». Именно к этому периоду относятся наиболее значимые инициативы СНГ: Договор о создании Экономического союза (1993), Соглашение о создании зоны свободной торговли (1994), Соглашение о создании Платежного союза (1994), а также Соглашение о Таможенном союзе России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии (1995) и Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии (1996).

Однако, заполнив образовавшийся на постсоветском пространстве вакуум и достаточно успешно решив задачу «цивилизованного развода», Содружество Независимых Государств так и не смогло стать эффективно действующим региональным объединением. В экономической сфере дальше режима свободной торговли, да и то с изъятиями и ограничениями, продвинуться не удалось. Что

Т.Д. Валовая — д. э. н., профессор Финансовой академии при Правительстве РФ.

касается политических проблем, существующих в отношениях между участниками Содружества, то и здесь его роль невелика. Застарелые конфликты – приднестровский, югоосетинский, абхазский, карабахский – никуда не исчезли. Более того, за эти годы то и дело появлялись новые. Россия и Украина ссорились из-за дотоле никому не известной Тузлы – то ли острова, то ли косы. Российско-белорусские отношения погрузились в глубокий кризис и подошли к «моменту истины». Грузия, а затем Украина и Молдавия заявили о своем евроатлантическом выборе.

Что это – конец СНГ? Геополитическое поражение России? «Происки» западных стран и их спецслужб? Окончательная победа лозунга «Врозь. Нельзя вместе»? Отнюдь нет. Просто прагматизм, утвердившийся в политике в результате смены политических элит, окончательно пришел на постсоветское пространство.

ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ

Еще в середине 1990-х годов мне приходилось неоднократно высказывать мнение о том, что СНГ является во многом личным творением его основателей и в нынешнем виде вряд ли переживет их политический век. Не очень скромно цитировать себя, но в одной из публикаций 1997-го автор этих строк писала: «СНГ пока не имеет прочной институциональной базы и держится в значительной степени на личных контактах, доверительных отношениях высших руководителей стран-членов, многие из которых, как это прекрасно известно, давно знают друг друга “по совместной работе” еще в эпоху СССР. Большинство лидеров Содружества обладают похожими интеграционным менталитетом и политической культурой. Президенты стран СНГ по-прежнему говорят на одном языке – как в буквальном, так и в переносном смысле, они мыслят на одной волне, и многое в Содружестве совершается только благодаря их способности в своем узком кругу находить решение сложных политических вопросов.

Более того. Осознавая ответственность за принятое неизбежное, но тем не менее болезненное решение о роспуске СССР, “первое поколение” президентов государств Содружества старается как бы компенсировать своим народам те трудности, которые это решение породило. Отсюда, может быть, и проистекает хаотичное стремление к скорейшему форсированию интеграции, даже без подсчета ее экономических следствий.

С приходом новых “первых лиц” Содружество неизбежно станет иным. К власти придут люди, которые, не будучи отягчены ответственностью за прошлое, начнут относиться к интеграции так, как к ней в общем-то и следует относиться, — взвешивать ее плюсы и минусы, осуществлять лишь то, что отвечает экономическим и политическим интересам их стран».

Прогноз сбывается. В Содружество приходят новые лица, оно меняется на глазах. Иными становятся отношения между его участниками.

Первопроходцем здесь выступила именно Россия. На протяжении 1990-х годов политика Москвы в отношении стран СНГ уж чем-чем, а прагматизмом точно не отличалась. Ей были присущи крайняя противоречивость, если не сказать хаотичность, и шараханье из одной крайности в другую.

Временами Россия воспринимала страны СНГ как квазигосударства, как прежние союзные республики, если не сказать «бывшие колонии», которые, дескать, всё еще экономически зависимы от России также и в том, что касается поставок энергоносителей. Тезис «А куда они денутся?» нанес в начале 1990-х серьезный ущерб стратегическим интересам России на постсоветском пространстве. С очень большим опозданием российские политики заметили, что страны СНГ являются независимыми во всех смыслах этого слова, что они «обеспечили себе тылы», имеют альтернативные стратегии развития и альтернативных «союзников» — все то, что принято называть «многовекторной дипломатией».

Другая крайность — оборотная сторона этого же стереотипа: «В странах СНГ живут наши же люди, и им надо бескорыстно помогать, экономический расчет в братской дружбе неуместен». Отсюда, в частности, быстрый рост задолженности наших партнеров, в том числе по поставкам энергоносителей.

Бессистемная политика Москвы на постсоветском пространстве была связана с наличием несомненного, хотя и тщательно вуалируемого конфликта между долгосрочными стратегическими интересами России, требующими сохранения стран СНГ в зоне ее влияния, и текущими экономическими возможностями, не позволяющими проводить затратную внешнюю политику.

Тем не менее Россия начиная с 2000 года стала демонстрировать прагматичный подход к странам СНГ как к стратегическим, преференциальным партнерам, отношения с которыми, однако, должны базироваться прежде всего на точном экономическом расчете. Огра-

ниченность ресурсов заставила строго соизмерять потенциальный эффект от мероприятий, направленных на углубление как интеграции, так и двустороннего сотрудничества, с ценой, которую приходилось за них платить.

Таким образом, на рубеже тысячелетий пришло понимание: чем скорее мы откажемся от термина «ближнее зарубежье», чем скорее привыкнем к тому, что страны Содружества — это «зарубежье» настоящее, с которым необходимо иметь особые, привилегированные отношения, при этом ведя диалог на базе общепринятых международных принципов, тем лучше будет для всех, и в первую очередь для России.

ПАДЕНИЕ ПОСЛЕ ВЗЛЕТА?

Бесспорно, интеграция со странами СНГ отвечает и стратегическим, и краткосрочным интересам России. Но речь идет не об «интеграции любой ценой», а только о такой, которая укрепляет демократические и рыночные преобразования как в этих странах, так и в самой России, содействует экономическому росту, занятости и не противоречит задаче интеграции России в мировое сообщество в целом.

В последние годы именно этот прагматичный подход лежал в основе отношений России с государствами Содружества, и вплоть до самого недавнего времени он давал очевидные позитивные результаты. Удалось решить множество застарелых проблем в двусторонних отношениях. В частности, урегулированы газовые долги с Украиной и Молдавией. Началась стратегическая деятельность по формированию российско-украинского газового консорциума, в который в перспективе могут войти ведущие европейские компании. Завершена делимитация российско-украинской границы и найдена приемлемая развязка по азово-керченской акватории. Прделана огромная предварительная работа по подготовке к введению российского рубля в качестве единственного законного платежного средства на территории Белоруссии. Закрыта проблема задолженности в отношениях с Арменией и Таджикистаном. Большой прорыв осуществлен на каспийском направлении: договоренности с Казахстаном и Азербайджаном позволили приступить к использованию недр и определить принцип раздела Каспия: «Делим дно, вода — общая». Подписано долгосрочное соглашение о закупке Россией туркменского газа. Перечень можно продолжить.

Не менее впечатляют достижения в многостороннем формате. В 2000 году с учетом европейского интеграционного опыта создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) в составе России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, имеющее целью сформировать в перспективе общее экономическое пространство. Украина, Молдавия и Армения получили в этой организации статус наблюдателей. В предельно сжатые сроки подготовлено, подписано и ратифицировано Соглашение о формировании Единого экономического пространства (ЕЭП) России, Украины, Белоруссии и Казахстана, начата работа над документами, обеспечивающими его реализацию. Президенты России, Казахстана, Узбекистана и Туркменистана подписали заявление о стратегическом сотрудничестве в газовой сфере. Создана Организация Договора коллективной безопасности (ОДКБ) стран СНГ. Активно развернулся Антитеррористический центр СНГ...

И вдруг многое из достигнутого, казалось бы, перечеркивается неожиданным исходом избирательных кампаний в Грузии и Украине, обострением российско-молдавских отношений в преддверии и в результате выборов в Молдавии. Возникают вопросы: не дает ли сбой проводимая Россией в последние три-четыре года политика прагматизма? не способствует ли она ослаблению позиций России на постсоветском пространстве? Думается, ответы следует искать в самом характере равноправных взаимоотношений, которые предполагают наличие, как минимум, двух сторон, отстаивающих собственные интересы. Прагматичный подход России подразумевает и соответствующую прагматичную политику партнеров, которая иногда может восприниматься даже как антироссийская.

«Новый прагматизм» наших старых партнеров, неизбежная смена элит в ряде стран СНГ, управляемый либо спонтанный приход к власти новых политических сил и фигур — все это стало для Москвы серьезным экзаменом. Экзаменом на приверженность политике прагматизма, который, хочется надеяться, наша страна успешно выдержит.

ОТ ВИРТУАЛЬНОГО К РЕАЛЬНОМУ

Партнеры России могут сделать и уже порой делают выбор, не оправдывающий ее ожиданий. Но это их выбор. И в современную эпоху он всегда будет прагматичным. Так и возникают «противоестественные» на первый взгляд альянсы украинских и грузинских

«рыночников» с молдавскими «коммунистами». В этих условиях России важно не променять уравновешенный, прагматичный подход к соседям, доказавший в последние годы свои преимущества, на некие «геополитические концепции». В современных условиях все страны СНГ, равно как и Россия, руководствуются в своей внешней политике не чем иным, как национальными интересами, и сбалансировать их как раз и призвано искусство политики прагматизма. Именно с этих позиций следует анализировать современную ситуацию на постсоветском пространстве.

Необходимо открыто признать, что Содружество Независимых Государств, несмотря на ряд попыток его реформирования, по-прежнему представляет собой **виртуальное** интеграционное объединение со сложной, плохо управляемой бюрократической структурой. Сегодня его участники обсуждают контуры очередной реформы, однако, как и прежде, нет ответа на главный вопрос: какова конечная цель интеграции в рамках СНГ? Что создаем? Зачем создаем? Сколько это будет стоить? Каковы основные этапы строительства?..

Изначально в документах, подписанных в 1992–1993 годах, прежде всего в Договоре о создании Экономического союза, предполагалось, что СНГ будет развиваться по «нормальному» сценарию регионального интеграционного объединения:

- зона свободной торговли;
- таможенный союз;
- единое экономическое пространство с четырьмя свободами (движение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы);
- экономический и валютный союзы.

Однако одновременно с декларированием этих конечных целей ставилась задача, в корне им противоречившая, — сохранение суверенитета в полном объеме и отказ от формирования наднациональных органов. Хотя, как известно, даже таможенный союз, не говоря уже об экономическом и валютном, требует поступаться суверенитетом, передавая часть его наднациональным органам. Когда в середине 1990-х такое понимание появилось, о конечной цели СНГ вообще перестали упоминать.

В конце 1990-х годов, после ряда бурных президентских саммитов, была предпринята первая серьезная попытка осуществить реформу Содружества. В результате реорганизации институциональной структуры СНГ его аппарат стал менее громоздким, и все же в целом разрозненные управленческие органы объединить тогда не

удалось. Провозглашенная задача создания зоны свободной торговли де-факто решена, но прежде всего в результате соответствующих двусторонних договоренностей.

Словом, планируемая реформа СНГ не состоялась. Зато состоялась незапланированная. В последние годы Содружество стало тем, чем только и могло стать в эпоху прагматизма, — организацией общеполитического толка, своего рода «клубом президентов», «площадкой» для обсуждения широкого круга проблем, в том числе глобального характера.

И это скорее хорошо, чем плохо. Можно только приветствовать возрастание в рамках СНГ значимости таких сфер взаимодействия, как борьба с терроризмом и экстремизмом, проблемы безопасности, взаимодействие правоохранительных структур, гуманитарное и культурное сотрудничество. У Содружества наконец появляются **реальные** цели и задачи.

На мой взгляд, радикальная реформа СНГ, подразумевающая его превращение в действенное интеграционное экономическое объединение, по сути дела, вообще не нужна. Ведь за прошедшие годы от него отпочковались новые организации, имеющие, в отличие от самого Содружества, четкие цели, задачи, механизмы. Речь идет о Евразийском экономическом сообществе, Едином экономическом пространстве (ЕЭП), Организации Договора коллективной безопасности.

Опыт, кстати, свидетельствует в пользу именно этого сценария. История знает примеры того, как одна и та же группа стран в течение небольшого промежутка времени создавала различные организации с одинаковыми целями. Если первая попытка оказывалась неудачной, то первая организация не упразднялась, но параллельно медленно учреждалась следующая. Так, в 1948 году в Брюсселе был заключен Брюссельский договор об экономическом, социальном и культурном сотрудничестве и коллективной самообороне между Бельгией, Великобританией, Люксембургом, Нидерландами и Францией. На его базе возник Западный союз, преобразованный в 1955-м — в соответствии с Парижскими соглашениями (1954) — в Западно-европейский союз (ЗЕС), к которому помимо упомянутых государств присоединились Италия и ФРГ. Созданная организация оказалась весьма аморфной, как и нынешнее СНГ. Развивать экономическое сотрудничество в рамках ЗЕС не получилось. Спустя же несколько лет, после подписания в 1957 году и вступления в силу в 1958-м Рим-

ских договоров, сформировалось полноценное интеграционное объединение – Европейское экономическое сообщество, трансформировавшееся впоследствии в Европейский союз. Западноевропейский союз, тем не менее, продолжал существовать. В начале 1990-х годов о нем «вспомнили» и интегрировали в структуры ЕС.

Таким образом, при сохранении Содружества Независимых Государств как «политической оболочки», общеполитической, гуманитарной организации, охватывающей все постсоветское пространство, своего рода «мини-Совета Европы» основные усилия могут быть сосредоточены на всемерном укреплении ЕврАзЭС в качестве экономического объединения и ОДКБ как военно-политической организации.

В лице ЕврАзЭС мы имеем перспективную региональную организацию, построенную с учетом принципов Евросоюза, в которой, в отличие от СНГ, при принятии решений берется в расчет (пусть и не в полном объеме) экономический вес России.

ЕврАзЭС имеет четкие экономические цели и институциональную структуру. Именно в нем создана полноценная зона свободной торговли без изъятий и ограничений. В соответствии с документом «Приоритетные направления развития ЕврАзЭС на 2003–2006 и последующие годы» предстоит завершить до конца 2006-го подготовку к формированию таможенного союза. В долгосрочной перспективе речь может идти также об экономическом и валютном союзах.

Уже сегодня Евразийское экономическое сообщество наполняется реальным экономическим содержанием. Реализуются многосторонние проекты, прежде всего в ключевых секторах экономики – энергетике и транспорте. Это позволяет развивать взаимную торговлю между государствами – участниками ЕврАзЭС более ускоренными темпами по сравнению с другими странами СНГ.

Если в целом рост российского товарооборота составил в 2004 году 134,6 %, то с государствами ЕврАзЭС – 141,2 %, а со странами СНГ, не входящими в ЕврАзЭС, – 134 %. Еще пять лет назад товарооборот России со странами ЕврАзЭС составлял около 10 млрд долларов, в прошлом году он достиг более 26 млрд долларов.

Эффективной интеграционной организацией на пространстве СНГ могло бы стать и Единое экономическое пространство, Соглашение о формировании которого подписано в сентябре 2003 года. В ЕЭП входят страны, являющиеся ключевыми партнерами России: Украина – второй после России экономический потенциал СНГ; Белоруссия – самый близкий, хотя и противоречивый союзник; Ка-

захстан — наиболее динамично развивающееся государство, по степени рыночных преобразований не только не уступающее России, но порой и опережающее ее.

Цели и задачи ЕЭП во многом тождественны целям ЕврАзЭС, да и круг участников отчасти совпадает. Однако договорно-правовая база ЕЭП хотя и готовилась в рекордные по международным меркам сроки (между заявлением президентов о начале работы и подписанием самого Соглашения прошло всего семь месяцев), но она гораздо более продвинутая. Впервые удалось подготовить документы, отвечающие лучшим интеграционным стандартам, а стремление к достижению компромисса в ходе сложнейших переговоров не привело к выхолащиванию их сути.

Такой результат достигнут благодаря двум принципиальным договоренностям. Во-первых, Соглашение и являющаяся его неотъемлемой частью Концепция формирования ЕЭП рассматривались не как обычная «переговорная бумага» и предмет дипломатического торга, а как некая универсальная, теоретически и практически выверенная модель интеграции, фиксирующая само понятие единого экономического пространства, а также и то, какие шаги и в какой последовательности надо предпринять в целях его формирования.

Во-вторых, заложен принцип равноуровневой, равноскоростной интеграции. В итоге государства — члены ЕЭП вправе самостоятельно определять скорость своего интеграционного движения, но не могут блокировать продвижение остальных партнеров. Одновременно согласовано, что мероприятия по формированию ЕЭП являются взаимозависимыми и взаимосвязанными и государства-члены не могут выбирать: это, мол, делаю, а это — нет. Иными словами, ЕЭП — это «комплексный обед», а не ресторанное меню *à la carte*.

В документы Единого экономического пространства заложено несколько поистине революционных для постсоветского пространства принципов. Признано и ратифицировано всеми четырьмя участниками Соглашения, что формирование Единого экономического пространства требует создания координирующих, то есть наднациональных, органов. Одновременно зафиксировано, что решения будут приниматься с учетом экономического веса государств. При этом органы ЕЭП будут формироваться только по мере появления у них реальной компетенции. Короче говоря, в основу концепции объединения положены те же самые принципы, что обеспечивают эффективность деятельности Европейского союза.

В настоящее время стороны активно работают над подготовкой 85 документов, которые составят нормативно-правовую базу ЕЭП. На саммите этой организации в сентябре 2004-го в Астане руководители государств – участников Соглашения утвердили перечень документов, подлежащих согласованию и подписанию в первоочередном порядке. Эти 29 документов должны быть подписаны до 1 июля 2005 года.

РЕШАЮЩИЙ ВЫЗОВ

Главное испытание, выпавшее сегодня на долю Единого экономического пространства, – Украина, новая политическая элита которой пока сомневается, совместимо ли ЕЭП с ее «европейским выбором». Впрочем, этот вопрос, пусть в менее острой форме, встал бы и при любом исходе украинских выборов. На мой взгляд, взятый Украиной в последние годы курс на активное интегрирование в европейские политические и экономические структуры вряд ли возможно принципиально скорректировать. Преимущества евроинтеграции для Украины несомненны и в дальнейшем будут нарастать. Попытка отрицать их бесперспективна, поскольку и сама Россия четко обозначила европейский вектор своей политики, движется с Европейским союзом в направлении формирования «четырех общих пространств», в том числе и экономического.

В соответствии с концепцией, одобренной на Римском саммите Россия – ЕС в 2003 году, Общее европейское экономическое пространство (ОЕЭП) России и Евросоюза призвано содействовать сближению обеих правовых и экономических систем, углублению инвестиционного взаимодействия, дальнейшему продвижению энергодиалога, решению вопросов сопряженности транспортных сетей, реализации крупных проектов, имеющих общеевропейское значение, развитию сотрудничества в инновационной и научно-технической областях. В настоящее время на долю стран СНГ приходится лишь 17,9 % внешнеторгового оборота России, в то время как на долю ЕС – около 50 %.

Точно так же и Украина уже сегодня имеет более активные связи с Европейским союзом, чем со странами постсоветского пространства. В последние годы существенно изменилась структура ВВП Украины: значительная доля в нем теперь приходится на сектор услуг. Это тоже повышает заинтересованность Украины в облегчении доступа к европейским рынкам. Помимо объективных фак-

торов, определяющих европейский выбор Украины, действует и ряд сильных субъективных, этнопсихологических факторов: традиционная ревность к «москалям», желание опередить их во всем. Свою роль играет особая «любовь-ненависть» к Польше: «Если поляки в НАТО и ЕС, то чем мы хуже?»

Нельзя сбрасывать со счетов и саму динамику европейской интеграции, которая постепенно втягивает в свою орбиту оставшиеся на периферии европейские страны, «новых соседей», если пользоваться терминологией Евросоюза. Поскольку альтернативные центры интеграционного притяжения (СНГ, ЕврАзЭС, то же ЕЭП) пока в полной мере не сформированы и не демонстрируют свою экономическую привлекательность, то Украину, равно как Молдавию, а в перспективе и Белоруссию, естественно, постепенно затягивает «еэсовский пылесос».

Расширяющийся Европейский союз не случайно становится все более привлекательным для новых членов. Если в ЕС, раньше объединявшем шесть, девять, даже двенадцать государств, лидирующие позиции, бесспорно, занимали крупные страны – Великобритания, Италия, Франция, ФРГ, то в Европе-25 их позиции размываются. Новая Европа своим весом начинает давить на Старую Европу. Механизмы Евросоюза позволяют малым странам успешно выстраивать комбинации против крупных, чем они в последнее время активно пользуются.

Впервые в истории сложилась ситуация, когда малые европейские государства – Бельгия, Нидерланды, Польша, Словакия, Словения, Чехия и другие, бывшие на протяжении веков **объектами** международных отношений, насильственно включавшиеся то в одну европейскую империю, то в другую, – стали полноправными **субъектами** международных отношений, чей голос, если им правильно распорядиться, имеет реальный вес при принятии решений. В этом, наверное, и заключается притягательная сила Европейского союза и триумф европейской идеи. Это-то и делает ЕС таким заманчивым для многих стран СНГ. Спорить с этим, не предложив равноценной альтернативы, бессмысленно.

Такой альтернативой как раз могло бы стать Единое экономическое пространство. Как представляется, участие в ЕЭП не противоречит европейскому выбору Украины и не исключает в будущем принятия ею решения о вхождении в Евросоюз. Кстати, в Европе есть прецеденты перехода стран из одной организации в другую.

Так, в начале 1970-х Великобритания, Дания, Ирландия, а затем другие государства вышли из Европейской ассоциации свободной торговли и вступили в Европейское экономическое сообщество (Общий рынок).

С учетом того, что в настоящее время Россия сама участвует в формировании **общего** экономического пространства с Европейским союзом, естественно, что нормы и правила **единого** экономического пространства должны в полной мере соответствовать нормам этого общего пространства, то есть нормам и правилам ЕС. Ключевая разница в том, что общее пространство не предусматривает формирования наднациональных структур и передачи им части суверенных полномочий государств, а единое – предусматривает. Предстоит еще, конечно, тщательно отработать механизм обеспечения параллельного движения по этим двум направлениям, но Россия уже вынуждена его искать – хотя бы в силу собственных интересов. Таким образом, у Украины появляется реальная возможность извлекать от членства двойную выгоду: и пользоваться доступом к рынкам своих партнеров по ЕЭП, и одновременно готовить экономику для предстоящего вхождения в Евросоюз. В этом варианте ЕЭП выступает, во всяком случае для Украины, по отношению к Европейскому союзу в роли «предбанника», точнее сказать, «чистилища».

Более того, нельзя исключать, что Единое экономическое пространство может оказаться эффективной, самодостаточной организацией с наднациональными полномочиями, способной успешно конкурировать с ЕС в вопросе привлечения новых участников, и что процесс образования общего пространства Россия – Евросоюз позволит в перспективе создать общее экономическое пространство, объединяющее как государства Европейского союза, так и участников ЕЭП. И тогда вопрос, в какой части этого пространства – в ЕС ли, в ЕЭП ли – окажется Украина, вообще потерял бы свою остроту. К сожалению, проект ЕЭП оказался в Украине чрезмерно политизированным. Однако шансы на принятие прагматичного решения в пользу ее участия в ЕЭП остаются.

Вероятен, конечно, и иной сценарий: Украина отказывается продолжать работу над формированием Единого экономического пространства или не соглашается идти в рамках ЕЭП дальше зоны свободной торговли и начинает процесс ускоренной подготовки к вступлению в Евросоюз. Что тогда?

В этом случае вступает в силу сценарий разноскоростной интеграции. ЕЭП может реализовываться в формате трех стран при тесной координации и синхронизации с процессами, происходящими в рамках Евразийского экономического сообщества. При таком варианте Единое экономическое пространство все равно формируется, но, увы, без Украины.

Одновременно и России, и ее партнерам по ЕЭП придется вести активную работу по заблаговременной минимизации издержек, связанных с форсированием Украиной процесса ее вступления в Европейский союз. Помимо очевидных негативных моментов общеполитического и гуманитарного характера (визовый режим, положение соотечественников, возможное появление у части россиян своего рода комплекса неполноценности по отношению к «украинцам-европейцам»), существуют серьезные риски экономического характера.

О возможных опасностях можно судить по опыту интегрирующихся в ЕС стран Центральной и Восточной Европы. Это полномасштабный пересмотр нормативно-правовой базы торгово-экономического сотрудничества, ограничение доступа российских товаров и услуг и т. д. — только на порядок выше. Кроме того, Россия рискует занять под боком чрезвычайно опасного конкурента. Украина, тесно интегрирующаяся в «еврозону», но сохраняющая режим свободной торговли со странами СНГ, может реально превратиться в плацдарм для западных инвесторов, привлекаемых относительно дешевой рабочей силой, развитой инфраструктурой, а главное — свободным доступом к емкому российскому рынку.

Каков может быть ответ на возможный «украинский вызов»? Вряд ли отвечает современным реалиям массовое введение защитных барьеров на пути продвижения украинских товаров и услуг, вплоть до сворачивания режима свободной торговли, другие меры ограничительного характера. Лучшая оборона — нападение. Как представляется, наибольший успех в минимизации негативных последствий «евроинтеграции» Украины обеспечила бы «евроинтеграция» самой России.

Как ни парадоксально, для того чтобы сохранить и укрепить свои позиции на постсоветском пространстве, России нужно сосредоточиться не столько на защите этого пространства от «посягательств извне», сколько на укреплении рыночных и демократических преобразований внутри страны, модернизации экономической системы, ее встраивании в мировую экономику, включая скорейшее

вхождение в ВТО и создание Общего европейского экономического пространства.

Россия, находящаяся на перепутье, всегда пугала соседей. За примерами ходить далеко не надо: влияние в странах Центральной и Восточной Европы Москва утратила не столько в годы перестройки, сколько в августе 1991 года. Именно в дни путча наши бывшие партнеры по Совету экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора, напуганные непредсказуемостью Советского Союза, решили не дожидаться, когда, как им казалось, опустится «железный занавес». В реальность «угрозы с Востока» поверили и Европейский союз, и НАТО, до того не слишком активно поддерживавшие идею дорогостоящей интеграции центрально- и восточноевропейских стран в европейские структуры.

Напротив, как показывает опыт последних лет, Россия стабильная, прагматичная, предсказуемая, руководствующаяся в отношениях с партнерами принципом «только бизнес, ничего личного», имеет реальный шанс сохранить и укрепить свои позиции на постсоветском пространстве. Более того – стать признанным лидером на пути интеграции в мировую экономику.



ПОЛИТ.РУ

«Полит.ру» — официально зарегистрированное независимое средство массовой информации, старейший общественно-политический ресурс русского Интернета.

- новости 24 часа в сутки: все самое важное и ничего лишнего;
- аналитические статьи, комментарии и репортажи;
- эксклюзивные интервью;
- обзоры прессы и телевидения;
- новейшие исследования крупнейших российских социологических и аналитических служб

<http://www.polit.ru>



Европейская стратегия России: новый старт

Отношения с Европейским союзом занимают уникальное место в системе внешних связей Российской Федерации. ЕС является крупнейшим внешнеэкономическим партнером России, на государства единой Европы приходится значительная часть всех гуманитарных и человеческих контактов граждан РФ за рубежом. Однако на фоне обширной программы сотрудничества, нацеленной на приближение России к системе европейских норм и правил, углубляются принципиальные расхождения сторон в политической сфере, обостряется экономическая конкуренция. Элиты России и Евросоюза плохо понимают друг друга, и уровень этого непонимания возрастает. Имеет ли политика Российской Федерации на европейском направлении четко сформулированную цель? Как в перспективе могут развиваться отношения между Россией и объединенной Европой и какая из возможных моделей сотрудничества наиболее выгодна?

Ответы на эти вопросы искали участники ситуационного анализа, организованного Институтом Европы РАН, редакцией журнала «Россия в глобальной политике», ОАО «Аэрофлот», Советом по внешней и оборонной политике и Институтом стратегических оценок и анализа.

Данная статья основана на материалах ситуационного анализа «Отношения России и Европейского союза: современная ситуация и перспективы», проведенного под руководством **С.А. Караганова**. Обсуждение, в котором приняли участие ведущие российские специалисты в области отношений с ЕС, представители профильных министерств и ведомств, а также крупных компаний, прошло в январе 2005 года. Полный текст см. на сайте <http://www.globalaffairs.ru>

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Несмотря на продолжительный опыт диалога, внешне весьма активного, наличие развитой системы связей на многих уровнях и солидной правовой базы, взаимоотношения России и Европейского союза пребывают в состоянии неопределенности. Отсутствует общее понимание термина «стратегическое партнерство», который применяется для официального определения характера отношений. И в России, и в ЕС усиливается чувство взаимного разочарования или даже раздражения. Сужается повестка двусторонних саммитов и содержательная часть принимаемых на них документов. У обеих сторон отсутствует стратегическое понимание того, как должны развиваться отношения.

Одновременно действия Евросоюза по отношению к России становятся все более наступательными. В первую очередь это касается ситуации на постсоветском пространстве и конкурентной борьбы за рынки и экономические артерии будущего. Постепенно утрачивает эффективность система личных связей президента России с лидерами ведущих держав Европейского союза, налаженная в период 2000–2002 годов. На лидеров крупных государств-членов оказывает влияние и общественное мнение их собственных стран. Повсеместно нарастают сомнения в эффективности российского внутривнутриполитического курса. Определенную роль играют и новые страны-члены, вступившие в ЕС весной 2004 года, занимающие жесткую позицию в отношении Москвы и претендующие на право выступать в качестве основных «авторов» российской политики Евросоюза.

На долю Европейского союза приходится сегодня порядка 48,6 % внешнеторгового оборота России, причем основу российского экспорта в единую Европу составляют природные энергоносители и продукты их первичной переработки. Такая структура экспорта отражает уровень реальной конкурентоспособности российской продукции. Нефть и газ выступают в качестве своеобразной «подушки безопасности», которая гарантирует от непредсказуемого осложнения политических отношений. Однако для углубления связей этого явно недостаточно. Россия объективно нуждается не в снижении общей доли ЕС во внешней торговле, а в диверсификации экспорта и развитии других направлений, в том числе и для традиционных сырьевых товаров.

Впрочем, сами страны Евросоюза не проявляют особой заинтересованности в расширении спектра товаров российского экспор-

та, рассматривая Россию скорее в качестве источника энергоресурсов. (В ЕС на долю России приходится 7,6 % совокупного импорта и 4,4 % совокупного экспорта.) Одновременно Евросоюз ищет новые ресурсные источники с целью обезопасить себя от потенциальных внутривнутрироссийских катаклизмов, а также лишить Россию теоретической возможности использовать свои поставки в качестве инструмента политического влияния.

Важным фактором повышения конкурентоспособности России должно стать развитие трансконтинентальной транспортной инфраструктуры, поскольку через территорию Российской Федерации пролегает наиболее удобный и безопасный маршрут из Европы в Азию. В этом отношении сегодняшний подход к проблемам транзита, увязывающий состояние данной инфраструктуры прежде всего с проблемами обеспечения национальной безопасности, нуждается в ревизии. Создание новых и модернизация существующих железнодорожных магистралей, систем авианавигации и управления авиопотоками, строительство современных транзитных аэропортов, сохранение системы компенсационных выплат за беспосадочные перелеты по ключевому транссибирскому маршруту – важные шаги в этом направлении.

Европейский союз отчетливо осознаёт значимость транспортно-го потенциала России и стремится расширять свое присутствие на российских транзитных магистралах, в первую очередь воздушных. С этой целью Комиссия европейских сообществ (КЕС) настаивает на отмене выплат европейскими компаниями компенсационных платежей за пролеты по транссибирскому коридору, предлагает России концепцию «открытого неба». Если Брюссель добьется своего в данном вопросе, будет создан важнейший прецедент, который позволит странам ЕС наращивать масштаб перевозок через территорию России, теснить российских авиаперевозчиков и не возмещать их финансовые потери. Одновременно недостаточно используется потенциал железнодорожных перевозок Европа – Азия, который мог бы способствовать реальной интеграции России в мировое хозяйство.

Эксперты разошлись в оценке условий, на которых Россия подписала с Евросоюзом протокол о присоединении к Всемирной торговой организации (ВТО). Сам факт подписания протокола, безусловно, позитивен, поскольку снимает один из основных взаимных раздражителей – разногласия по поводу условий вступления России в ВТО. Однако уступки, на которые Европейский союз вынудил

пойти Москву, могут нанести значительный урон как российской экономике в целом, так и отдельным корпорациям, таким, как ОАО «Аэрофлот», ОАО «Газпром», РАО «РЖД», которое столкнулось с повышением «калининградских» тарифов, и др. Неясен и вопрос о балансе выгод и ущерба в результате ратификации Россией Киотского протокола.

Ранее необходимость подписания протокола по ВТО подталкивала российскую сторону на уступки, которых добивался ЕС, регулярно увязывая ту или иную проблему, включая и ратификацию Киотского протокола, с вопросом о ВТО; теперь же этот дамоклов меч устранен и российские переговорщики получили большую свободу маневра.

Подавляющее большинство участников ситанализа согласились с тем, что поддержание статус-кво в российско-европейских отношениях, сохранение нынешней модели сотрудничества и выход из скрытого кризиса путем «спускания ситуации на тормозах» неприемлемы. При этом эксперты подчеркнули, что выбор конкретной модели взаимодействия должен определяться не чем иным, как четкой стратегической целью России. Если же российская сторона будет выстраивать тот или иной формат отношений, не имея такой цели, она обречет себя на односторонние уступки и создаст ситуацию, при которой роль РФ сведется к необходимости реагировать на предложения Евросоюза.

ПРАВОВАЯ БАЗА ОТНОШЕНИЙ И «ЧЕТЫРЕ ПРОСТРАНСТВА»

Договорно-правовая база отношений Россия – Европейский союз устарела, да и с самого начала она была недостаточно адекватной. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) России и ЕС, заключенное в 1994 году, выполняется сторонами не полностью, а большинство его ключевых элементов потеряют актуальность после вступления России в ВТО. Между тем полноценной замены СПС, срок действия которого истекает в 2007-м, пока не готовится. Вместо этого – отчасти в силу административной инерции, отчасти из опасения, что пауза в диалоге усилит взаимный негативизм, – продолжается работа по выработке новых механизмов сотрудничества в рамках проекта «четырёх общих пространств» России и Евросоюза.

Однако заменой СПС, как согласились эксперты, эта концепция служить не может. С правовой точки зрения концепция «четырёх

общих пространств» лежит вне юридического понятийного аппарата. С точки зрения политических отношений содержание совместных «дорожных карт» России и Европейского союза, по сути, уравнивает Россию с другими странами — соседями ЕС. Реализация концепции «четырех пространств» не поспособствует преодолению нынешнего кризиса отношений, а создаст лишь внешнее впечатление прогресса, которое в дальнейшем неизбежно породит новую волну разочарований.

Пользуясь искусственно созданным цейтнотом, КЕС, скорее всего, попытается закрепить в соглашениях односторонние уступки российской стороны. Слабость переговорных позиций России определяется не в последнюю очередь тем, что переговорный процесс рассредоточен по разным ведомствам, недостаточно скоординирован и почти не отмечен участием в нем представителей бизнеса. В результате у делегации Евросоюза появляется возможность навязывать Москве собственную повестку дня и свои инициативы, проталкивать варианты решений, очень часто нацеленные на получение односторонних преимуществ.

По мнению абсолютного большинства экспертов, принявших участие в обсуждении, в ближайшие два — три года российской стороне стоит воздержаться от подписания обязывающих договоров с Европейским союзом. Если Россия все-таки пойдет на подписание каких-либо документов, то речь может идти только о «соглашениях о стратегических намерениях». Работу по «пространствам», считают эксперты, нужно переориентировать на подготовку нового «большого» договора Россия — ЕС, который должен заменить СПС, и конкретных соглашений по отдельным направлениям взаимодействия.

России следует подготовить и предложить собственные версии данных документов, в противном же случае Москва в очередной раз попадет в ситуацию, когда ей придется работать на основании проектов, предложенных Комиссией европейских сообществ. Уже сейчас необходимо сформировать внутренний рабочий механизм, предназначенный для разработки российского варианта нового основополагающего договора с Евросоюзом на период после 2007 года.

При этом эксперты вновь и вновь подчеркивали, что содержание и характер нового договора должны определяться не необходимостью «сближения», в том числе и как следствия административной инерции, а конечной целью, поставленной Россией в сфере ее отношений с ЕС. И поскольку разработке договора предшествует определение

цели (а не наоборот), именно от конечной цели должно зависеть то, каким будет новый договор: скажем, договором об ассоциации или же, напротив, соглашением существенно более низкого уровня, не предусматривающим серьезной интеграционной составляющей.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ

По единодушному мнению участников ситуационного анализа, ключевой проблемой российской политики в отношении Европейского союза является отсутствие стратегического видения места России в общеевропейском контексте. Как считают эксперты, существуют лишь две возможные модели: а) стратегическая цель России в отношении ЕС – постепенная интеграция, конечным пунктом которой может стать вступление в будущий Евросоюз; б) не нацеленное на формальную интеграцию (например, на сближение законодательств) сотрудничество двух дружественных, но независимых центров силы.

В настоящее время единственным четко сформулированным тезисом российской политики в отношении Европейского союза является утверждение «Россия не стремится к членству в ЕС». При этом в качестве обоснования гипотетической невозможности вступления в ЕС и с российской, и с европейской стороны выдвигаются аргументы о некой «особой российской ментальности», а также указывается на внушительные географические размеры и относительную экономическую отсталость страны. Однако, как отмечали участники ситуационного анализа, ряд государств, рассматривающихся в качестве реальных кандидатов, имеют более низкие показатели экономического развития или ментальность, существенно отличающуюся от «среднеевропейской» (Турция). Размеры же вряд ли имеют серьезное значение в эпоху современных средств коммуникации, и их масштабность, по крайней мере, уравнивается значительной ресурсной базой России.

Более чем две трети участников ситуационного анализа согласились с тем, что в долгосрочной перспективе (15–20 лет) возможна постановка вопроса о вступлении России в Евросоюз. Многое будет зависеть от того, по какому пути пойдут дальше как само общество (в направлении квазифедерации с усилением наднациональных органов или прежде всего социально-экономического союза с некоторой общей внешнеполитической и оборонной составляющей), так и Россия (которая может стать, к примеру, стагнирующей и слабеющей авторитарной державой либо страной, дина-

мично развивающейся и все более демократической). Вступление России в квазифедеративное государство гораздо менее вероятно, чем ее интеграция с союзом более или менее свободной конфигурации.

К «европейскому выбору» Россию подталкивает ряд объективных факторов.

Во-первых, с учетом острого демографического кризиса в России, а также усиливающегося отставания в области научно-технического прогресса от передовых государств ее роль в качестве одного из самостоятельных глобальных центров силы станет неизбежно уменьшаться. В нынешнем и тем более будущем окружении России будет трудно не только успешно развиваться, но и даже просто выжить в одиночку.

Во-вторых, среди значительной части российских внешнеполитических партнеров и соседей Европейский союз является наиболее предсказуемым, цивилизованным и привлекательным. На юге нарастает нестабильность, тесный союз с Китаем вряд ли возможен. В зону притяжения ЕС попадает большинство, если не все из тех стран – бывших республик СССР, которые расположены к западу и юго-западу от нынешней России. Сама же она по своей культурной традиции, безусловно, относится к Европе.

В-третьих, Россия находится в существенной экономической зависимости от Евросоюза.

В этой связи, по мнению некоторых экспертов, наиболее рациональным, прагматичным и выигрышным было бы отказаться от нереалистичных претензий на статус полностью самостоятельного «полюса» и взять неуклонный курс на сближение с Европейским союзом. Прозвучало мнение о том, что Москве необходимо начать с Брюсселем переговоры о замене Соглашения о партнерстве и сотрудничестве соглашением более высокой ступени – Договором об ассоциации.

Однако большинство экспертов, также придерживающихся мнения о том, что самая выгодная для России политика – это подняться в отношениях с ЕС на ступень выше, сочли преждевременной рекомендацию уже сейчас приступить к разработке Договора об ассоциации: слишком серьезны кризис доверия и системные противоречия в российско-европейских отношениях.

Переход на новый уровень предлагалось осуществить в два этапа. Сначала стоило бы временно «снизить градус» в отношениях. Это поможет избежать ничем не оправданных ожиданий и, следовательно, разочарований, заняться ревизией всего комплекса отноше-

ний, с тем чтобы привести формальные рамки сотрудничества в соответствие с его реальными политическими и экономическими показателями. Возможно, имело бы смысл отказаться от принятия концепции «четырех пространств» или же принять ее частично и в самой общей, необязывающей форме.

Как бы то ни было, из российско-европейских отношений следует на время удалить интеграционную составляющую (особенно те ее элементы, которые предусматривают перенесение на российскую почву европейского законодательства). Приоритетом России должна стать адаптация к международному, а не к европейскому законодательству. Именно соответствие законов и законоприменения в России международным нормам и практике позволит в будущем перейти на более высокий интеграционный уровень ее отношений с Евросоюзом.

Необходимо разработать и подписать новый договор, предполагающий тесные экономические и политические отношения между Россией и Европейским союзом как двумя независимыми друг от друга и не интегрирующимися субъектами мировой экономики и политики. Как уже говорилось выше, новую политико-правовую основу отношений взамен истекающего в 2007 году срока действия СПС следует начать готовить инициативно, уже сегодня.

Наконец, отношения с ЕС, которые сейчас фактически доминируют в повестке дня российской внешней политики, должны временно занять менее значительное место в иерархии внешнеполитических приоритетов РФ. Зато в перспективе Россия и Евросоюз смогут вернуться к выстраиванию более высокого уровня интеграции не с нынешнего негатива, а с относительно «чистого листа».

Сравнительно небольшая часть участников ситанализа считают, что понижение уровня отношений и отказ от интеграционной составляющей должны стать не промежуточным, а окончательным форматом отношений. По этой логике полномасштабное членство в Европейском союзе (даже в случае его эволюции в сторону модели «общий рынок плюс») навредит долгосрочным интересам России, как державы мирового значения. Кроме того, Россия и ЕС объективно выступают конкурентами по ряду вопросов мировой политики: будущее постсоветского пространства, отношения с США и пр. Наконец, в силу менталитета и политической культуры Россия не сможет согласиться с ролью «одного из многих» лидеров внутри Евросоюза.

Эксперты, придерживающиеся этой точки зрения, остались, однако, в меньшинстве: большая часть участников посчитали, что в

среднесрочной и тем более в долгосрочной перспективе Россия не справится в одиночку с задачей глобального независимого центра в международной системе, а примыкание к иным центрам силы (например, Китаю) либо малореалистично, либо просто опасно.

НА ПУТИ К «РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ» ОТНОШЕНИЙ С ЕС

Любые интеграционные усилия в отношениях с Европейским союзом будут успешны лишь в том случае, если Россия все-таки будет стремиться к общей с ЕС или, по крайней мере, совместимой модели демократии, экономического и социального развития. В ситуации же подобной нынешней, то есть когда ценности и мировоззрение элит России и Евросоюза расходятся, попытки заимствовать отдельные элементы интеграции чреваты лишь усугублением негативного эффекта.

Из всего разнообразия моделей отношений, которые Европейский союз выстраивает с внешними партнерами, наихудшими для России являются варианты «интеграции без членства», предполагающие сближение национального законодательства с европейским без предоставления прав на участие в его выработке.

Участники ситуационного анализа рекомендовали тщательно изучать все имеющиеся модели и брать из них то, что могло бы отвечать российским интересам. То же относится и к европейскому законодательству. Переносить на российскую почву необходимо лишь те его элементы, которые выгодны как в плане отношений с ЕС, так и сами по себе. Правда, некоторые эксперты полагают, что в силу специфики сообщества возможность селективного принятия партнерами тех или иных элементов его законодательства маловероятна.

При выстраивании условной «российской модели» необходимо не только ориентироваться на то, что выгодно РФ, но и учитывать объективные ограничения со стороны Евросоюза, обусловленные следующими особенностями евроинтеграции:

- для Европейского союза характерно постоянное стремление экстраполировать собственное законодательство и нормативно-правовую базу на третьи страны как условие сотрудничества;
- интеграционистская природа ЕС не позволяет ему серьезно отходить от единого комплекса стандартов и правил ввиду угрозы собственной дезинтеграции;
- внутренняя повестка дня Евросоюза связана с необходимостью адаптировать новые страны-члены.

Смягчить действие данных ограничителей можно посредством проведения курса, направленного на адаптацию России к международному законодательству и стандартам в экономической, судебной и прочих сферах.

КАЧЕСТВО РАБОТЫ С «ЕВРОБЮРОКРАТИЕЙ»

Российский административный аппарат в его нынешнем виде не соответствует масштабу задач, стоящих перед политикой России на европейском направлении. Структуры, осуществляющие взаимодействие с Европейским союзом, организационно разобщены, количество квалифицированных сотрудников явно недостаточно для продуктивной работы с мощнейшей бюрократической машиной Брюсселя.

Отдельные российские ведомства «ведут» свои направления сотрудничества и взаимодействуют с профильными подразделениями КЕС и других органов ЕС, очень слабо координируясь друг с другом. В Евросоюзе же, как правило, позиции отдельных ведомств и департаментов были четко согласованы.

Число людей, хорошо осведомленных о том, как работает Европейский союз, в российском политико-образующем классе и бюрократическом аппарате ничтожно (исчисляется десятками) и практически не возросло за последние годы. А некоторый рост численности квалифицированных кадров «компенсирован» их оттоком из госструктур в бизнес.

Для того чтобы разрабатывать собственные проекты совместных документов, у российской стороны зачастую не хватает ни людей, ни времени. В результате представители Комиссии европейских сообществ берут этот процесс исключительно под свой контроль.

Чрезвычайно слабым или почти не существующим признан аппарат представительства российских деловых интересов в Брюсселе. Лишь некоторые из отечественных компаний имеют там лоббистов и юридических агентов. Увеличение численности персонала российского постоянного представительства при Европейском союзе — позитивный шаг, но лоббистский потенциал остается явно нереализованным.

По единодушному мнению участников ситуационного анализа, работа российских официальных органов, осуществляющих повседневное взаимодействие с ЕС, нуждается в серьезном улучшении. Это может быть достигнуто как за счет количественного наращивания сил и средств профильных структур, так и посредством повышения их профессионального уровня, структурных изменений, уси-

ления скоординированности политики. Часть экспертов предложили рассмотреть вопрос о консолидации переговорных ресурсов в одном из существующих ведомств либо — в перспективе — в рамках специального ведомства по делам Евросоюза.

Это позволит снять значительную часть проблем, связанных с согласованием российской позиции, и лишить КЕС возможности проталкивать свои решения, пользуясь несоординированностью позиций различных ведомств.

На переходный период в качестве такого координирующего министерства чаще всего предлагался МИД РФ (при соответствующем укреплении его кадровых возможностей на европейском направлении). МИД обладает богатым опытом ведения многосторонних переговоров и кадрами сильных переговорщиков. Вместе с тем не следует умалять роль других министерств, ныне ведущих диалог с Европейским союзом. Их представители должны быть задействованы как на уровне согласования позиций в рамках межведомственных комитетов, так и в специальных рабочих группах. Создание подобных групп также обсуждалось в ходе ситанализа как возможная промежуточная форма взаимодействия. Так, эксперты положительно оценили аналогичный американский опыт, подразумевающий, однако, строгое подчинение данной группы высшему правительственному чиновнику, наделенному достаточным объемом властных полномочий. При этом было выражено сомнение в том, что при нынешних качестве работы и административной культуре аппарата такая система будет работать.

Приоритетной должна оставаться задача создания отдельного ведомства, функция которого состояла бы в координации деятельности по выработке и продвижению единой российской позиции на всех направлениях отношений с Европейским союзом. К работе такого ведомства надо активно привлекать представителей российского экспертного сообщества. В частности, обсуждалась перспектива создания широкого общественно-консультативного совета по отношениям с ЕС, который мог бы как оценивать их текущее состояние, так и выступать с новыми инициативами, направленными на сближение с Евросоюзом. Учитывая возрастающую роль Европейского парламента, необходимо активизировать связи на уровне межпарламентских и общественных организаций, объединений бизнеса. Надо переходить к постоянному представительству российских интересов при Европарламенте. Высказана идея о создании в Федеральном

собрании РФ специальных комитетов (подкомитетов) по отношениям с Европейским союзом.

Учитывая важность отношений с ЕС для развития России, следует признать, что острейший дефицит специалистов угрожает ключевым интересам страны. Участники ситуационного анализа высказались за введение особых надбавок, стимулирующих приход таких специалистов на службу в госорганы.

ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ ЧАСТНОГО БИЗНЕСА

В настоящее время отсутствуют механизмы, предназначенные для защиты интересов российского частного бизнеса на уровне отношений Россия – Евросоюз. Во-первых, за редкими исключениями сам российский бизнес не готов серьезно инвестировать в создание такой лоббистской инфраструктуры, а во-вторых, крайне сложные взаимоотношения бизнеса и власти в России не способствуют защите интересов российских предпринимателей вовне. Во многом именно поэтому переговорный процесс остается закрытым и непрозрачным для бизнес-сообщества, что приводит к недостаточному и неполному учету его интересов ответственными ведомствами. Консультации с представителями бизнеса ведутся только на самой ранней стадии переговорного процесса с Брюсселем. Часто для решения политических задач официальные российские представители на переговорах с Европейским союзом жертвуют материальными интересами бизнеса, даже если это касается крупных корпораций. КЕС действует ровно противоположным образом: скрупулезно торгуется даже по мелким вопросам в интересах европейских экономических субъектов.

Участники ситанализа фактически единогласно высказались за системное расширение участия российских бизнес-кругов как в выработке практических действий в отношении Евросоюза, так и в защите интересов российской экономики в Брюсселе. Причем создавать соответствующие механизмы следует на основе координации и взаимной поддержки частных и государственных структур. Такими шагами могут стать:

- активизация работы по взаимодействию между бизнес-сообществом и официальными российскими органами при Европейском союзе (представительство);
- более активное привлечение российским бизнесом юридических структур ЕС и создание собственной инфраструктуры влияния на процесс выработки решений в Евросоюзе;

● более широкое и целенаправленное использование на данном направлении российского экспертного сообщества и содействие его укреплению со стороны российского бизнеса и государственных органов. С этой целью участники ситуационного анализа призывают российский бизнес вкладывать ресурсы в создаваемую систему повышения качества знаний о Европейском союзе в России. Необходимо наращивать усилия по созданию в Брюсселе представительства российского бизнес-сообщества с мощным аналитическим и юридическим потенциалом.

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЗНАНИЙ О ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Участники ситанализа единодушно пришли к заключению о том, что России срочно нужна государственная программа изучения Евросоюза и обучения соответствующих специалистов. Причем вместо работы на сугубо теоретическом уровне (как это происходило и происходит в системе академических институтов или в вузах, концентрирующихся на исследовании истории Европейского союза и его институтов) упор необходимо делать на изучение всех практических механизмов ЕС, в первую очередь, конечно, практики применения европейского права. Такого рода прикладные знания позволят российским представителям грамотно и квалифицированно отстаивать и продвигать свои интересы и позицию.

Эксперты поддержали идею создания Европейского колледжа на базе МГИМО (У) МИД РФ, но сочли ее явно недостаточной для достижения поставленных целей. Речь должна идти о массовом обучении россиян — студентов, аспирантов и молодых специалистов — в европейских колледжах и университетах, создании специализированных курсов в России. Первый этап — привлечение соответствующей российской профессуры. Программа подготовки молодых специалистов по Евросоюзу могла бы стать предметом специальной договоренности с ЕС, возможно, с совместным выделением средств на эти цели.

Обучение и стажировка российских специалистов в специализированных учебных заведениях и учреждениях Европейского союза позволят им не только получить уникальные знания и опыт, почувствовать себя «в шкуре» европейского бюрократа, но и предоставят им возможность наладить личные связи с сотрудниками КЕС и других европейских органов.

ЦИКЛЫ НЕФТЯНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

*Александр Арбатов, Виктор Смирнов,
Владимир Фейгин*

В последние полтора десятилетия существования СССР в экономике страны возник дисбаланс, связанный с притоком нефтяных доходов в народное хозяйство. По данным Всероссийского научно-исследовательского института комплексных топливно-энергетических проблем (ВНИИКТЭП) при Госплане СССР, доля выручки от продажи топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) в валютных поступлениях достигла самого высокого уровня (55 %) в 1984 году; доля нефти составила в 1985-м 38,8 %, в 1987-м — 33,5 %. По мнению многих исследователей, именно сырьевой фактор прежде всего обусловил глубочайший кризис советской системы. Грозит ли аналогичная опасность сегодняшней России, экономика которой тоже основана на экспорте продукции нефтегазового сектора?

Рассматривая вопрос о значении экспорта энергоресурсов для экономики СССР, о различиях между Советским Союзом и нынешней Россией, авторы сосредоточатся здесь на нефтяной составляющей. Вопрос о газе оставим в стороне, поскольку в советские времена его роль во внешней торговле была несопоставима с ролью нефти: основной объем экспорта в долларовую зону приходился на компенсационные соглашения типа «газ — трубы».

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ «НЕФТЯНАЯ ИГЛА»?

В основе экспортной стратегии, сформировавшейся в 1970-е (и имеющей немало сторонников по сей день), лежал тезис о том, что

А.А. Арбатов — заместитель председателя Совета по изучению производительных сил (СОПС) Министерства экономического развития и торговли и Российской академии наук. **В.С. Смирнов** — главный научный сотрудник СОПСа. **В.И. Фейгин** — главный директор Института энергетики и финансов.

мы, мол, располагаем громадными нефтяными ресурсами, но научно-технический прогресс может привести к появлению новых неисчерпаемых и дешевых источников энергии и тогда наше богатство останется неиспользованным. Мощный импульс торговле энергоносителями дал нефтяной кризис 1973–1974 годов. Стараниями стран – членов ОПЕК мировые цены на нефть подскочили сразу в четыре раза, затем произошло еще несколько значительных подорожаний. В итоге доходы экспортеров резко возросли. Между 1975 и 1985 годами доля нефтяных ресурсов, выделявшихся в СССР для экспорта в долларовую зону, устойчиво снижалась и в добыче, и во всем нефтяном экспорте, выручка же возрастала в геометрической прогрессии. Казалось бы, замаячила очевидная перспектива ликвидировать отставание сельского хозяйства, машиностроения, легкой промышленности. За счет валюты от продажи энергоресурсов предполагалось покрыть дефицит продукции этих отраслей и удовлетворить их инвестиционные потребности, направленные на цели сокращения отставания. Экспортносырьевой путь представлялся самым простым, а главное, беспроигрышным: сырье конкурентоспособно от природы, у страны, богатой природными ресурсами, нет необходимости разрабатывать и внедрять новые технологии, поднимать культуру производства, искать прогрессивные формы управления; всего этого не требуется и при импорте продукции обрабатывающей промышленности в обмен на сырье. (Последствия такого подхода были осознаны много позднее: в 1987-м на совещании экономистов один из работников Госплана СССР заметил: «Не будь нефти Самотлора, жизнь заставила бы начать перестройку экономики еще лет 10–15 назад».) Обвал мировых цен в 1985–1988 годах только усугубил проблему.

К тому же полностью упускалось из виду, что экспорт сырья влечет за собой даже более значительную внешнюю зависимость, чем импорт. В случае нереализации предназначенной для экспорта продукции или реализации ее по более низким, чем предполагалось, ценам экспортер лишается возможности приобретения продовольствия, потребительских и других жизненно важных товаров.

В 1980-е экономика фактически подстроилась под нужды сырьевого сектора вообще и нефтегазового в частности. В 1988 году добыча нефти превысила уровень 1980-го на 21 млн т, а экспорт возрос, с учетом нефтепродуктов, на 48 млн т при одновременном снижении валютной выручки (при оценке ее в неизменных ценах) в 1,5 раза.



Журнал «Огонек», 1984 г.

Тем временем экономика нефтегазодобычи входила во все более резкий штопор удорожания, особенно это относилось к инвестиционным ресурсам. В 1970–1986 годах темпы роста капитальных вложений в нефтяную и газовую промышленность были существенно (до 3–5 раз) выше, чем в среднем по всему народному хозяйству. В 1970–1973 годах, то есть до энергетического кризиса, доля нефтяной промышленности в капиталовложениях всей промышленности колебалась в пределах 8,8–9,3 %, а в 1986-м она составила 19,5 % (!). Ускоренное развитие нефтяной и газовой промышленности приводило к опережающему «разбуханию» базовых отраслей экономики (металлургия, тяжелое машиностроение, химия). Доходы от продажи энергоресурсов тратились не на развитие прогрессивных наукоемких технологий, а на закупку продовольствия, потребительских товаров, обеспечение оборудованием все тех же традиционных, а не новейших отраслей и в особенности на огромные дотации сельскому хозяйству. Именно в этот период СССР превращается в крупнейшего импортера зерна: в 1970 году чистый экспорт зерна из СССР составил 3,5 млн т, в 1974-м баланс был нулевым, а начиная с 1975 года массивные закупки исчисляться стали десятками миллионов тонн; пик импорта пришелся на 1984-й, когда

только в США и Канаде было закуплено 26,8 млн т зерна. Наиболее значительными статьями импорта становятся подъемно-транспортное оборудование, суда, сельскохозяйственные машины, а импорт нефтегазового оборудования по темпам прироста побил все рекорды: он вырос за 1970–1983 годы в стоимостном выражении в 80 раз (!); с учетом дефлятора импорта за этот период его физический объем увеличился в 38 раз.

Разумеется, импорт продукции машиностроения подчинялся идеологическим установкам, и его основной поток шел из европейских социалистических стран, не слишком способствуя повышению технико-технологического уровня СССР. Однако нефтегазовое оборудование приобреталось в промышленно развитых странах Запада: на Италию, Францию, ФРГ и Японию суммарно приходилось 60–80 % всех закупок нефтегазопромыслового оборудования, хотя одновременно приходилось выручать режим Николае Чаушеску в Румынии, приобретая часть технических средств и у него. Строго говоря, СССР должен был активно закупать в развитых странах и нефтеперерабатывающее оборудование, но социалистическая система хозяйствования отказалась от таких мер, в очередной раз не сумев проявить рациональность, и лишь углубила диспропорции в развитии нефтедобычи и нефтепереработки.

При этом добыча нефти давалась все труднее. Большая часть капитальных вложений шла на поддержание достигнутого уровня добычи. В 1966–1970 годах эти цели требовали менее половины всех капиталовложений нефтедобывающей промышленности, в девятой пятилетке (1971–1975 гг.) доля составила уже 64 %, в десятой (1976–1980 гг.) – 77 %. Удельные капиталовложения на одну тонну новой мощности выросли с 21,3 руб. в 1975 году до 97,1 руб. в 1988-м; далее экспертная комиссия Госплана СССР намечала экспоненциальный рост (то есть увеличение в геометрической прогрессии. – **Ред.**). За всем этим стояло сокращение инвестиций в жилищное строительство, непроизводственную сферу, экологию. Но и такой ценой сохранить к концу одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.) достигнутый объем добычи не удалось. И лишь в 1986-м колоссальные затраты (капитальных вложений было произведено на 31 % больше, чем в 1985-м) позволили несколько увеличить объем добычи. Приобретаемые технологии и оборудование во многих случаях не давали ожидаемого эффекта, а часть оборудования стоимостью в миллиарды рублей так и не была установлена. Возросла зависимость

приобретенной техники от запасных частей и сервисного обслуживания фирмами-изготовителями.

Зыбкость этой модели обусловили два принципиальных фактора: 1) порочная практика, соответствующая лозунгу «Больше разведывать, больше добывать любой ценой!», со всеми вытекающими из нее негативными последствиями и 2) зависимость от уровня мировых цен на нефть, на которые СССР влиять не мог, сколько бы сырья ни экспортировал. Последствия такой зависимости не замедлили сказаться: советский нефтяной экспорт только-только «раскошегарился», как с 1984-го началось падение мировых цен, приобретшее в 1986–1988 годах обвальный характер. Это сыграло далеко не последнюю роль в развале потребительского рынка и обрушении производства и инвестиций в 1989–1991 годах, подтолкнув экономику страны к краху.

СТРАХИ ПОДЛИННЫЕ И МНИМЫЕ

В чем сходство и различия советской и нынешней российской моделей развития сырьевого экспорта?

Ни по доле топливно-энергетических ресурсов вообще и нефти в частности в общем объеме экспорта, ни по динамике абсолютных объемов поставок энергоносителей на внешний рынок принципиальной разницы между СССР и сегодняшней Россией нет. В СССР доля ТЭР в экспортной выручке колебалась в 80-е годы прошлого века от 40 до 54,4 % (пик в 1984 г.), в России на все минеральные продукты, включая нетопливные полезные ископаемые, в 1990-е приходилась почти та же доля – от 42 до 48 % (кроме 1992 г., требующего особой оценки), но в 2000 году этот показатель составил уже 53,8 % (в т. ч. ТЭР примерно 52 %).

Доля экспорта ТЭР в распределяемых ресурсах в топливно-энергетическом балансе СССР составляла в период высоких цен (1980–1985 гг.) в среднем 14,7 %, в период обвала (1986–1988 гг.) 16 %; соответствующие данные по России в 2000-м – 25,3 %. Кажется бы, сдвиг явно не в пользу России. Но примем во внимание, что на территории Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) производилось около 80 % всех «советских» ТЭР и сотни миллионов тонн нефтегазовых потоков растекались из России во все республики СССР. Доля чистого вывоза в распределяемом объеме ТЭР РСФСР составила в 1980 году 23,8 %, в 1985-м – 28,3 %. В этом качестве чистый экспорт ТЭР

России составил в 1985 году 474 млн т условного топлива, в 1990-м — 462 млн т, в 2000 году — 503 млн т условного топлива.

К тому же в отличие от СССР, который экспортом топлива сам себя загонял в угол, постсоциалистическая Россия, несмотря на многочисленные сложности переходного периода, кардинально перестроила структуру топливного баланса в сторону снабжения потребительских секторов и перестала воспринимать уничтожение энергетических ресурсов как самоцель.

Если в советские времена мы не без оснований говорили о **нагрузке** минерально-сырьевых отраслей на экономику, особо выделяя при этом нефтегазодобычу, то сегодня повсеместно говорят о нефтегазовом секторе как **локомотиве экономического роста**. То, что этот рост носит достаточно здоровый характер, доказывается устойчивым **снижением энергоемкости российской экономики**. Средний коэффициент эластичности энергопотребления по ВВП за 1999–2002 годы (более поздних данных нет) составил, по нашим расчетам, примерно одну четвертую: при приросте за этот период ВВП на 27 % потребление топливно-энергетических ресурсов возросло на 7 % (причем в течение данного времени процесс ускорялся), а за 2002-й потребление ТЭР не увеличилось вообще при росте ВВП на 4,5 %. Можно предполагать, что интенсивное снижение энергоемкости растянется еще на 3–5 лет, а затем, будем надеяться, Россия надолго закрепится на уровне снижения, характерном для постиндустриальных стран, где коэффициент эластичности уже довольно долго составляет примерно 0,5.

Тем не менее опасность превращения России в сырьевой придаток мировой экономики остается. Большинство аналитиков связывают с объемами валютной выручки от сырьевого экспорта, в первую очередь нефти и газа, не только наполняемость бюджета, но и в целом экономический рост России. По примерным оценкам, вклад нефтедолларов в экономический рост страны колебался в последние годы в пределах 1/5–1/3.

Наиболее оживленно дискутируется вопрос о выборе направлений использования нефтедолларов: гасить ли ими внешние долги, инвестировать ли их в реальный сектор или направить в непродовольственную сферу? Тем самым обозначаются контуры так называемой «голландской болезни», впервые давшей себя знать в 70-х годах прошлого столетия, когда в Голландии крупные доходы от добычи газа, получаемые государством через систему изъятия ренты, использовались для поддержания быстрого роста общественных расходов. При

этом внутренние потребности промышленности и других секторов экономики страны не требовали существенного увеличения потребления газа и значительная его часть экспортировалась. Такая политика привела к резкому повышению объема импорта самых различных товаров, а также к перетоку капитала из конкурирующих на мировом рынке отраслей в отрасли, защищенные от конкуренции природными условиями. В результате наступил продолжительный период замедления экономического роста и усугубления проблемы структурной безработицы, что и было охарактеризовано как болезнь.

Параллели между описанной ситуацией и нынешней российской действительностью достаточно очевидны. Вообще, опасность гипертрофированного развития минерально-сырьевого производства советские специалисты начали осознавать в 1972 году, когда в СССР стал известен тезис японского прогнозиста Сеия Яно: отсутствие собственного минерального сырья может быть благом для страны (Яно С. Японская экономика на пороге двадцать первого века. — М.: Прогресс, 1972. С. 26).

Тогда это суждение вызвало смятение в рядах советских экономистов-минеральщиков, однако впоследствии экономическое развитие многих стран, в первую очередь Японии, подтвердило правоту японского исследователя.

Тем не менее история знает немало государств, в которых рентные нефтяные (и аналогичные) потоки обеспечивали народу изрядные блага: Австралия, Великобритания, Норвегия, отчасти Канада и США. Эти страны поступали со своими минеральными ресурсами, образно говоря, в соответствии с концепцией английского экономиста и мыслителя XVIII века Джеймса Стюарта — одного из поздних меркантилистов: «Первоначальные продукты земли, которых имеется ограниченное количество и которые существуют совершенно независимо от человека, даны природой совершенно так же, как молодому человеку дается небольшая сумма денег с той целью, чтобы вывести на путь полезного труда и преуспевания».

Экономика США выросла в немалой степени на базе богатого сырьевого потенциала, важную роль в становлении национального богатства Швеции сыграла железная руда, Великобритании — уголь и цветные металлы, Германии — уголь и железная руда, Канады — разнообразный комплекс полезных ископаемых и других природных ресурсов. Но опирались все эти страны в первую очередь не на природно-ресурсный потенциал, который был, к примеру, фунда-

ментом экономики СССР и ныне является экономической базой, в частности, Кувейта, а на знаменитый дух капитализма Бенджамина Франклина, выраженный в формуле: помни, что деньги по природе своей плодородны и способны порождать новые деньги.

Директор Экспертного института при Российском союзе промышленников и предпринимателей Евгений Ясин справедливо отмечает, что «сырьевой сектор не оттягивает инвестиции от остальных секторов, он просто больше зарабатывает. Потому что производит продукцию, которую можно продать на международном рынке». По мнению Ясина, благополучие сырьевого сектора представляется в столь радужном свете лишь на фоне бедности остальных секторов. Такое сопоставление и создает видимость «голландской болезни» в России. Но обрабатывающие сектора пришли у нас в упадок вовсе не из-за опережающего развития добывающего сектора, как это было в Голландии, а по целому ряду других причин, основной из которых является социалистическое прошлое. Развитие огромных секторов экономики шло тогда по замкнутому кругу без видимого выхода на потребителя — они-то и оказались совершенно не приспособлены к реалиям рынка.

Сегодня отечественная обрабатывающая промышленность и многие другие сектора экономики извлекли немало уроков из конкуренции, создаваемой импортом. В частности, высокие технологии внедряются в сегодняшней России не только в военно-промышленном комплексе, как это было во времена СССР, но и в сферах глубоко гражданского назначения — в пищевой области, строительстве, связи, медицине. Даже такая «дремучая» отрасль, как сельское хозяйство, будучи и ныне, по сути, социалистической, демонстрирует ощутимые сдвиги: Россия сократила потребление продовольственного зерна примерно на 15 млн т в год и стала его экспортером, а продуктивность в животноводстве устойчиво растет с 1996 года при резком снижении нагрузки сельского хозяйства на экономику.

Конечно, определенное сходство России со странами, уже перенесшими «голландскую болезнь» или «болеющими» сейчас, имеется. Это прежде всего концентрация богатства у сравнительно небольшого круга людей, а также некоторые тенденции к замене внутреннего производства импортом. Вместе с тем формирование российских нефтегазовых доходов имеет под собой не такую краткосрочную ресурсную базу, как в Голландии. Россия может иметь устойчивые доходы от добычи и экспорта нефти, если уровень мировых цен будет достаточным для рентабельности добычи, и тратить эти средства на нужды общест-

ва в течение многих лет, имея постоянный положительный платежный баланс. В процессе реструктурирования экономики и приватизации предприятий высвобождаются и будут высвобождаться крупные ресурсы, которые могут быть задействованы для удовлетворения внутреннего спроса при наличии стабильных доходов потребителей.

Нужно ли регулировать добычу и экспорт? Регулирование такого рода не является рыночным методом, но им можно воспользоваться ради достижения двух важных целей:

- добиться стабильного притока прибыли, что возможно только при оптимальном сочетании цены и объемов реализуемой продукции;
- при регулировании добычи в сторону ее сдерживания компании могут сокращать инвестиции в добычу и, наращивая вложения в переработку, начать инвестировать в другие отрасли экономики (при наличии развитого фондового рынка и финансовой системы).

Насколько опасно сворачивание инвестиций в нефтедобычу? Специфика нефтегазового и всего минерально-сырьевого комплекса (МСК) состоит в том, что они нуждаются в постоянном притоке капиталовложений даже для поддержания простого воспроизводства. Резкое сокращение, а впоследствии и полное прекращение государственных инвестиций в отрасли МСК в последнее десятилетие не были по ряду причин компенсированы финансированием из других источников, и это привело к резкому сокращению объема производства, что многими рассматривалось как кризис комплекса. Однако, имея в виду достижение конечного результата, можно утверждать, что глубокого кризиса в отраслях МСК России не наблюдается, поскольку значительно снизившийся платежеспособный спрос в части текущего потребления сырья и топлива удовлетворяется, а экспорт стабильно растет. Рост инвестиций в какой-либо отрасли является не самоцелью, а лишь средством для поддержания и увеличения прибыли в будущем. Если для этих целей не надо наращивать инвестиции, то их можно направить в другие сферы.

НЕОБХОДИМЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

База большинства отраслей российской экономики устарела и нуждается в коренной модернизации. За 1990-е годы не создано серьезных новых производств, за исключением ряда отраслей непосредственно сырьевого характера или имеющих быструю отдачу (типа пищевой). После распада СССР вновь созданные финансовые учреждения РФ всерьез рассматривали лишь проекты с горизонтом оку-

паемости не более года или — в редких случаях — двух лет (отсюда такая увлеченность финансированием торговых операций, на котором, как и на «взаимодействии» с государственными финансами, и выросло большинство этих институтов). Сейчас этот период удлинился, хотя и недостаточно. Между тем промежуток, необходимый для реализации эффективных по мировым меркам проектов индустриального плана, составляет, как правило, свыше пяти лет, а отдельные жизненно важные для России стратегические проекты могут иметь и гораздо бóльшие сроки окупаемости.

Данный разрыв очень внушителен. Он связан с целым комплексом по-прежнему действующих в стране факторов, включая значительную внутреннюю инфляцию, политические риски, нестабильность налоговой сферы, а также ставку внутреннего капитала на более высокую степень доходности и неразвитость форм привлечения «длинных» денежных ресурсов. Трудно предположить, на каком отрезке развития нашей финансовой системы отставание на этом направлении может быть преодолено. По крайней мере, опыт последних 15 лет не дает повода для слишком больших ожиданий. А это уже заставляет задуматься о смене парадигмы экономического взаимодействия старых партнеров, главными из которых с советских времен являются европейские страны, объединенные ныне в Европейский союз.

В период холодной войны и после ее окончания в основе такого взаимодействия лежал интерес Европы к стабильным поставкам российских энергоносителей. Это естественная база для экономических отношений, поскольку:

- Россия богата энергоносителями, а Европа испытывает их растущую нехватку;
- Евросоюз и Россия расположены в географической близости друг от друга, что придает наибольшую эффективность транспортировке энергоносителей, весьма дорогостоящей, особенно в случае с природным газом.

Важно и то, что эти отношения сложились в предшествующий период, несмотря на трудности затяжной конфронтации.

Таким образом, многое говорит в пользу сохранения и развития энергетической модели отношений. Вместе с тем у нее есть естественные пределы и недостатки.

Во-первых, для ЕС важную роль играют соображения **безопасности поставок** и связанные с ними требования **диверсификации их источников**.

Роль этих соображений, однако, не стоит преувеличивать. Формальных ограничений на долю отдельных стран (в том числе России) в объеме поставок тех или иных энергоносителей в Европейском союзе нет, и в импортном портфеле целого ряда стран Евросоюза поставки, например, природного газа из России доминируют. К тому же обеспокоенность ЕС может быть в определенной мере снижена в результате упрочения связей с поставщиками, и в первую очередь с Россией. В документах Европейского союза все чаще отмечается важность совместных мер по обеспечению безопасности поставок. Однако до разработки каких-либо практических механизмов дело пока не дошло.

Во-вторых, возможности российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК) отнюдь не беспредельны. Особенно это относится к расширению поставок нефти. Кроме того, большое значение имеют и региональные аспекты: новые перспективные регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока целесообразно ориентировать на связи с близлежащими странами. При этом появляются симптомы «ревности», когда высокопоставленные чиновники Евросоюза высказывают недовольство намерениями России развивать экспорт энергоносителей в восточном направлении и в США.

Наконец, самым главным является то, что российскую сторону не может удовлетворить положение, при котором ЕС окончательно станет рассматривать Россию только как поставщика энергоносителей, пусть и стратегически важного. Ведь экспорт энергоресурсов, даже с учетом всех «мультипликативных» факторов, в принципе не способен обеспечить современный уровень благосостояния в стране с населением масштаба России. При этом речь идет не об отказе от использования естественных преимуществ обладания богатыми сырьевыми ресурсами, а об их встраивании в современную структуру экономики. Кроме того, если подобное отношение к России со стороны Европы сохранится надолго, то оно будет существенно задевать национальные чувства граждан нашей страны, приведет к восприятию ее как «сырьевого придатка» и затруднит использование значительного потенциала России — в частности, достаточно высоких уровней образования, квалификации и пр.

Важно отметить, что Европа сама находится в процессе поиска своего места в постиндустриальном мире. Заявленный руководством ЕС курс на превращение его в один из наиболее быстро развивающихся регионов мира пока сталкивается с серьезными проблемами, а многие из поставленных задач не выполнены.

В этом контексте борьба руководства Европейского союза за дешевые энергоресурсы, развернувшаяся со второй половины 1990-х, была попыткой улучшить свои конкурентные позиции на глобальном рынке малыми средствами и по возможности за счет поставщиков энергоресурсов. Действительно, мировой опыт показывает: либерализация рынков, как правило, приводит к снижению цен вследствие увеличения предложения и облегчения доступа поставщиков к инфраструктуре рынка и потребителям. Уровень цен на внутреннем рынке электроэнергии и природного газа в странах Евросоюза превышал уровень в Соединенных Штатах и Великобритании, где в 80–90-е годы прошлого века была осуществлена либерализация этой сферы. Европейские рынки энергоресурсов оставались поделены на национальные сегменты, находившиеся под жестким контролем государства, национальных монополий или доминирующих участников рынка. В 1998–2000 годах две директивы ЕС запустили процесс либерализации. На рынке электроэнергетики снизить цены удалось, но в этой сфере основные производители находятся на территории Европейского союза; на рынке же природного газа изменения происходят медленно и не столь успешно.

Беспокойство Евросоюза вызывают нарастающие симптомы отставания от глобального лидера — США. Экономика Европы носит гораздо более традиционный характер, факторы постиндустриальной фазы (развитие финансовых рынков и инструментов, информационных технологий, биотехнологии, фармацевтики и других наиболее технологически передовых и инновационных отраслей), способствовавшие беспрецедентному подъему американской экономики в 1990-е, в Европе представлены в значительно меньшей степени. В эпоху быстрых перемен проявляются институциональные слабости европейской экономики, ее меньшая гибкость и адаптивность. Любопытны итоги обсуждения, прошедшего недавно на одной из деловых встреч ЕС. Участникам предлагалось спрогнозировать будущее место Европы в мире, выбрав между тезисами «Европа — активный лидер» и «Европа — пассивный аутсайдер». Вывод был сделан парадоксальный: вполне может оказаться, что ответом будет «Европа — активный аутсайдер».

Важным фактором решения собственных проблем экономики Европейского союза и желательных для России изменений в совместной повестке дня может стать акцент на необходимости резкой активизации взаимоотношений в том, что касается более глубокой переработки сырьевых ресурсов.

Этот процесс был в период существования СССР важнейшей сферой взаимодействия по линии Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) – Запад. Действительно, хотя СССР был мощной промышленной державой, реализация им большинства индустриальных проектов и развитие целых отраслей, по сути, опирались на поставки оборудования с Запада. Частично проблемы решались внутренней кооперацией в рамках СЭВа, что в современных условиях также практически равносильно взаимодействию РФ с рядом стран Евросоюза. Доля машин и оборудования во всем импорте СССР из развитых капиталистических стран возросла с 29,8 % в 1980 году до 43,8 % в 1990-м. Нормой являлась закупка комплектного оборудования для целых заводов, например, нефтехимической промышленности. При этом СССР постоянно ощущал недостаток твердой валюты для оплаты поставок оборудования; основным источником поступления валюты в 1980-е годы стали экспортные поставки энергоносителей, и прежде всего нефти.

К настоящему моменту большинство объектов, введенных в строй за счет таких поставок, эксплуатируются свыше пятнадцати, а то и двадцати лет. Даже тогда далеко не все поставленное оборудование отличалось передовыми характеристиками. А за прошедшее время в мире вообще и в Европе в частности появилось множество сфер новых высокотехнологичных производств, в которых Россия по понятным причинам отстала.

В государствах Европы также возникает проблема модернизации, причем она обостряется в силу того, что в условиях современной глобальной конкуренции эффективность размещения этих производств в странах ЕС не всегда очевидна. В последние годы стало общепринятым в таких случаях направлять свои взоры в Азию, и в особенности в Китай – в растущую «мировую фабрику», куда уже перенесены основные объемы производства многих отраслей, требующих прежде всего значительных трудовых затрат. Однако если речь идет о производстве продукции ранних переделов сырьевых ресурсов, то в этом случае привлекательность Китая сомнительна. Такие производства целесообразнее размещать ближе к источникам сырья. И в этом смысле Россия является чрезвычайно перспективным игроком.

В центр повестки дня развития сотрудничества Россия – Европейский союз следует поставить вопрос о масштабном симбиозе двух экономик, что означало бы следующее:

- ЕС делает ставку на получение из России не только первичных энергоресурсов, но и продуктов их передела, тем самым относитель-

но снижая свои энергетические потребности и получая преимущества от участия в высокоэффективных проектах на территории РФ;

- для этого ЕС (прежде всего в лице своих бизнес-структур) становится активным участником формирования и реализации таких проектов за счет применения ноу-хау, опыта производства и поставки высококачественного оборудования, развития финансовых механизмов и прямого инвестирования;

- РФ создает необходимые условия благоприятствования на разных уровнях;

- ЕС и РФ дают бизнесу ясные сигналы о том, что такой вектор развития отношений между ними относится к приоритетам обеих сторон.

Конечно, продукцию переделов сырья разной степени глубины нельзя назвать экологически чистой. Но перестройка экономики именно в этом направлении имеет для России, помимо чисто экономической целесообразности, ряд преимуществ.

Во-первых, уровень загрязняющих выбросов в России сейчас существенно ниже, чем в 1990 году, что позволяет ей использовать возможности, предусмотренные Киотским протоколом, для того, чтобы осуществлять дополнительные инвестиции в более современные и более экологичные производства.

Во-вторых, замена устаревшего, не отвечающего современным требованиям оборудования может компенсировать негативные экологические последствия расширения масштабов ресурсоперерабатывающего производства.

И, наконец, **в-третьих**, рост и углубление переработки сырья обеспечивает экономику значительными количествами конструкционных материалов, металлов, веществ, используемых при изготовлении высокотехнологичной продукции. Весьма вероятно, что увеличение такого предложения получит спрос, ведущий к росту как раз тех отраслей, продукция которых имеет высокую добавленную стоимость и предназначена для конечного потребления. А это вызовет конкуренцию на рынке инвестиций и будет способствовать развитию российской экономики в направлении более высокой технологичности.

Проекты такого рода могут быть включены в программы государственно-частного партнерства, а их реализация должна проводиться на принципах коммерческой целесообразности. О необходимости таких программ уже много говорится в последнее время.

Рецензии



“Сегодняшний мир изъясняется на одном *lingua franca*, и, как во времена легендарного строительства Вавилонской башни, дело, скорее всего, идет к тому, чтобы «вся земля говорила на одном языке и владела одной речью»”

Какое из двух зол предпочтительнее? *Владислав Иноземцев*
200

Срочно нужна идея *Александр Кузяков*
204

Европарламент: власть или мираж? *Владимир Швейцер*
209

Послесловие к двум революциям *Марк Шкундин*
212

Какое из двух зол предпочтительнее?

Владислав Иноземцев

Michael Ignatieff. The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror. Princeton (NJ), Oxford: Princeton Univ. Press, 2004; XII + 212 pp.
(*Майкл Игнатъефф. Меньшее из зол: политическая этика в эпоху террора*)

В наши дни, когда борьбу с терроризмом становится труднее отличить от узурпации государством все новых полномочий при одновременном ограничении прав граждан, вопрос о том, как должно вести себя ответственное правительство в создавшихся условиях, попадает в разряд исключительно актуальных. И попытку ответа на него, недавно предпринятую одним из наиболее авторитетных политических философов, директором Карровского центра по правам человека при Гарвардском университете профессором Майклом Игнатъеффом, нельзя оставить без внимания.

Несмотря на провоцирующее название его новой книги, «Меньшее

из зол», развиваемые в ней идеи ни в коей мере не подталкивают читателя к решительным действиям; скорее наоборот, основной лейтмотив книги заключается в призыве к осмотрительности и осторожности, если не сказать спокойствию. Последнее и есть то, чего столь не хватает сегодня всем народам, столкнувшимся с вызовами глобального терроризма.

Главный тезис автора прост и отчасти очевиден. Терроризм опасен не столько тем, что порождает жертвы и наносит хозяйственный ущерб, сколько вследствие того, что вызывает социальную и политическую дезорганизацию. Он становится испытанием демократических обществ на зрелость, так как, с одной стороны, «заставляет большинство граждан относиться к имеющимся у них свободам как к источнику скорее слабости, нежели силы» (р. 59), а с другой стороны, «приоткрывает

В.Л. Иноземцев — д. э. н., научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, главный редактор журнала «Свободная мысль-XXI».

различие между демократией, как властью большинства, и демократией, как гарантией соблюдения прав меньшинства» (р. 75). Терроризм, как таковой, не может ниспровергнуть политическую систему или разрушить стабильное общество (автор приводит примеры террористических вакханалий в царской России и в веймарской Германии [см. pp. 64–66]), но зато ему по силам подорвать основы легитимности власти и тем самым облегчить политические перевороты, вызываемые социальными или экономическими кризисами.

Поэтому, уверен профессор Игнатъефф, «демократическим обществам нужно изыскать способ по-прежнему видеть в своей кажущейся уязвимости проявление силы. Ведь для этого не нужно ничего особенного. Это лишь означает, что представители демократических институтов должны выполнять свою обычную работу» (р. 80). Самую опасную из возможных ошибок он усматривает в «перерождении того исконного конституционного долга демократических лидеров, который состоит в осуществлении контроля над спецслужбами, в их сомнительном “сотрудничестве”, в рамках которого политики закрывают глаза на деятельность спецслужб, а спецслужбы — на действия политиков» (р. 135). К сожалению, приходится признать, что террористические акты, совершенные в последние годы на терри-

тории Российской Федерации, вызвали к жизни именно такие последствия, и они уже сегодня чреваты уничтожением всех тех незрелых элементов гражданского общества, которые появились в стране после падения коммунизма.

Терроризм, продолжает автор, — это «*вид политики, направленный на умерщвление политики*, как таковой, и именно поэтому он должен встретить отпор *со стороны любого общества, желающего остаться политическим* (курсив мой. — В.И.)» (р. 111). Причем противодействие терроризму следует осуществлять только политическими методами; любая чрезвычайщина свидетельствует об успехе террористов, а вовсе не открывает путь к их уничтожению, поскольку она подчеркивает неуверенность власти в самой себе. Проявление же такой неуверенности (а еще хуже — неспособности властей в рамках закона противостоять вылазкам террористов) есть шаг к поражению в «войне с террором». «Операция, в которой уничтожается ячейка террористов, но которая порождает ненависть к власти не частного к терроризму местного населения, является не успехом, а неудачей», — утверждает автор (р. 82). В качестве примера разумных действий он приводит усилия германского и итальянского правительств, позволившие искоренить террористические группировки в этих странах в 1970-е годы (см. pp. 70–72), и,

нельзя не признать, пример этот выглядит весьма убедительно.

В своей книге Майкл Игнатьев анализирует два чрезвычайно важных аспекта проблемы терроризма, которые обычно игнорируются теоретиками и практиками антитеррористической борьбы.

Во-первых, он подчеркивает недопустимость смешения различных видов терроризма (которых насчитывает шесть: *революционный*, направленный на свержение определенной формы правления; *эпизодический*, ставящий целью решение конкретной задачи; *освободительный*, порожденный желанием свергнуть колониальные власти; *сепаратистский*, подпитываемый стремлением определенной этнической группы к автономии или независимости; *антиокупационный*, по сути тождественный партизанскому движению; *глобальный*, «не движимый идеей освобождения некоей группы людей, а порожденный жаждой нанести ущерб глобальным властным институтам и дискредитировать их» [см. р. 83]). Глобальный терроризм, наименее понятный воспитанному в западной традиции человеку, проистекает не из силы, а из слабости, и именно «эта апелляция к слабости служит [для террористов] основным моральным оправданием террористических актов» (р. 91). Как правило, терроризм такого типа носит религиозный характер, а его поборники надеются на личное спасение или искупление,

рассматривают террористический акт как форму религиозного самопожертвования («как только задачей становится бессмертие собственной души, политическое насилие оказывается подчинено не политической, а личной цели» [р. 124]), и это разрушает всю систему антитеррористических мер, выстроенную вокруг идеи политического противостояния.

Во-вторых, профессор Игнатьев отмечает, что борьба с терроризмом должна предусматривать соблюдение ряда принципов, важнейшими из которых являются: законность; демонстрация очевидной вынужденности тех или иных действий, предпринимаемых властями; необходимость убедить население в том, что все иные варианты исчерпаны; наконец, «публичное обоснование предпринимаемых акций, корректность которых может оцениваться лишь обществом [но не властью]» (см. р. 19). Более того, поскольку «атака террористов способна в равной мере вызвать к жизни как гражданское самопожертвование, так и шовинистические проявления» (р. 75), безусловно необходимым является наличие некоего «высшего закона», к которому как борцы с террором, так и представители гражданского общества могли бы апеллировать в спорных ситуациях. Оценивая различные эпизоды антитеррористической кампании, инициированной событиями 11 сентября 2001 года, автор пишет: «Урок представляется ясным: даже в

чрезвычайных обстоятельствах, когда некоторые свободы ограничиваются, конституционная власть должна оставаться подотчетной высшему закону, совокупности норм, утверждающих фундаментальную приверженность общества защите достоинства личности» (р. 44). Эти стандарты, отмечает Майкл Игнатъефф, могут либо проистекать из самих принципов организации государства (как в Соединенных Штатах, где в таких случаях принято обращаться к положениям Билля о правах), либо задаваться межгосударственными соглашениями и конвенциями о правах человека, хотя наиболее совершенным и последовательным инструментом их имплементации было бы формирование наднациональной судебной инстанции, подобной Европейскому суду по правам человека (подробнее см. pp. 45–46).

К каким же выводам приходит автор? Они довольно просты. Столкнувшись с новой угрозой, которую, как показано в книге, многие политики не без оснований считают внесистемной (так как она исходит из сферы неполитического), современные демократические государства

далеко не всегда находят на нее адекватный ответ. Именно поэтому поиск оптимального ответа становится выбором из различных зол, так как идеального варианта не существует. Но этот выбор ни в коем случае не должен подразумевать отказ от демократических принципов, от признания неотчуждаемых прав человека, от очевидной аксиомы, согласно которой правительство создано для служения народу, а не наоборот. Любое отступление от этих норм, любая мобилизация (пусть даже объявляемая в качестве временной) будут свидетельством более или менее масштабной капитуляции перед лицом террора. Пока террористы движимы личными мотивами, они не в состоянии создать мощную политическую (в полном смысле этого слова) организацию; когда же они осознают, что своими действиями породили политические перемены, то обретут гораздо более серьезные мотивы и получат гораздо более серьезные организационные преимущества. И задача демократических обществ, утверждает профессор Игнатъефф, состоит в том, чтобы не дать в руки фанатиков это мощное оружие.

Срочно нужна идея

Александр Кузяков

Национальная идея: история, идеология, миф / ИСП РАН; Отв. ред. Г.Ю. Семигин. М.: издательство «Современная экономика и право», 2004. 599 с.

На первый взгляд в эпоху глобализации всякие разговоры о необходимости национальной идеи выглядят нонсенсом. Да и есть ли смысл в понятиях «нация», «национальная культура» и «национальное государство», когда политические институты, экономика и финансы становятся наднациональными, когда Интернет отменяет пространство, искусство утратило черты национального стиля, а ценности получили статус общечеловеческих? Сегодняшний мир изъясняется на одном *lingua franca*, и, как во времена легендарного строительства Вавилонской башни, дело, скорее всего, идет к тому, чтобы «вся земля говорила на одном языке и владела одной речью».

Наступившая «постнациональная эпоха», пишут авторы коллективной

монографии «Национальная идея: история, идеология, миф», подвергает кардинальной ревизии «само понятие нации и национализма... национальных ценностей и интересов, национальных движений и идеологий» (с. 128). Причины, побудившие ее авторов все же обратиться к данной теме, требуют особого рассмотрения.

Одним из поводов для написания монографии, как объясняют сами авторы, послужила предпринятая в середине 1990-х годов попытка создать новую государственную идеологию на основе русской идеи и «новейших политтехнологий». В качестве главного требования выдвигалось «выявление в истории (в культуре, общественном сознании — где угодно, лишь бы немедленно) такого набора объединяющих граждан Российской Федерации символов и ценностей, официальное провозглашение которого “национальной идеей” позволило бы вывести политический конфликт... в приемлемые рамки “спора о второстепенном”». Требо-

А.В. Кузяков — ответственный редактор журнала «Россия в глобальной политике».

валось также извлечь из глубин общественного сознания и истории такие лежащие в основе национальных интересов принципы, которые могли бы «придать внешней политике преемственность и последовательность, одновременно обеспечив ей широкую общественную поддержку».

Словом, налицо попытка навязать «абстрактные универсальные модели живому сложносоставному обществу» (с. 4–5).

По своему замыслу монография направлена против всякой манипуляции национальным сознанием, против конъюнктурного видения национальных идей, согласно которому они являются «своего рода идеологическими конструктами», которые вырабатываются в процессе модернизации интеллектуальными элитами и используются затем «различными политическими и социальными силами в своих прагматических целях» (с. 128). Вместе с тем в книге содержится много полезной информации об истории и современной жизни различных стран, ряд ценных сведений о малоизвестных обычаях некоторых народов. Но прежде всего это, конечно, политологический труд.

Основываясь на исторических реалиях, авторы исследуют генезис и опыт развития «национальной идеи» в западных странах, затем переходят к особенностям национального самосознания народов Азии и Латинской Америки и его трансформации под воздействием происходящих в

мире изменений; наконец, национальная идея рассматривается как политико-культурный вызов целому ряду стран, судьбы которых пересекаются с судьбой России.

Политологи и эксперты, принявшие участие в работе над монографией, подчеркивают, что национальная идея далеко не абстрактное понятие, а «органически вытекающая из традиций и особенностей бытования народов духовная норма совместной жизни граждан государства» (с. 594). Таким образом, нации и национальные идеи предстают в качестве конкретных исторических и философских понятий, держащих экзамен на жизнеспособность. Одновременно исследование данного предмета тесно связано с осмыслением той основы, на которой формируется нация, то есть всей совокупности «оригинального философского творчества, созданного тем или иным этносом или культурой» (с. 222).

Творческие способности народов и их историческая интуиция наиболее ярко проявляются в периоды смены эпох и великих потрясений. Одним из таких драматических поворотов в истории явилась эпоха, когда многие тысячи людей начали объединяться для деятельности по созданию своих наций. Авторы приводят многочисленные свидетельства, относящиеся к периоду зарождения национальных государств, ставших своего рода источниками национальной идентичности. Национальные идеи оказа-

лись результатом политического, экономического и социокультурного превращения европейских этносов в нации, создавшие в XV–XVII веках свои национальные государства. История формирования этих государств отражает растущее осознание народами своей «надэтнической национальной идентичности» (с. 108). Новое состояние общества подготовило условия для нового, более рационального восприятия реальности, способствовало углублению представления об идее собственной нации.

Но такой же переломной эпохой, по утверждению авторов, явились и весь XX век, и сегодняшняя эпоха глобализации. Разница только в том, что ныне мы становимся свидетелями кризиса национальных идей и «распыления исторических тел национальных государств». В этом смысле книга охватывает большой исторический промежуток времени, причем в данном случае прослеживается роль национальных идей в качестве связующего звена между прошлым и настоящим отдельных наций.

В монографии приводятся примеры проявления высокой степени национального самосознания в ходе борьбы с феодальной раздробленностью и партикуляризмом, за объединение нации, за создание внутреннего национального рынка. Отчетливо продемонстрировано, как в национальных государствах закладывался фундамент единой институциональной и правовой системы, как

одновременно уничтожались не только старые провинциальные границы, но и старые «ритуализированные барьеры» в психологии народов.

Первые национальные государства в Европе юридически оформили свои отношения в трактате о Вестфальском мире 1648 года, тем самым заложив основы международного права Нового времени. Образовалась система, базирующаяся на суверенитете государств и личной свободе граждан. Следствием рационализации национального самосознания явилось, наряду с такими ценностями нации, как государство, создание единого языка, социальности и культуры, более глубокое понимание такой общечеловеческой ценности, как представление о личности и ее достоинстве. Не случайно уже в XVII веке в Европе зародилось представление о гражданском обществе как объединении свободных индивидуумов.

Монография проливает свет на некоторые особенности формирования и развития национальных идей, одновременно выявляя и высокую степень их креативности, и их противоречивость и ограниченность, в частности выражающиеся в их превращении в идеологические конструкты и мифологемы. Так, в соответствии с «интересом» определенной эпохи национальная идея выступала то в облике идеи централизованного государства, то брала на себя роль возрождения духа империи, приобретая

оттенок тоталитарности, то превращалась в идею освобождения, то становилась мотором для сепаратистских движений. Наконец, сегодня, в процессе европейской интеграции, некоторые государства все больше ассоциируют идею собственной нации с европейской идеей.

В книге также разъясняется, почему развитие национальных идей в разных странах шло различными путями, иногда резко расходясь в противоположные стороны. По какой причине, например, в Англии национальная идея превратилась в идею «общенациональных прав» (с. 84) и британская «неписаная конституция стала стержнем как национального характера, так и национальной идеи» (с. 103), а Германию и Италию она привела к тоталитаризму? Почему во Франции национальная идея до сих пор остается важным компонентом духовных ценностей, культурной идентичности, необходимым условием легитимности любого политического режима (с. 14)? Почему, наконец, сегодня функции национальной идеи расширились до «идеи интеграции культурно-национальных ценностей с общечеловеческими» и считается, что без национальной идеи невозможно становление гражданского общества (см. с. 439–440)?

С глобализацией и новой фазой европейского интеграционного процесса связаны многие дискуссии о судьбах нации в «постнациональную» эпоху; меняется роль нацио-

нальных государств, процесс зарождения которых в свое время стимулировал создание национальных идей; по мере того как государство приобретает все более «транснациональный» характер, ставится под вопрос понятие суверенитета. Все это, считают авторы, стимулирует и одновременно затрудняет поиски новой национальной идентичности. Показателен пример Италии, где широкое хождение приобрел тезис о «несовершенстве государственной конституции» и незавершенности процесса формирования нации; требуется проведение структурных реформ, «перераспределение компетенции между новыми, наднациональными институтами, государством и местным самоуправлением» (с. 220). Предметом особых дискуссий становится реформа социального государства. Возникает вопрос и о том, как сочетать национальные ценности Рисорджименто (свобода, независимость, единство, суверенитет страны) с участием в интеграционных процессах в Европе и т. д. (см. с. 151).

Процессы глобализации в развивающихся странах на фоне отсутствия общего уровня культуры, общегражданского сознания, глубоких социальных контрастов, сохранения патриархальной структуры общества также затрудняют там поиски национальной идеи. Так, например, в Индии, пишут авторы, любая идея до сих пор может получить поддержку

населения только в том случае, если она опирается на традиционные ценности (см. с. 288).

В странах Латинской Америки, как выясняется, национальная идея и вовсе не прижилась «в силу низкого уровня этнонационального самосознания и отсутствия традиций этнической солидарности», при этом обычай здесь сильнее закона (с. 220). Нацию олицетворяет президент государства и «служит живым воплощением некой абстрактной “национальной идеи” в реальной жизни» (с. 212).

Для ряда стран национальная идея стала настоящим вызовом, поскольку трудности модернизации усугубляются в условиях полиэтничности, а также в связи с геополитическим положением этих государств. Попытки реализовать под маркой национальной идеи корыстные групповые интересы создают дилемму: способствует ли реализация «национальной идеи» эмансипации и дальнейшему прогрессу того или иного народа как национально-государственного целого, или же речь идет о сепаратистском движении под мифологизированными лозунгами (см. с. 384)? Авторы, в частности, подробно останавливаются на проблемах Кавказского региона, стран Балканского полуострова, где «борьба» национальных идей насчитывает уже более двух столетий, а также Польши — страны, положение которой сами поляки определяют как «на

восток от Запада и на запад от Востока» (с. 555). (Кстати, о России можно сказать то же самое; например, Николай Бердяев определял ее как Востоко-Запад.)

Одновременно в модернизирующихся обществах происходит обострение социально-политических проблем, и именно потому, что «снижение степени рационализма и страх перед будущим, характерные для переходного состояния общества, приводят его членов к утрате социальной идентичности, к мифологизации своего мира в социальной реальности» (см. с. 400).

Глобализация, безусловно, по-новому ставит проблему национальной идеи. И задача авторов состояла в том, чтобы добиться понимания того, что изобретение идеологом или использование традиций и обычаев вряд ли способны оказать существенную помощь при поиске национальной идеи. В этом известный прагматизм монографии, который заключается в ее нацеленности на современность: в центре внимания — «факты реальной истории, а не анализ мифа». Но книга прагматична также и в том, что, анализируя развитие национальных идей во многих странах, «общепринятые в данной национальной среде представления о смысле бытия» (с. 64), авторы постоянно держат в поле зрения российскую проблематику.

Главы о России завершают труд и подводят итог всей монографии,

одновременно придавая ей полемическую заостренность, что естественно, поскольку речь идет об одной из самых горячих тем отечественного политического дискурса последних лет. В России более двух десятков народов живут на собственных этнических территориях и имеют право на свою культуру, психологию и самосознание. Бережное отношение к культурному наследию

и глубокое погружение в историю не заслоняют перед авторами сегодняшних российских проблем. Впрочем, и сам богатый на драматические события опыт России указывает: искомую идею может подсказать только «современная практика общественной жизни» (с. 594). Понимание этого дает надежду на то, что Россия еще совершит прорыв в сфере новой духовности.

Европарламент: власть или мираж?

Владимир Швейцер

Европейский парламент. Проблемы и перспективы / Институт Европы Российской академии наук; Научный совет «Партийно-политические системы XXI века»; Национальный инвестиционный совет. М.: Огни, 2004.

2004 год был отмечен несколькими важнейшими событиями в жизни Европейского союза. В мае его ряды пополнились сразу десятью новыми участниками. Был принципиально решен вопрос о вхождении в

ЕС в ближайшие годы Болгарии и Румынии, а также дан старт переговорному процессу с другим возможным членом Евросоюза — Турцией. Первостепенное значение имело и согласование на высшем европейском уровне текста Конституции ЕС. Наконец, в июне в 25 странах Европейского союза прошли выборы в Европейский парламент, отметив тем самым четвертьвековой юбилей прямого избирательного процесса в высший законодатель-

В.Я. Швейцер — д. и. н., главный научный сотрудник Института Европы РАН.

ный орган объединяющейся Европы. В этой связи вполне оправданно появление на книжном рынке России рецензируемого коллективного труда, тем более что в прошлые годы институту власти Евросоюза не уделялось практически никакого внимания ни в периодической печати, ни в монографических исследованиях.

Авторский коллектив (а это, помимо политологов, историков, экономистов из академических институтов, также и ряд европейских дипломатов) сосредоточил внимание как собственно на проблеме функционирования Европарламента (ЕП), так и на процессе выборов в ключевой орган супервласти Старого Света. Был также затронут широкий круг вопросов жизнедеятельности ЕС в сфере внешней и внутренней политики, общецивилизационного и культурного развития, взаимоотношений со странами, не являющимися членами Европейского союза, в том числе и с Россией.

Однако далеко не по всем темам, поднятым в дискуссии, имело место совпадение во мнениях. Прежде всего это касалось перспектив Европейского парламента как высшего органа законодательной власти. Если одни полагали, что уже сегодня «Европарламент принимает большинство европейских законов и напрямую влияет на жизнь его граждан» (с. 18), то некоторые российские ученые были более скептически, полагая, что, несмотря на известное

повышение значимости парламента в институциональной структуре Евросоюза, он еще не обладает функциями высшей законодательной власти. Лишь половина нормативных актов ЕС находится в сфере наднационального парламента. Бюджет Европейского союза подконтролен Европарламенту лишь частично, исполнительные органы формируются посредством закулисных переговоров, где Европейский парламент не может заявить о себе в должной мере. Правящие круги Евросоюза не заинтересованы в повышении объема полномочий Европарламента, считая, что его нынешний уровень вполне достаточен и «дальнейшее увеличение полномочий ЕП маловероятно» (с. 61).

Объективным критерием значимости Европейского парламента является участие граждан стран — членов ЕС в процессе выборов в этот институт власти. Постоянно снижающаяся явка избирателей на евровыборы — с 63 % (1979) до 44 % (2004) показывает их весьма незначительный интерес к данному событию. Чем это можно объяснить? По мнению одних, причина здесь прежде всего объективная: национальные интересы государств-членов доминируют над общеевропейскими, что мешает формированию единого европейского электората. Другие делают упор на субъективные обстоятельства, связанные с тем, что СМИ не доносят до евро-

пейцев всех нюансов его функционирования, а население Европы в целом «недостаточно информировано о деятельности Европарламента» (с. 21).

Российские авторы обозначают более широкий круг причин, заставляющих большинство европейцев игнорировать наднациональный избирательный процесс. Это и разочарование французских избирателей в эффективности руководящих органов Европейского союза (с. 115), и отсутствие понимания у германских избирателей принципов и механизмов принятия решений в рамках Евросоюза (с. 103), и скепсис скандинавов относительно возможности реального влияния своих депутатов на законодательный наднациональный процесс: «население Дании, Швеции и Финляндии ясно осознает, что на данной стадии развития национальные парламенты своими законами более непосредственно влияют на условия и качество жизни, чем Европарламент» (с. 135). Общий вывод, характерный для российских авторов книги: евровыборы, по существу, являются второстепенными национальными, слабо волнующими население Европы.

Дух евроскептицизма проявляется не только в факте «голосования ногами», но также и в появлении на политической авансцене движений, ставящих под сомнение сам процесс строительства общеевропейского дома. Евровыборы 2004 года выявили

определенную динамику в этом направлении как в странах — старожилах ЕС (Франция, Нидерланды, Австрия), так и у некоторых его новичков (Польша, Чехия). Своего рода феноменом последних выборов стал очевидный успех евроизоляционистов в Великобритании (Партия независимости) и в Швеции («Июньский список»), получивших соответственно 16 % и 14,4 % голосов избирателей. По мнению одного из авторов, Партия независимости не выглядит как политическая однодневка, отражая серьезные сомнения части электората в эффективности для Великобритании интеграционных процессов (с. 121–122). По мнению другого автора, успех «Июньского списка» отнюдь не случаен и свидетельствует о кризисе партийно-политической системы Швеции, тенденции постепенного перехода от партийных структур к движущему, не отягощенному бюрократической заорганизованностью (с. 141).

Представляется, что авторы статей, анализирующие ситуацию как в странах-старожилах, так и у новичков ЕС, сумели уловить главную особенность последних европарламентских выборов. Их избиратель вынес вердикт не столько по европейскому, сколько по национальному критерию, выставив «неуд» властям предрержащим, вне зависимости от их идейно-политической ориентации. Похоже, что весьма популярная до недавнего времени теория «смены

волн» — от социал-демократической к консервативной и наоборот — не нашла своего подтверждения. Вне зависимости от программных позиций и идеологических сентенций практический курс власть имущих в Европейском союзе делает их во все большей степени заложником мировой хозяйственной и регионально-страновой конъюнктуры.

В работе Европарламента это обстоятельство приобретает доминирующее значение, когда три основные фракции — консерваторы, социалисты и либералы — выступают

в абсолютном большинстве случаев в унисон, расходясь в оценке, лишь когда на повестке дня стоят проблемы, затрагивающие интересы отдельных государств. Поэтому сегодня сам Европейский парламент — это не столько высший орган Евросоюза, сколько некий мифический сверхвласти. Такой вывод с достаточной очевидностью напрашивается по прочтении книги, которая, безусловно, заинтересует как ученых-международников, так и тех, кто ищет себя на стезе российской политической жизни.

Послесловие к двум революциям

Марк Шкундин

— Молодой человек, против чего Вы боретесь? Перед Вами — стена.

— Стена, да гнилая — ткни и развалится.

Из приписываемого В.И. Ленину диалога с полицейским чиновником

Так получилось, что за истекший год автору этих строк довелось на страницах журнала «Россия в глобальной политике» рецензировать книги двух президентов государств — участников СНГ: Леонида Кучмы («Украина — не Россия») и Аскара Акаева («Думая о будущем с оптимизмом»). События, произошедшие в недалеком прошлом

и стоившие обоим авторам не только президентских кресел, но в значительной степени и политической репутации, обязывают меня написать нечто вроде послесловия.

В своей книге Акаев постоянно подчеркивал, что утверждение принципов демократии, органически присущих киргизскому менталитету,

преодоление обострившихся при переходе к рыночным отношениям противоречий лежат в основе гармоничного развития киргизского общества и достигнутого национального (и межнационального) единства.

События 22–23 марта 2005 года показали, что эти рассуждения оставались благими пожеланиями. Ситуация, при которой несколько тысяч возбужденных подростков, не встречая практически никакого сопротивления, сокрушили «оазис демократии в Центральной Азии», не может не вызывать недоумение. Отсюда и стремление разобраться в движущих силах «разноцветных» революций и их ее возможном влиянии на дальнейшее развитие той территории, которая еще недавно была единой страной.

Проще всего оценивать кризис в Киргизии (как, кстати, и в других республиках бывшего СССР) с позиций «Технологии власти» Абдурахмана Авторханова. Однако, как кажется, жизнь ушла вперед, и выверенные советской практикой рецепты межклановых взаимоотношений внутри номенклатуры (Авторханов анализирует их на основе ситуации в позднесталинском руководстве) последовательно проваливаются в условиях постсоветского пространства.

Как ни странно, формирование таких качеств, как гражданская зрелость, нетерпимость к манипулированию общественным мнением и стремление влиять на процесс принятия решений, значительно обогна-

ло на постсоветском пространстве темпы социально-экономического прогресса общества. Прежде всего для интеллигенции, а вслед за ней и для нищающих масс становятся неприемлемыми правление «семьи», клановая структура власти, местничество и прочие традиционные реалии, плавно перетекшие в постсоветскую действительность. При этом говорить, как сделал Аскар Акаев, не только о зарождении, но и об укреплении настоящего гражданского общества, было, по меньшей мере, безответственно. А гражданские чувства без зрелого гражданского общества — прямой путь к бунту.

Трагедия Акаева как политика заключается в том, что он не справился с практически неразрешимой задачей — обеспечить материальной базой разбуженные им самим ожидания прогресса в социальной сфере и глубоких демократических преобразований.

Что касается бывшего украинского лидера, то под большей частью того, что он изложил в своем фундаментальном труде, вполне могли бы подписаться и его непримиримые «оранжевые» оппоненты. Леонид Кучма подчеркивал, что одна из самых трудных задач украинского общества — обрести украинскую самоидентификацию и психологию, понять, что национальное выше материального или социального. Автор последовательно проводил мысль о том, что Украина по всем парамет-

рам является, в отличие от России, страной европейской. Чем не лозунги с Майдана? По мнению бывшего президента, украинцев отличают индивидуалистический тип личности и «такая особенность украинского характера, как ориентация на накопление». Последнее режим Кучмы, судя по всему, и погубило: слишком глубоко «ориентация на накопление» поразила всю правящую верхушку. И тот факт, что Украина по уровню своего развития несопоставима с Киргизией и Грузией, в данном случае значения не имеет.

Если новая власть во всех «после-революционных странах» не найдет неординарных решений и все закончится сменой «первых лиц», то можно говорить об очередной пирровой победе недееспособной верхушки. К сожалению, пока есть основания предполагать, что главным результатом изменений станет не экономический и политический прорыв, а «переформатирование» номенклатуры, которая к тому же сделает выводы из собственной победы: как не допустить повторения подобных «революций», направленных уже против них. Понятно, что лучше заботиться о демократии в глобальном масштабе, чем решать проблемы собственной страны. Не случайно после киргизских событий президент Грузии Михаил Саакашвили похвастался тем, что его страна стала «фактором» революционного движения, «не сидит сложа

руки и не ждет, как будут развиваться события, а делает все для разрушения империи» в СНГ. Своя логика в этом есть: если больше экспортировать нечего, почему бы не заняться экспортом революции...

В Киргизии пока налицо угроза экономического коллапса, дискредитация демократического пути развития центральноазиатских государств, потеря высокого международного рейтинга, завоеванного благодаря президенту Акаеву. Очевидно, что его насильственное свержение вдохновит оппозицию по всему региону, причем самые разные ее компоненты — от исламистов (кстати, в самой Киргизии этот фактор был практически незаметен) до опальных министров и чиновников. Со стороны ближайших соседей «оазиса демократии» едва ли стоит ожидать открытого диалога с недовольными и поиска приемлемого компромисса. Скорее всего, в соответствии с господствующим менталитетом ставка будет сделана на дальнейшее усиление репрессивного аппарата и ужесточение контроля над всей сферой общественной жизни.

Аскар Акаев остался верен принципам, провозглашенным в его книге. Он не пролил кровь своего народа. Он не цеплялся за власть. В истории региона мы не найдем подобного примера. Остается надеяться, что и другие лидеры, исчерпавшие свой потенциал и потерявшие связь с собственным народом, учтут хотя бы этот опыт событий в Киргизии.

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ — XXI

Теоретический и политический журнал

ЕДИНСТВЕННЫЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
ЖУРНАЛ УНИВЕРСАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
ДЛЯ ДУМАЮЩИХ ЛЮДЕЙ

*Актуальные проблемы политики и экономики.
Общественная жизнь и культура.
Анализ прошлого и прогнозы на будущее.
Публикации документов.*

Ежемесячно, на протяжении многих лет, наперекор всем превратностям политической конъюнктуры вместо слухов и сплетен, вместо пиара и политтехнологий, вместо рекламы и заказных статей — авторитетные мнения российских и зарубежных ученых и деятелей культуры.

Репутация журнала — в репутации его авторов:

Дмитрий Львов и Сергей Глазьев, Нодари Симония и Станислав Меньшиков, Борис Капустин и Александр Неклесса, Михаил Делягин и Сергей Рогов, Дмитрий Фурман и Юрий Афанасьев, Виталий Третьяков и Андрей Торкунов, Алексей Малашенко и Александр Тарасов, Лилия Шевцова и Валентина Федотова, Фрэнсис Фукуяма и Джозеф Най, Андре Глюксман и Эрик Хобсбаум.

Теряет тот, кто не читает.

С 2001 года журнал издает в качестве приложения «Библиотеку журнала "Свободная мысль-XXI"», в которой уже вышли книги Ларри Зидентопа, Зигмунда Баумана, Генри Киссинджера, Иммануила Валлерстайна, Сейлы Бенхабиб, Уилла Хаттона, Фариды Закарии. В 2005 году впервые на русском языке выйдут новые книги Амитагя Этциони и Джагдиша Бхагвати.

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ШЕФ-РЕДАКТОР

академик Н. П. ШМЕЛЕВ

**ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ ЗНАТЬ,
КАК И ЧЕМ ЖИВУТ СЕГОДНЯ
СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТИНЕНТА**

Широкий круг российских и зарубежных авторов:
государственных и политических деятелей, видных ученых,
дипломатов, военных экспертов, журналистов



становление новой, интегрированной Европы
•
проблемы экономики, политики, безопасности, науки,
культуры и искусства, религиозной жизни
•
европейский опыт развития гражданского правового общества,
создания социальных и духовных условий жизни,
достойных человека
•
Россия и Европейский Союз
•
научная жизнь – разнообразие мнений, дискуссии
•
документы
•
рецензии

ПОДПИСКА

по каталогу «Роспечать», индекс 79701,
по объединенному каталогу «Пресса России», индекс 14492,
по каталогу для библиотек, индекс Б902 и непосредственно в редакции.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОДПИСКА

каталог ЗАО «МК-Периодика»



телефон редакции (095) 292 2720 • факс (095) 200 4298 • E-mail: sov_europe@mail.ru

Отечественные записки

ЖИВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РОССИЙСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Пополняется каждые два месяца

Подписной индекс 43785

www.strana-oz.ru



РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Мартти** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич**
(заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
- БИЛЬДТ Карл** член Наблюдательного совета корпорации *RAND*, премьер-министр Швеции в 1991–1994 гг.
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович
(в личном качестве) советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич
(в личном качестве) заместитель председателя Правительства РФ
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
- ИВАНОВ Игорь Сергеевич**
(в личном качестве) к. и. н., секретарь Совета безопасности РФ
- ИНОЗЕМЦЕВ**
Владислав Леонидович д. э. н., научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, председатель научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике», главный редактор журнала «Свободная мысль–XXI»
- КАЙЗЕР Карл** профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., первый вице-президент ЗАО «КРОС»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич член-корреспондент РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
- КУЗЬМИНОВ**
Ярослав Иванович к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики
- ЛАВРОВ Сергей Викторович**
(в личном качестве) министр иностранных дел РФ

ЛИВШИЦ Александр Яковлевич	д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»
ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика»
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., депутат Государственной думы РФ
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	д. п. н., профессор, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент, сопредседатель «Комитета-2008»
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
ЮРГЕНС Игорь Юрьевич	к. э. н., первый вице-президент, руководитель направления по работе с государственными и правительственными организациями группы «Ренессанс Капитал», вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
ЯСТРЖЕМБСКИЙ Сергей Владимирович (в личном качестве)	к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., завкафедрой европейской интеграции МГИМО(У) МИД РФ
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ШКУНДИН Марк Зусьевич	к. и. н., ведущий исследователь ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности
ЮРЬЕВ Александр Иванович	д. п. н., профессор, завкафедрой политической психологии СПбГУ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	президент компании ОАО «АК «Транснефть», академик Академии горных наук
ВАРДАНЯН Рубен Карленович	президент группы компаний «Тройка-Диалог»
ВЕКСЕЛЬБЕРГ Виктор Феликсович	президент ОАО «СУАЛ-Холдинг»
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	председатель совета директоров Ассоциации по защите прав инвесторов
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий
КУЗЯЕВ Андрей Равелевич	президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих ИАТА, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»
ЦВЕТКОВ Николай Александрович	к. э. н., президент ФК «Уралсиб»

Подписка в России, СНГ и странах Балтии по каталогу «Роспечать»,
индексы: 46708, 46709, 46710

Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»,
индексы: 15577, 11119, 16497.

Подписка на Украине, по каталогу «KSS», тел. +38(044) 464-0235

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru или письмом по адресу:

АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера получение в редакции – **180 руб.**

(русскоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

Цена одного номера получение в редакции – **250 руб.**

(англоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

АБОНЕМЕНТ на газету журнал		<input type="text"/> индекс издания									
Россия в глобальной политике (наименование издания)		Количество комплектов									
на 2005 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда	<input type="text"/>										
	Почтовый индекс (адрес)										
Кому	<input type="text"/>										
	(фамилия, инициалы)										
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА		<input type="text"/> индекс издания									
ПВ	место	литер	на газету журнал								
Россия в глобальной политике (наименование издания)		Стоимость подписки _____ руб. _____ коп. _____ руб. _____ коп.		Количество комплектов							
на 2005 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда	<input type="text"/>										
	Почтовый индекс (адрес)										
Кому	<input type="text"/>										
	(фамилия, инициалы)										

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«БУКБЕРИ»

- **ТРК «МЕГА»** (пав. 9092) Калужское ш., 21-й км (тел.: 789-6502)
- **ТЦ «Глобал Сити»** ул. Кировоградская, 14 (тел.: 956-4239)
- **Никитский б-р, 17** (тел.: 291-8303, 789-9187)
- **ТК «Галерея Аэропорт»** Ленинградский пр-т, 62а (тел.: 771-7261)

«РОССПЭН»

- «**Книжная лавка историка**» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «**Книжная лавка обществоведа**» Нахимовский пр-т, 51/21 (тел.: 332-4725)
- «**Книжный киоск РОССПЭН**» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «**Ad Marginem**» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- «**Политическая книга**» ул. М. Дмитровка, 3/10 (тел.: 200-3694)
- В киосках «**МН-Пресс**»
- 1-й подъезд **Российской Государственной Библиотеки**
- В киоске «**Деловые люди**» 1-ая Тверская-Ямская ул., 1
- В киосках **МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА**
- **Клуб «Проект О.Г.И»** Потаповский пер., 8/12, стр.2 (тел.: 927-5609)

В Санкт-Петербурге:

- «**Летний сад**», Большой пр. П.С., 82 (тел.: (812) 232-2104)
- «**Русское богатство**» (магазин при РХГИ)
Наб. Р. Фонтанка, 15 (тел.: (812) 310-5036)
- «**Книжный магазин**» Лесной пр., 8 (тел.: (812) 541-8639)

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»

или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»

Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»

129110, Москва, ул. Гиляровского, 39

Тел.: (095) 681-9137, 681-9763

Факс: (095) 681-3798

E-mail: info@periodicals.ru <http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму East View Publications

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications

3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447, USA

Tel: 1-763-550-0961

Fax: 1-763-559-2931

E-mail: eastview@eastview.com

<http://www.eastview.com>

117638, Москва

ул. Азовская, 6/3

Тел.: (095) 777-6557, (095) 318-0927

Факс: (095) 318-0881

E-mail: mosunova@mosinfo.com

<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

Извещение

Форма № **пд-4**

АНО «Редакционно-издательский дом «Глобус»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ Р/сч. № 40703810400001000317

(номер счета получателя платежа)

ОАО «Вербанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

К/сч. № 30101810000000000124

БИК 044585124

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № **пд-4**

АНО «Редакционно-издательский дом «Глобус»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ Р/сч. № 40703810400001000317

(номер счета получателя платежа)

ОАО «Вербанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

К/сч. № 30101810000000000124

БИК 044585124

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки **получение в редакции**
заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

P/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)